

Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова

УДК 314.148 (574.2) «18»/«19»

На правах рукописи

САМАРКИН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**Социально-демографические процессы в Северном Казахстане
в конце XIX – первой четверти XX века**

07.00.02 – Отечественная история
(История Республики Казахстан)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
Козина В.В.

Республика Казахстан
Караганда, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ОПРЕДЕЛЕНИЯ	3
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	7
ВВЕДЕНИЕ	9
1 НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	31
1.1 Особенности политического и социально-экономического развития региона	31
1.2 Динамика естественного и механического движения населения	51
1.3. Процессы этнокультурного и межнационального взаимодействия в регионе	71
2 СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В 1917 – 1926 ГГ.	88
2.1 Политические и социально-экономические изменения в регионе в период революционных событий и первые годы Советской власти	88
2.2 Факторы естественного и механического движения населения, состояние здравоохранения	107
2.3 Межэтнические процессы в регионе и уровень образования населения	129
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	148
ПРИЛОЖЕНИЯ	166

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящей диссертации применяют следующие термины с соответствующими определениями.

Ассимиляция – вид этнических процессов; проявляется в том, что группы людей, принадлежащих к уже сформировавшемуся этносу, оказавшись в тесном контакте с другим народом и, особенно в его среде, воспринимает его язык и культуру и постепенно, обычно в последующих поколениях, сливаются с ним и причисляют себя к этому народу.

Брачное состояние – положение лица по отношению к институту брака, определяемое в соответствии с обычаями и правовыми нормами страны.

Брачный возраст – минимальный брачный возраст, возраст, начиная с которого закон или обычай допускает вступление в брак.

Быт – уклад повседневной жизни, непосредственно связанный с воспроизводством, как самого человека, так и населения в целом, с удовлетворением материальных и духовных потребностей человека.

Возрастная группа – совокупность людей одинакового возраста. Основной элемент возрастной структуры населения. В зависимости от целей демографического и социально-экономического анализа различают возрастные группы однолетние и укрупненные (5-тилетние, 10-летние и т.д.).

Возрастная структура трудовых ресурсов – соотношение возрастных групп в составе трудовых ресурсов; анализ возрастной структуры трудовых ресурсов – один из аспектов их демографического изучения. Состояние и динамика возрастной структуры трудовых ресурсов во многом зависят от режима воспроизводства населения, а в отдельных районах – и от его миграции. В составе трудовых ресурсов всех стран преобладает население трудоспособного (рабочего) возраста, границы которого устанавливаются законодательно.

Воспроизводство населения – один из главных процессов воспроизводства общества, постоянное возобновление поколений людей. Иногда воспроизводство населения рассматривается как совокупность трех видов движения народонаселения: естественного, пространственного (миграция) и социального (социальная мобильность).

Голод – социальное бедствие, проявляющееся в двух формах: явной (абсолютный голод) и скрытой (относительный голод: недоедание, отсутствие жизненно важных компонентов в рационе питания).

Город – населённый пункт, жители которого заняты, как правило, вне сельского хозяйства (промышленность, транспорт, торговля и т.д.). Отнесение населенного пункта к категории «город» оформляется в законодательном порядке.

Городское население – население, проживающее в городах.

Демографическая политика – один из основных компонентов политики народонаселения; имеет своим объектом воспроизводство населения и

направлена на достижение желательного в долгосрочной перспективе типа этого воспроизводства.

Демографическая статистика – статистика населения, область статистики, занимающаяся применением статистических методов к сбору, обработке, изложению и анализу данных, характеризующих численность, состав, размещение и воспроизводство населения или его групп.

Демография – наука о закономерностях воспроизводства населения в общественно-исторической обусловленности этого процесса.

Детская (младенческая) смертность – смертность детей на 1-м году жизни (0-12 мес.). Детская смертность значительно превышает смертность во всех последующих возрастных группах.

Естественное движение населения – обобщенное название совокупности рождений и смертей, изменяющих численность населения так называемым естественным путем.

Естественный прирост населения – абсолютная величина разности между числом родившихся и умерших за определённый промежуток времени.

Занятость – совокупность экономических отношений, связанных с обеспечением рабочими местами и участием в хозяйственной деятельности; характеризует экономически активное население относительно вещественных факторов производства.

Историческая демография – раздел демографической науки, изучающий демографическую историю человечества. Так как демографическая история – часть всего исторического процесса, историческая демография входит в историческую науку.

Категория населения – в демографии, общая характеристика совокупности жителей какого-либо населенного пункта или территории в зависимости от их связи с этим населенным пунктом.

Материалы переписи, обследования населения – первичные или сводные данные, полученные в результате переписи, обследования населения. Различают первичные материалы и итоги разработки – сводные данные о населении отдельной территории и страны в целом в виде таблиц, содержащих статистические данные о населении.

Механическое движение населения – различные виды территориального перемещения населения (прибытие, выбытие).

Механический прирост населения – разность между числом прибывших на какую-либо территорию и числом выбывших из нее за определенный срок.

Миграция населения – перемещения людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на более или менее длительное время. Поскольку миграция населения складывается из миграционных потоков, понятие «миграция» употребляют и во множественном числе – миграции. Наряду с термином «миграция населения» в конце XIX – начале XX века получили распространение термины «миграционное движение населения», «передвижения населения», «механическое движение населения». Широко принятый в то время в Российской империи термин «переселение»

обозначал массовое движение сельского населения из аграрно-перенаселённых губерний в восточные и южные районы страны.

Населённый пункт (поселение) - населённое место (поселение), первичная единица расселения людей в пределах одного застроенного земельного участка (город, поселок городского типа, село). Обязательный признак населённого пункта — постоянство использования его как места обитания из года в год (хотя бы сезонно).

Оседлость – особенность образа жизни тех территориальных групп населения, которые в ходе их производственной и бытовой деятельности длительное время не меняют своего местожительства; противопоставляется кочевничеству.

Перепись населения – процесс сбора демографических, экономических и социальных данных, характеризующих в определенный момент времени каждого жителя страны или территории.

Переселение – форма организованной миграции, в данном случае нас интересует часть термина, обозначающая массовое перемещение внутри страны из аграрно-перенаселённых в осваиваемые и малонаселённые районы с целью их колонизации. Политика в области переселения получила название переселенческой (в частности, проведение столыпинской аграрной реформы).

Показатели роста населения – величины, характеризующие изменение численности населения во времени. Показатели роста населения могут быть положительными, отрицательными или равными нулю. Различают показатели собственно роста населения (темп роста населения) и показатели прироста населения.

Половозрастная структура населения – распределение населения по полу, возрастным группам и возрастным контингентам в целях изучения демографических и социально-экономических процессов.

Программа переписи населения – перечень характеристик людей, семей (домохозяйств) или сведений о них, собираемых при переписи (обследовании) населения. Содержание программ переписи обусловлено необходимостью получить сведения для государственного управления, планирования народного хозяйства.

Промилле - (от лат. pro mille — за тысячу), тысячная часть числа, обозначается ‰.

Рабочий возраст – трудоспособный возраст, один из элементов условной градации возраста человека в зависимости от его участия в общественном производстве

Рождаемость - частота рождений в определённой группе населения: количество живорождённых детей на 1 тыс. населения за 1 год. Наряду со смертностью, детской смертностью и продолжительностью жизни — важный показатель естественного движения населения.

Смертность - демографический показатель, характеризующий состояние здоровья населения: количество смертей на 1 тыс. населения за 1 год.

Социально-демографический процесс – последовательность событий в жизни отдельного человека (смертность, рождаемость, брачность) и

общественных групп. Демографическим процессом называют численность всего населения в результате рождений и смертей, а также явление демографическое, оказывающее существенное влияние на характер смены одних поколений людей другими. Явление демографическое имеет отношение к населению в целом и к большим группам людей (снижение и рост рождаемости и смертности, миграция населения). Большинство демографических явлений обусловлено воздействием внешних факторов, по отношению к воспроизводству населения. Явления демографические, с одной стороны, детерминированы социально-экономическими процессами, с другой – сами оказывают влияние на экономическое развитие, культуру и социальные процессы вообще.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АРА –	(АРА, сокращённо от англ. American Relief Administration) — Американская администрация помощи
ВКП (б) –	Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВЦИК –	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАНО –	Государственный архив Новосибирской области (г. Новосибирск, РФ)
ГАПО –	Государственный архив Павлодарской области (г. Павлодар)
ГАСКО –	Государственный архив Северо-Казахстанской области (г. Петропавловск)
ГорОНО –	городской отдел народного образования
Губисполком –	губернский исполнительный комитет
Губоно –	губернский отдел народного образования
ЗСОИРГО –	Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (г. Омск)
КазССР –	Казахская Советская Социалистическая Республика
КАССР –	Киргизская (с 1925 года – Казахская) Автономная Советская Социалистическая Республика
Кирревком –	Киргизский военно-революционный комитет
Комуч –	Комитет членов учредительного собрания (г. Самара)
МВД –	Министерство внутренних дел
Наркомпрод –	Народный комиссариат по продовольствию
НЭП –	Новая экономическая политика
ОГАЧО –	Объединенный государственный архив Челябинской области (г. Челябинск, РФ)
ООИРГО –	Оренбургский отдел Императорского Русского географического общества (г. Оренбург)
Помгол –	Комиссия помощи голодающим
Последгол –	Комиссия по борьбе с последствиями голода
РГО –	Русское географическое общество
РКП(б) –	Российская коммунистическая партия
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Сибкрайком –	Сибирский краевой комитет
СНК –	Совет Народных Комиссаров
СССР –	Союз Советских Социалистических Республик
уоно –	уездный отдел народного образования
ЦГА РК –	Центральный государственный архив Республики Казахстан (г. Алматы)
РГИА –	Российский государственный исторический архив (г. Санкт- Петербург, РФ)
ЦИК –	Центральный исполнительный комитет

ЦК РКСМ – Центральный комитет Российского коммунистического
союза молодежи
ЦСУ – Центральное статистическое управление

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В условиях государственной независимости в Республике Казахстан стало возможным изучение и научное переосмысление многих аспектов социально-демографического развития страны в прошлом и настоящем. Становление правового, демократического общества поднимает массу важнейших проблем, среди которых вопросы демографического развития занимают не последнее место. В настоящее время без использования научно обоснованных сведений, характеризующих численность, состав, размещение и воспроизводство населения страны или отдельных его групп, невозможно проведение сбалансированной политики государства в социально-экономической и демографической сфере.

Научное знание современных и перспективных демографических проблем невозможно без постижения исторических корней, без исторического обоснования. В этой связи возрастает значение исторической демографии, которая в наши дни по праву принадлежит к числу самых перспективных исторических дисциплин. Всесторонний демографический анализ в исторической ретроспективе позволяет более детально раскрывать малоизученные проблемы отечественной историографии. В осуществлении этой задачи представляется актуальным изучение общего и особенного в демографическом развитии отдельных регионов республики для последующего полноценного обобщения ситуации в целом по Казахстану.

Выбор Северного Казахстана для исследования в демографическом плане не случаен. Этот регион имеет стратегическое значение для социально-экономического развития Республики Казахстан. Сегодня Северный Казахстан – это сельскохозяйственная «житница» с развитой промышленной базой и огромными запасами полезных ископаемых, которой отводится важное место в Государственной программе форсированного индустриально-инновационного развития страны. В своем Послании «Новое десятилетие – новый экономический подъем - новые возможности Казахстана» Президент страны Н.А. Назарбаев говорит о невозможности диверсификации отечественной экономики без реформы регионального развития [1]. Поэтому изучение социально-демографических процессов Северо-Казахстанского региона представляет не только большой научный и практический интерес, но и важное государственное значение.

В контексте современности данная тема имеет важный общественно-политический и социальный статус. Северный Казахстан – это регион, где происходили наиболее динамичные процессы взаимодействия казахского населения с другими этническими группами в рамках миграционных процессов. В результате Северо-казахстанский регион приобрел главную ценность, ставшую его богатством – полиэтничность общества [2]. В своём выступлении на XVI сессии Ассамблеи народа Казахстана Президент страны Н.А. Назарбаев подчеркнул: «Толерантность стала важным фактором успешного и уверенного развития Казахстана... Необходимо продолжить

работу по написанию истории формирования полиэтничного общества в Казахстане» [3].

Кроме того, Северо-казахстанский регион в отечественной историографии в демографическом контексте изучен в гораздо меньшей степени, по сравнению с другими регионами Казахстана.

Степень изученности темы. Всю литературу по теме можно разделить на группы, соответствующие состоянию исторической науки на том или ином этапе её развития, с выделением работ как отечественных, так и зарубежных авторов. Проведённый историографический анализ позволяет сгруппировать всю научно-исследовательскую литературу по трём основным направлениям: досоветский (дореволюционный) - рубеж XIX – XX веков, советский - с 1917 по 1991 год и постсоветский (современный) - с 1991 года по настоящее время.

К первой группе относятся труды авторов досоветского (дореволюционного) периода. Активное изучение Северо-казахстанского региона началось еще в конце XIX столетия, и было связано с деятельностью Западно-Сибирского и Оренбургского Отделов Императорского Русского Географического Общества. Многие материалы являются не только подробными, научно обоснованными исследованиями, но и важными источниками по истории края. Так, в труде К. Качоровского «Переселенцы в Азиатской России» [4] дается анализ начала переселенческого процесса в Степной край и Западную Сибирь. Автор рассматривает миграцию крестьян из Центральных районов России как позитивный процесс, приводя множество примеров ведения «новосёлами» успешного хозяйства. Кроме того, исследователь приводит данные об отдельных населённых пунктах Степного края. Работа В. Михайлова «Киргизские степи Акмолинской области» [5] вышла в 1893 году. В ней он приводит данные о расселении населения Кушмурунской волости Петропавловского уезда Акмолинской области, местах выхода, а также перемещениях казахов в пределах Тургайской и Акмолинской областей Степного края. Крестьянской колонизации в Степном крае в конце XIX века посвящена работа В. Остафьева «Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве» [6]. Автор приводит статистические выкладки по состоянию скотоводческого хозяйства местного населения, объясняя, что его трансформация в сторону оседлости, в связи с активным крестьянским переселением, есть необратимый процесс. Чтобы этот переход проходил безболезненно, В. Остафьев предлагал немедленно приступить к изучению хозяйства и быта казахского народа: «Необходимо выяснить: 1) зависимость кочевого хозяйства от природы; 2) предел выгоды его распространения; 3) экономическую норму обеспеченности семьи при кочевом хозяйстве; 4) условия, при которых оно экономически выгодно; 5) норму земледелия, необходимого для ведения кочевого хозяйства в зависимости от природных и топографических условий местности; 6) настоящее экономическое положение киргизского населения; 7) господствующие формы землевладения и землепользования и влияние последних на хозяйство; 8) что необходимо сделать, чтобы колонизация степных областей не стесняла кочевого хозяйства» [6, с. 60-61]. Чиновнику Тургайского областного правления Добросмыслову А.

[7] принадлежит подробный труд по истории Тургайской области, где автор приводит сведения об административном устройстве области, численности населения. Интересны данные о становлении школьного образования в Тургайской области и её уездах, в том числе Кустанайском и Тургайском. Наряду с важными статистическими сведениями, в книге содержатся официальные документы и распоряжения по управлению Степным краем.

Активность в издании материалов исследовательского характера проявляли Статистические комитеты Степного края. Так, секретарь Омской Контрольной Палаты Коншин Н. в 1896 году выпустил «Статистический очерк промышленности и торговли в Акмолинской области за 1880-1894 гг.» [8], составленный на основе данных «Обзоров» Акмолинской области. Автор, анализируя экономическое состояние Акмолинской области конца XIX века, при наличии положительных тенденций, отмечает кризисные явления в казахском скотоводческом хозяйстве. Коншин Н. обращает внимание и на несовершенство, используемых в работе, статистических источников: «Составитель знает, что существует мнение о небольшой достоверности упомянутых данных. Не подтверждая и не оспаривая этого мнения, составитель может только сказать, что другого статистического материала по всей Акмолинской области за рассматриваемое время в печати нет, а потому каждый исследователь местной промышленности и торговли, да и других сторон жизни, обязательно вынужден будет пользоваться названными Обзорами...» [8, с. 1].

Одним из авторов, активно изучавшим данный регион и процессы «переселенческого движения», был московский статистик А.А. Кауфман. Он считал переселенческий вопрос естественным продолжением заселения государственной территории, а следствием этого процесса оживление районов, непосредственно прилегающих к Транссибирской магистрали. Нас интересует его труд «Переселенцы-арендаторы Тургайской области» [9], который являлся отчетом по командировке в Кустанайский и Актюбинский уезды Тургайской области по поручению Департамента государственных земельных ресурсов Министерства земледелия и государственных имуществ в 1896 году.

Под эгидой Императорского Русского географического общества в начале XX века выходит фундаментальное исследование «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» [10]. Редактировался данный труд В.П. Семеновым-Тянь-Шанским под общим руководством знаменитого ученого и географа П.П. Семёнова-Тянь-Шанского – вице-председателя и главы Императорского Русского Географического Общества, главного инициатора проведения Всеобщей переписи Российской империи 1897 года. Для казахстанских исследователей интерес представляет 18 том издания – «Киргизский край», где приводятся подробные сведения об экономическом развитии Казахстана на рубеже XIX – XX веков, в том числе областей и уездов Северного Казахстана. Том был полностью составлен усилиями омских авторов, сотрудниками Западно-Сибирского Императорского Русского Географического Общества – А.Н. Седельниковым, Л.П. Осиповой, А.Н. Букейхановым и другими. В работе используется большое количество схем, диаграмм по народонаселению края, характеристика населенных пунктов,

с казахским и переселенческим населением. Продолжением изданий подобного рода стал выход в 1914 году двухтомного издания «Азиатская Россия», в котором данные Всеобщей переписи населения Российской империи сравниваются с промежуточными переписными показателями 1911 года [11].

Большое количество исследовательской литературы появляется в связи с деятельностью Переселенческого управления. Под его эгидой издавались как капитальные книги о ходе переселения в Сибирь и Степной край, так и периодические журналы с аналитическими статьями о хозяйстве и быте переселенческих хозяйств. В работе А. Митаревского [12], написанной на основе данных по Акмолинской области, отмечается дифференциация среди переселенческих хозяйств, в частности, уровень использования сельскохозяйственной техники, агрономических приемов. Автор затрагивает различные стороны жизни переселенцев на новых местах, в частности отмечает, что «...школа есть почти в каждом мало-мальски устроенном поселке» [12, с. 21].

Из регулярно издаваемых журналов, отражающих процессы крестьянской колонизации регионов Сибири и Казахстана в начале XX века, особо выделим «Вопросы колонизации» и «Сибирские вопросы». Большой интерес вызывают работы П. Кокоулина «Ход переселения, водворения и хозяйственного устройства переселенцев в Тургайской области» [13], Б. Скалова «Необходимость организации в колонизируемых районах опытных станций и полей» [14], П. Хворостанского «Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи» [15]. Многочисленные статьи по вопросам колонизации края показывают нам различные взгляды на процессы демографического, политического и социально-экономического развития Северного Казахстана. Так, Чермак Л. В. в своей работе «Переселенцы в Степном крае», повествуя о результатах исследования им в 1896 году 37 поселков Кокчетавского уезда Акмолинской области с общим населением в 37 121 человек, при анализе быта и питания переселенческого населения показывает свое негативное отношение к колонизационной политике правительства в Степном крае и отмечает недостаток её финансирования [16-17]. Несмотря на разнообразие и неоднозначность интерпретаций процессов колонизации, важно отметить, что данных работах содержится много ценного, конкретного материала.

По своей структуре многие статьи и произведения представляли собой отчёты по командировкам, поэтому современные исследователи нередко справедливо относят их к делопроизводственной документации. Поскольку в указанных материалах присутствует анализ и субъективные суждения по вопросам колонизации Степного края, их возможно рассматривать как направление исследовательской литературы.

В этот период выходит ряд работ энциклопедического характера по изучаемой проблеме. К ним, прежде всего, нужно отнести энциклопедический словарь «Россия» русского издательского общества Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [18]. В нём содержится анализ Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года и прочие совокупные сведения о социально-экономической жизни Степного края по областям и городам.

Следует отметить, что в научной литературе конца XIX – начала XX века практически не делается анализ состояния народонаселения. В них также отсутствуют характеристики демографических процессов на региональном уровне. Авторы ограничиваются лишь статистическими данными по отдельным областям, городам и уездам.

Следующий этап в развитии историко-демографических исследований представлен научными работами советского периода. Вплоть до 20-х годов XX века историко-демографические труды встречались лишь эпизодически в журнальных публикациях, чаще в связи с анализом переписных материалов. К таковым относится труд А.Н. Доница о народонаселении Казахстана [19], а также публикации из «Статистических вестников» КССР Мешкова А.А. [20], Альбанова Н.А. [21-22], Войтовой А.Ф. [23], Волкова М. [24], Харламповича К. [25] и других. Работы эти писались статистиками и носили исключительно прикладной характер.

Интенсивный характер разработка проблем демографической науки в Казахстане приобретает в 60-80-е годы XX века. Демографические материалы начинают активно использоваться при анализе социально-экономической истории. Научная литература этого периода может быть разделена на два блока. К первому относятся работы, в которых отражаются проблемы народонаселения Казахстана до событий 1917 года, ко второму – монографии и научные труды, анализирующие демографические процессы в постреволюционный период.

Численности и составу населения Казахстана на рубеже XIX – XX веков посвящена монография Н.В. Алексеенко «Население дореволюционного Казахстана» [26]. В исследовании рассматриваются вопросы динамики численности и территориального размещения населения, его состав. Особое внимание в работе уделяется связи демографических процессов с социально-экономическими изменениями, происходившими в Северном Казахстане и других регионах страны после вхождения в состав Российской империи. Основу работы составляют сравнительные таблицы и их анализ по областям дореволюционного Казахстана, составленные на основе архивных материалов и опубликованных статистических данных. Автор отмечает несовершенство используемых в работе материалов, в частности «Обзоров», которые, по его мнению, имели значительные расхождения с данными официальных переписей – в среднем от 3,8 до 7,5 процентов по областям, в которые входит Северный Казахстан (Семипалатинская, Акмолинская и Тургайская области – С.С.). «Принимая во внимание, что большинство неучтённого населения относится к крестьянам-переселенцам (что неоднократно отмечала администрация), - пишет Н.В. Алексеенко, - мы вправе сделать вывод, что статистические материалы «Обзоров» о народонаселении, особенно в той части, где они касаются основной массы казахского населения, не настолько обоснованны, как это принято считать. Они могут служить для определения динамики общей численности населения» [26, с. 35-36].

Работы Бекмахановой Н.Е. написаны на основе значительного количества источников, что позволяет исследовать динамику численности населения

Казахстана, в том числе и Северного Казахстана. В труде «Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX – 1917 г.)» автор особое внимание уделяет причинам внутренних миграций населения, причем, как для казахского, так и для переселенческого населения. По мнению Бекмахановой Н.Е., миграционные процессы усиливались в период проведения переписей, что непосредственно сказывалось на точности их данных [27].

Ко второй группе относятся работы авторов, целиком сосредоточившихся на анализе демографических процессов советского периода. Кандидатская диссертация А.Б. Галиева «Население Казахстана в конце восстановительного периода...» [28] на основе материалов Всесоюзной переписи населения 1926 года, архивных источников исследует население Казахстана в национальном аспекте, по характеру расселения и занятости. Особое внимание уделено исследованию половозрастной структуры основных этнических групп, семейной и социальной организации казахстанского общества.

Наиболее важной работой в исследовании миграционных процессов в Казахстане является монография Базановой Ф.Н. «Формирование и развитие структуры населения КазССР (национальный аспект)» [29]. В ней анализируется сложный и многоплановый исторический процесс формирования этнической структуры населения Казахстана, в том числе и Северо-казахстанского региона в ходе межреспубликанских миграций, начиная с 1920-х годов. Многие положения учёного о причинах миграций стали впоследствии определяющими в казахстанской науке.

Разработка вопросов демографического развития городского населения Казахстана нашла отражение в диссертации И.Д. Никифорова «Городское население Казахстана (1917-1939 гг.)» [30]. Работа написана на основе комплексного подхода к изучению материалов переписей, анализа архивных материалов, текущей статистики о составе городского населения, в том числе и Северного Казахстана.

Особое место среди работ демографического направления занимают труды известного казахстанского демографа Татимова М.Б. [31-32], в которых он сосредотачивается на теоретических проблемах демографической науки в Казахстане и анализе положения и демографического поведения казахского населения в XIX – XX веках. Большое внимание автор уделяет вопросам методологии, выделяя принцип историзма как основной при изучении проблем народонаселения. Демографические процессы, по его мнению, необходимо рассматривать в системе социальных отношений и во взаимосвязи с другими видами жизнедеятельности населения.

Кроме работ историко-демографического характера, в этот период публиковалось значительное количество работ, исследовавших социальное развитие общества на различных этапах советской истории. При изучении рабочего класса, крестьянства и интеллигенции учёные широко использовали статистические сведения и демографические характеристики. Многие из них содержат массу фактического материала по отдельным регионам, в том числе и по Северному Казахстану.

Проблемам формирования крестьянства, рабочего класса и других социальных групп населения в советский период были посвящены труды казахстанских историков Сулейменова Б., Дахшлейгера Г.Ф., Нурпеисова К.Н., Нусупбекова А.Н. [33-36] В трудах этих авторов демографические процессы тесным образом увязывались с политическими событиями того периода. Кроме экономической составляющей, авторов интересовали проблемы культурного строительства и образования. В совместной работе Дахшлейгера Г.Ф. и Нурпеисова К.Н. «История крестьянства Советского Казахстана» имеется отрывочная информация о населении Северного Казахстана, школьном образовании [35, с. 55]. Для подобных изданий характерно преувеличение роли Коммунистической партии в процессах социально-экономического, политического и культурного развития страны.

Отдельной группой исследований выделяются работы краеведческого характера. Региональный подход в их написании чаще всего ограничивался историей отдельного населённого пункта, либо административно-территориальной единицы – области, уезда, реже волости. Первые научные труды такого порядка начали появляться еще в 1950-1960-е годы. Это работы по истории Петропавловска и Северо-Казахстанской области – Туманшина К.М. [37], Залманова И.П. [38], Горвица Б.Г. [39], Целинограда (Акмолинска, Астаны – С.С.) – Дубицкого А. [40], Кустаная (Костаная – С.С.) – В.Г. Малёхонькова, З.П. Толстых [41], Г.А. Куприна [42]. Данные издания содержат богатый материал о состоянии народонаселения Северного Казахстана на рубеже XIX – первой четверти XX века. К этой же группе можно отнести коллективный труд костанайских учёных-историков «Кустанай вчера, сегодня, завтра» [43]. Поскольку город создавался как один из форпостов переселенческого движения в Северном Казахстане, в книге события дореволюционного времени представлялись исключительно с позиций истории «европейского» заселения.

Из историографического обзора исторической литературы советского периода видно, что изучение проблем народонаселения в ней носило обобщённый характер, без выделения региональных аспектов. Отмечая достоинства этих исследований, необходимо отметить, что они создавались в условиях тоталитарной системы с присущей ей идеологизацией общественной жизни. Несмотря на это, именно в советский период были заложены основы фундаментальной демографической науки в Казахстане. Более того, учёные, активно работавшие в демографическом направлении в советское время, писали серьёзные историко-демографические труды и в постсоветскую эпоху.

Труды современного (постсоветского) периода мы можем разделить на группы: историко-демографические работы по истории Казахстана, исследования по отдельным регионам страны.

Первой работой, посвящённой вопросам демографического развития Казахстана в постсоветское время, стала монография Асылбекова М.Х. и Галиева А.Б. «Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980 гг.)» [44]. Авторы рассматривают социально-демографические процессы в Казахстане на фоне глобальных социально-экономических и политических

изменений в СССР. На основе переписных материалов, архивных статистических и других источников они определяют основные тенденции роста численности населения Казахстана, его динамику с позиций объективного научного анализа, избавленного от идеологической целесообразности. Авторы уходят от влияния стереотипов в изучении демографических процессов в Казахстане, предлагая «...дать им соответствующую объективную оценку» [44, с. 186]. Особый интерес вызывает второй раздел исследования «Социально-демографическая характеристика Казахстана в период между переписями 1897 и 1926 гг.», в котором авторами отмечается положительная динамика в процессах роста народонаселения страны и выделяются исторические особенности складывания многонационального населения республики.

В конце 1990-х годов вышел ряд демографических работ Алексеенко Н.В. и Алексеенко А.Н. В книге указанных авторов «Население Казахстана за сто лет (1897-1997)», на основе всех проведённых на территории Казахстана переписей и других статистических материалов исследуются тенденции изменения численности населения республики, его социального состава и этнической структуры, в том числе и Северного Казахстана [45]. Важную роль при изучении демографических процессов играет источниковедческая база. Именно ей, в региональном разрезе, посвящена работа Алексеенко Н.В. «Статистические источники по демографии Казахстана» [46]. Автор приводит обширную информацию о статистических источниках и переписных мероприятиях, отмечая деятельность как центральных (общероссийских), так и региональных (областных) статистических комитетов в дореволюционный период и материалах переписей в пределах КАССР в советский период. Алексеенко Н.В. приводит информацию лишь об опубликованных источниках, объясняя это следующим: «Можно привести десятки примеров, когда в солидных монографиях авторы делают сноски на архивные фонды, заведомо зная, что по этой проблеме имеются опубликованные источники. Почему-то отдаётся предпочтение факту или примеру только потому, что он найден в архиве. А в опубликованных источниках содержатся факты более яркие и убедительные» [46, с. 4]. В работе приводится список основных опубликованных статистических источников: переписей населения, текущей статистики населения, материалов Переселенческого управления, в которых можно обнаружить сведения по отдельным регионам страны, в том числе и Северному Казахстану.

В рамках юбилейных мероприятий к 100-летию Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года Агентство Республики Казахстан по статистике выпустило коллективное исследование «История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане» [47]. Работа составлена на основе переписей населения, работ учёных – историков и демографов, архивных данных. Вместе с тем, сами авторы отмечают разобщённость материалов, видя в этом следующие причины: «Поскольку многие статистические работы велись различными министерствами и ведомствами Российской империи, поставившими перед собой узкие цели, не

было и единой системы статистики, общей для всех методологии, при сборах и разработке статистических сведений не соблюдался определённый порядок, единство и общая связь, что нередко приводило к недостоверности или несравнимости их по месту и по времени» [47, с. 20-21].

В отмеченных историко-демографических работах лишь фрагментарно рассматриваются отдельные стороны развития народонаселения Северного Казахстана в контексте изучения демографических процессов в целом по стране.

Конец 1990-х – начало 2000-х годов ознаменовался в казахстанской науке появлением региональных исследований социально-демографических процессов. Изменение демографических тенденций в развитии отдельных регионов Казахстана стало темой для написания научно-исследовательских работ Сдыкова М.Н. [48], Козиной В.В. [49-50].

В работах современных авторов, наряду с изучением демографического развития Казахстана как в досоветский, так и постсоветский период, отмечается переход к рассмотрению проблем региональной истории, в том числе и в учебной литературе. Авторский коллектив в составе Масанова Н.Э., Абылхожина Ж.Б., Ерофеевой И.В., Алексеенко А.Н., Баратовой Г.С. подготовил учебное пособие по историческому развитию Казахстана через призму исторических и социально-демографических процессов, национально-культурных взаимовлияний в региональном аспекте. В книге, кроме основных статистических выкладок, представлены данные о национальном составе населения Казахстана по материалам переписей XX столетия от 1926 до 1989 годов, в том числе и по Северо-казахстанскому региону [51]. Также отметим учебное пособие Козиной В.В. «Демографическая история Казахстана (конец XIX – начало XXI вв.)» [52].

Вопросы региональной истории в постсоветский период продолжают интересовать ученых-краеведов. Среди подобных публикаций мы выделяем коллективный труд североказахстанских ученых «Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края» [53]. Научную редакцию книги осуществил доктор исторических наук В.К. Григорьев, в написании разделов, посвященных рубежу XIX – XX вв. принимали участие В.С. Черников, А.А. Холодков, С.М. Пресняков, В.И. Трусов, М.И. Бенюх. В данном исследовании на основе исторических событий прослеживаются факторы социально-политического, экономического и демографического развития региона.

В изучении Северо-казахстанского региона нельзя не отметить труды известного костанайского краеведа П.М. Черныша [54-56]. Его перу принадлежит исследования по истории районов Костанайской области, а также «Очерки истории Кустанайской области» [57]. Несмотря на солидное количество изданий и живое участие в изучении исторических событий на территории Костанайской области, данный автор нередко критикуется за «компилятивное» изложение «дореволюционного» периода [58].

В начале XXI века вышел ряд научно-популярных изданий по истории областей и регионов Казахстана, среди которых можно выделить энциклопедии

«Костанайская область» [59], «Северо-Казахстанская область» [60], «Павлодарское Прииртышье» [61], в которых встречаются разделы, повествующие об историческом развитии Северо-казахстанского региона. Особое внимание в настоящем исследовании мы отводим двухтомному изданию «История Костанайской области: прошлое и настоящее», выпущенному в двух частях в 2003-2007 годах под общей редакцией профессора И.К. Тернового. Это наиболее полное и научно-обоснованное издание по истории Костанайской области с древности до настоящего времени. К разработке данного исследования привлекались преподаватели и научные работники ведущих вузов Костаная (в том числе и автор настоящей диссертации). Особое место в нём занимают разделы, посвященные анализу социально-экономических взаимоотношений казахского аула и переселенческого села, формирование городской культуры, анализ правительственной политики на рубеже XIX-XX веков. Этому посвящена большая часть первого тома. Автором данной части работы (главы с IV по IX, что составило две трети всего издания) является Я.К. Духин [62]. «Дореволюционное» развитие региона этим автором представляется как хозяйственное, культурное и бытовое взаимодействие пришлого и коренного населения на всех уровнях. Автор привлекает весьма обширный источниковый и исследовательский материал. Первые десятилетия Советской власти в «Истории Костанайской области» представлено учеными-костанайцами Нурсеитовым Б.Н. и Терновым И.К. [63] Истории городов Северного Казахстана посвящены работы Абуева К.К. [64], Кабульдинова З.Е. [65].

Проблемы исторической демографии Казахстана стали темой для написания значительного количества диссертаций. Среди них исследование Уалиевой С.К., посвящённое семейно-брачным отношениям в Казахстане рубежа XIX – XX веков [66], написанное по материалам архивных данных и переписей населения 1897, 1926 гг., Ерманова А.Ж. «Социально-экономическое развитие Павлодарского уезда во второй половине XIX – начале XX века» [67], где целый параграф был посвящен изменениям в составе населения и социальной структуре Павлодарского уезда во второй половине XIX века. Демографический анализ Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 года нашёл отражение в диссертации Жаркеновой А.М. [68] Комплексное исследование динамики численности казахского населения Казахстана в период между Первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 года и Всесоюзной переписью 1926 года представлено в работе Мамырхановой А.М. [69] Проблемам развития предпринимательства в Казахстане, в том числе и Северном, на рубеже XIX – XX столетий посвящена докторская диссертация Абилова К. Ж. [70], предпринимательству в Прииртышье - кандидатская диссертация Мамытовой С.Н. [71] В докторской диссертации Алпысбаевой Г.А. [72] в исторической ретроспективе представлена история г. Астаны.

Авторами современного периода была проведена серьёзная работа по обобщению демографических сведений в различные периоды истории, как всего Казахстана, так и отдельно взятых регионов страны.

Отдельной группой выделим также работы современных российских авторов по проблемам смежных с Северным Казахстаном регионов на рубеже XIX – XX столетий.

Вышедшее в самом начале 1990-х годов издание «Очерки истории Челябинской области» [73] интересует нас, главным образом, в сравнительном плане. Отметим, что именно Челябинск, в период столыпинских реформ стал главным транзитным центром переселения в Северный Казахстан.

В работах Аманжоловой Д.А рассматривается окончательное решение административно-территориальной принадлежности Северного Казахстана в рамках создания казахской автономии [74-75]. Автор вполне обоснованно заявляет, что на всех этапах политической истории, как Российской империи, так и в процессе формирования и существования Советского государства, национальная политика носила не совсем продуманный характер, а мечты о создании реальных «национальных» автономных образований так и остались не до конца осуществлёнными.

Особенности взаимодействия Северо-казахстанского региона с Западной Сибирью нашли отражение в монографии российско-казахстанского исследователя Малышевой М.П. [76] Автор обращает внимание на слабую изученность темы административных и социально-политических изменений в отношении костанайского региона.

Деятельность законодательных органов власти Российской империи составляет основу монографии российского исследователя А.Ф. Смирнова «Государственная дума Российской империи 1906-1917 гг.» [77]. Особый интерес вызывают разделы, посвящённые органам местного самоуправления - земствам, ставшим в период с 1917 по 1919 год основой политической системы Степного края, в том числе и Северного Казахстана.

Анализ сословий городского населения Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века дан в исследовании барнаульских учёных Гончарова Ю.М. и Чутнева В.С. (РФ) [78]. Авторами исследуется не только численность и особенности формирования мещанского сословия, но и его социально-правовое положение, бытовая культура и участие в общественной деятельности. Подобные сведения позволяют дать теоретическое обоснование процессов сословного развития городских поселений Северного Казахстана.

Благодаря сотрудничеству российских и казахстанских историков приграничных регионов стало возможным проведение нескольких Международных научных конференций по теме «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII-XX вв.)» [79], «Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность» [80-81], организованных по инициативе Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (РФ). В этот процесс оказались вовлечены учёные Западной Сибири, Северного и Центрального Казахстана. В тезисах конференций регулярно рассматриваются вопросы историко-демографического развития и взаимодействия сибирско-казахстанского пространства на всех исторических этапах. Это способствует объективному восприятию исторического прошлого.

Большой интерес для исследователей Казахстана представляет монография Толочко А.П. «Омск в истории русско-казахских экономических, культурных и общественных связей (конец XIX - начало XX в.)» [82]. Основу работы составляют материалы, свидетельствующие об активных хозяйственных связях Омска и казахской степи. Разделы книги посвящены развитию системы школьного образования в Степном крае, в том числе в Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях.

Делая оценку историографического обзора по теме исследования, следует отметить, что комплексное изучение историко-демографических процессов в Северном Казахстане не встречается в специальных научных работах.

Целью исследования является анализ социально-демографического развития Северного Казахстана в конце XIX – первой четверти XX века.

Исходя из поставленной цели, определяются следующие **задачи**:

- выявить особенности взаимодействия и взаимовлияния политического, социально-экономического развития на социально-демографические процессы в Северо-казахстанском регионе в конце XIX – первой четверти XX столетия;

- изучить динамику естественного движения населения в Северном Казахстане в конце XIX – первой четверти XX века;

- рассмотреть миграцию населения и её влияние на демографическую ситуацию, изменения количественных и качественных характеристик населения в Северо-казахстанском регионе в конце XIX – первой четверти XX века;

- показать процессы этнокультурного и межнационального взаимодействия в Северо-казахстанском регионе в конце XIX – первой четверти XX вв.;

- изучить систему образования и уровень образованности населения в Северном Казахстане в конце XIX – первой четверти XX века;

- исследовать состояние здравоохранения и уровень здоровья населения в Северном Казахстане в конце XIX – первой четверти XX века.

Хронологические рамки исследования охватывают межпереписной период между Первой всеобщей переписью Российской империи 1897 года и Всесоюзной переписью 1926 года. Исходя из общей логики повествования, начальная дата исследования, расширяется до 1860-1880-х годов в связи с рассмотрением вопросов административного устройства региона, создания отдельных населенных пунктов и т.д.

Территориальные рамки исследования. В соответствии с официально принятым делением территории Казахстана на пять социально-экономических районов к Северному Казахстану сегодня следует отнести Костанайскую, Северо-Казахстанскую, Акмолинскую и Павлодарскую области. Совокупная площадь областей составляет 565 тысяч кв. км. [83, с. 34-45] Это второй по населённости регион Республики. На западе и северо-западе Северный Казахстан граничит с Оренбургской и Челябинской областями Российской Федерации (РФ), на севере – с Курганской, Тюменской, Омской, Новосибирской областями Российской Федерации, на востоке – с Алтайским краем Российской Федерации, на юго-востоке с Восточно-Казахстанской

областью РК, на юге – с Карагандинской областью РК, на юго-западе – с Актюбинской областью РК.

В настоящее время территория Северного Казахстана несколько отличается в административном плане от той, которая существовала в конце XIX – первых десятилетиях XX века. Первоначально этот регион был частью Российской империи. В соответствии с «Временным положением об управлении в Степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» от 21 октября 1868 года и «Положением об управлении Акмолинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» от 25 марта 1891 года территория всего Северного Казахстана включалась в состав Оренбургского генерал-губернаторства с центром в Оренбурге и Западно-Сибирского с центром в городе Омске. В период вхождения Северного Казахстана в пределы Российской империи его примерные границы проходили по Кустанайскому (Николаевскому) и Тургайскому уездам Тургайской области, Петропавловскому и Кокчетавскому уездам, частям Акмолинского и Атбасарского уездов Акмолинской области, Павлодарскому уезду Семипалатинской области. Кроме того, в пределы Северного Казахстана в его нынешних границах входил ряд смежных территорий Российской Федерации, бывшие административные единицы Степного генерал-губернаторства – части Омского уезда Акмолинской области и Оренбургской губернии. Такое административное устройство просуществовало вплоть до 1917 года.

В советский период административно-территориальное деление Северного Казахстана постоянно менялось. На момент проведения Всесоюзной переписи населения 1926 года в Северный Казахстан входили территории: Акмолинской губернии - Акмолинский уезд (в составе г. Акмолинска, Азатской, Акмолинской, Воровской, Еремейской, Еркиншилыкской, Ишимской, Калининской, Революционной, Сарысуйской, Троицкой волостей), Атбасарский уезд (в составе п. Атбасара, Атбасарской, Каракаинской, Пролетарской, Свободной, Советской, Социалистической, Тас-Уткульской волостей) [49, с. 66-67], Кокчетавский уезд (с г. Кокчетавом и всеми волостями), Петропавловский уезд (с г. Петропавловском и всеми волостями); Семипалатинской губернии - Павлодарский уезд (с г. Павлодаром и всеми волостями); Актюбинской губернии – Тургайский уезд (с г. Тургаем и всеми волостями); Кустанайский округ (с г. Кустанаем и всеми волостями).

Объектом исследования являются социально-демографические процессы в Северном Казахстане в конце XIX – первой четверти XX века.

Предмет исследования – взаимодействие политических, социально-экономических факторов и демографических процессов в Северо-казахстанском регионе в конце XIX – первой четверти XX века.

Методологическая основа и методы исследования. Методологической основой диссертации является совокупность общеисторических и статистических методов, применяемых в исторической демографии. В основу общеисторических методов был положен принцип историзма, который позволяет рассматривать социально-демографические процессы в последовательном хронологическом развитии. Системный метод как

направление научного познания придаёт работе проблемный характер и позволяет освещать социально-демографические процессы в Северо-казахстанском регионе как общую систему во всех её проявлениях. Кроме того, системный подход расширяет круг используемых в работе источников. Необходимая информация нами извлекалась не только из материалов опубликованных статистической отчётности и архивных документов, но и из данных периодической печати, произведений эпистолярного жанра рассматриваемого периода. Объективному рассмотрению темы помогают общестатистические методы, применяемые в исторической демографии и основанные на наблюдении, количественном анализе и описании социально-демографических процессов и явлений. Так, статистическое наблюдение основывается на данных опубликованных статистических материалов и позволяет проследить динамику численности жителей населённых пунктов и территорий Северного Казахстана. Количественный анализ и обработка этих сведений помогает в конструировании ситуации с научно обоснованной трактовкой последовательных событий, таких как влияние политических и социально-экономических факторов на социально-демографические процессы. В работе применяется анализ рядов распределения – по полу, возрасту, национальности, уровню грамотности и т.д. В описании демографических характеристик вычисляются относительные величины – коэффициенты рождаемости, смертности, естественного и механического прироста, потенциально трудоспособного населения и т.д. В интерпретации полученных результатов важную роль приобретает корреляционный анализ, позволяющий сравнивать показатели социально-демографического развития Северного Казахстана как внутри его частей, так и с прилегающими регионами.

Источниковая база настоящего исследования достаточно обширна и разнообразна. В качестве основных групп выделим следующие: нормативно-правовые акты государственной власти; статистические материалы и отчёты; путевые заметки статистиков, членов землеустроительных комиссий и государственных деятелей; периодические издания.

Среди нормативно-правовых актов конца XIX – начала XX века мы особо выделяем «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» [84]. Этот законодательный документ, окончательно оформил административную систему управления Степным краем в 1893 году, окончательно включив национальные окраины в пределы единого государства. К подзаконным актам относится «Инструкция по внутринадельному землеустройству в Тургайской области» [85], упорядочившая систему землепользования для местного и переселенческого населения.

В первые годы советской власти постановления официальной власти регулярно публиковалась в отчетах республиканских и губернских Съездов Советов, периодической печати. К таковым мы относим «Резолюции и постановления II Съезда Советов КССР» [86], а также «Бюллетень 3-го Кустанайского Съезда Советов» [87-88]. Последний документ датирован сентябрем 1920 года. Однако при сопоставлении приведённых в нём данных

выясняется истинный год издания – 1922. Значительное число указов, распоряжений и постановлений официальной власти находится в архивных фондах.

Важные сведения статистического порядка представлены в многочисленных отчетах, появившихся в результате деятельности землеустроительных комиссий Ф. Щербины [89-93], Л. Цабеля [94]. Данные экспедиции собирали статистические сведения о кочевом и полукочевом хозяйстве, анализировали проблему перехода казахского населения к оседлости. Наряду с ними мы отмечаем сведения о статистических исследованиях областей, отдельных населённых пунктов [95-96], опытных полей [97]. Для определения точных границ уездов Северного Казахстана в начале XX века мы привлекли материалы описаний казахских волостей переселенческой организации Тургайско-Уральского района [98].

Ценные и обоснованные статистические данные сосредоточены в материалах переписей конца XIX – первой четверти XX века. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года проводилась по единой программе и единой инструкции, охватывала всю страну и учитывала наличное, постоянное и юридическое (приписное) население на 28 января 1897 года [99]. Впервые были получены наиболее полные сведения по общей численности населения, полу, возрасту, брачному состоянию и другим важным демографическим признакам. Среди них отмечаем опубликованные материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 года по Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областям [100-102]. В них нас будут интересовать данные о населении городов и уездов, входящих в Северо-казахстанский регион.

Следующая полная перепись населения была проведена лишь в 1926 году. Программа Всесоюзной переписи населения 1926 года в значительной степени сопоставлялась с материалами всеобщей переписи 1920 года. Всесоюзная перепись населения 1926 года послужила основой для расчётов текущей численности населения, в том числе не только по областям, но и по уездам и волостям [103]. Данная перепись является важнейшим источником статистической информации в анализе демографического состояния Северо-казахстанского региона.

Статистические сведения, характеризующие динамику народонаселения и основные показатели демографического развития в дореволюционный период, сгруппированы в опубликованных «обзорах» областей Степного края. Они остаются главным источником по истории Казахстана и Северо-казахстанского региона. «Обзоры» издавались статистическими комитетами более или менее регулярно, начиная с 1880-х годов вплоть до 1915 года, как приложения к ежегодным отчетам губернаторов. Нами были проанализированы и использованы «Обзоры Тургайской области» [104-127], «Обзоры Акмолинской области» [128-146], «Обзоры Семипалатинской области» [147-148] с 1880-х годов до начала Первой мировой войны. Спутниками «обзоров» являлись ежегодные «Памятные книжки» областей [149-152]. Материалы для этих статистических документов собирались через уездные и волостные органы, а также поступали от различных ведомств. В них помещался материал по

истории и географии края, информация о составе населения, его экономической деятельности, состоянии здравоохранения и образования, торговли и переселенческого дела. Среди других материалов статистических комиссий отметим «Краткий обзор Степного края, Тургайской области и Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний в сельскохозяйственном отношении» за 1904 год [153], в котором приводятся сведения о социально-экономическом развитии Северного Казахстана и смежных регионов Западной Сибири.

Из казахстанских статистических сборников 1920-х годов мы выделяем «Хозяйственное развитие Киргизской Советской Социалистической Республики за 1923 и 1924 гг.» [154]. В этом документе представлена динамика роста населения по областям и губерниям, на рубеже 1910-1920-х годов, даётся характеристика переселенческого процесса и экономического состояния страны.

Научный интерес вызывают и статистические сборники приграничных российских регионов. «Материалы Челябинского губернского статистического бюро» [155] позволяют определить экономический потенциал отдельных североказахстанских административных единиц к началу 1920-х годов.

Статистические материалы и отчёты являются основным источником при анализе социально-демографических процессов в Северо-казахстанском регионе.

Путевые заметки с описанием «новых мест», очень популярные на рубеже XIX-XX веков, стали своего рода «рекламным проспектом» об особенностях создания и жизни переселенческих поселков и городов. Эта категория может быть отнесена к делопроизводственной литературе, поскольку представлена произведениями исследователей-статистиков, членов землеустроительных комиссий Переселенческого управления, государственных и общественных деятелей. Так, известный российский и белорусский писатель и государственный деятель В.Л. Кигн (под псевдонимом Дедлов – С.С.) [156], путешествуя по Степному краю особо остановился на описании города Кустаная. В путевых набросках общественного деятеля и исследователя Степного края Н.Я. Коншина характеризуется хозяйственное и культурное развитие Павлодарского уезда Семипалатинской области [157]. Имеется в данном материале и весьма точные сведения о динамике численности населения города Павлодара в конце XIX столетия: «Население Павлодара (со включением Павлодарской казачьей станицы), по данным официальной статистики, равнялось в 1889 году 4 831 д. об. п., в 1899 году 7 623, т.е. за десять лет увеличилось более чем в 1 ½ раза. Увеличение падает, главным образом, на две группы: мещан и крестьян и объясняется приливом в город не местных жителей, а переселенцев из Европейской России, особенно после неурожайного 1891 года» [157, с. 130]. Статистик А.А. Кауфман, опубликовал в 1905 году заметки, описавшие весь маршрут его экспедиций - от Дальнего Востока до Арало-каспийской степи [158]. Это весьма интересный документ, в котором обнаруживается информация о первых переселенцах в Степном крае, встреченных исследователем в одном из самовольных поселений неподалеку от

Уральска. Исследователь именует их «Бродячей Русью», массой неоднократно менявшей место своей первоначальной приписки. Кауфман отмечает сложности взаимоотношений этой категории переселенцев с местным населением, а следствием «межнациональной розни» не без оснований считает разнородность «прибывающих» (в том числе и криминального элемента) и административное бездействие в первые годы заселения Степного края. Положительную характеристику русско-казахских отношений в Степном крае в своем произведении даёт известный российский журналист, исследователь, депутат Государственной Думы А. Трегубов: «Переселенцы живут с киргизами очень дружно. Мне не приходилось слышать жалоб переселенцев на киргиз. Случаи же частичного «тамыра» (братания) между переселенцами и киргизами служат лучшим доказательством возможности доброй жизни киргиз с русским человеком...» [159, с. 44].

Следующей группой источников являются российские и казахстанские периодические издания. Газеты конца XIX века представлены, в основном, омскими и оренбургскими периодическими изданиями. Из них особо выделяем «Киргизскую степную газету» [160-162], в которой с самого начала шла активная пропаганда по переводу на оседлость казахского населения края и его агрономическое просвещение. Данное издание представлено как в электронных фондах Омской государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина (46 номеров за 1895 год), так и в опубликованном сборнике, включавшем номера газеты с 1882 по 1902 годы [163]. В фондах ГАКО (Государственный архив Костанайской области) в фотокопиях встречена статья Добросмыслова А. о развитии земледелия в Тургайской области в конце XIX столетия из «Тургайской газеты» [164]. В «Оренбургском листке» от 17 января 1899 года (из фондов Костанайского областного историко-краеведческого музея – С.С.) [165] имеется материал о хозяйственном и бытовом взаимодействии казахского и переселенческого населения Кустанайского уезда в конце позапрошлого века. В материалах периодической печати, кроме сведений о хозяйственном развитии административных единиц Степного края, встречается информация о населении, хозяйстве, быте, уровне здравоохранения и образования. Их изучение позволяет нам представить тему в развёрнутом и связанном виде.

Особое место занимают материалы периодики начала XX века. Первые периодические издания в городах Северо-казахстанского региона появились ещё в дореволюционный период. Для Костаная это два номера газеты «Степные отголоски» [166-167], а также 28 номеров еженедельной газеты «Кустанайское степное хозяйство» [168-191] из фондов Государственной библиотеки Российской Федерации (г. Москва). Первый номер газеты «Степные отголоски» находится в фондах ЦГА РК, он же в ксерокопированном варианте содержится в фондах Государственного архива Костанайской области. Газета «Кустанайское степное хозяйство» была впервые обнаружена и введена в научный оборот костанайским учёным Я.К. Духиным. В данном периодическом издании, выходившем с марта по октябрь 1914 года, приводятся материалы об отдельных населённых пунктах и волостях, данные о деятельности органов

местного самоуправления, сведения об экономическом состоянии, образовании, здравоохранении и другая информация, позволяющая говорить об особенностях демографических процессов в Северо-казахстанском регионе в преддверии Первой мировой войны. Среди других изданий начала XX века отметим газету «Приишимье», издававшуюся в г. Петропавловске [192], а также отдельные номера газеты «Степная речь» [193-195].

Многие материалы периодической печати весьма отрывочны и фрагментарны, часть их в ветхом состоянии находится в открытом фонде ГАКО. Это касается изданий периода гражданской войны. Среди них выделим единственный номер «Земского вестника» [196], несколько номеров газеты Временного Сибирского правительства «Новый путь» [197-205]. Из изданий советского периода следует отметить газеты «Степь» [206], «Степная газета» [207-208], «Красная степь» [209-225], «Степной крестьянин» [226-234]. Данные материалы дают представление о состоянии населённых пунктов, экономическом положении села и аула в период голодных лет первой половины 1920 годов. Периодические издания в этот период нередко носили официальный характер. К ним относится партийное издание «Известия Кустанайского губернского комитета РКП (б)» [235-256], в котором опубликованы как отчётные материалы о социально-экономическом состоянии Северо-казахстанского региона, так и материалы, в частности, публицистического характера. В данном журнале, издававшемся раз в две недели, в особых разделах и статьях большое внимание уделялось национальному вопросу. Подобного рода сведения встречаются и в других казахстанских партийных изданиях. К примеру, в ежемесячном журнале Семипалатинского Губкома РКП (б) «Коммунист» [257].

Отрывочная информация о социально-экономическом и общественном развитии Северо-казахстанского региона на последних этапах гражданской войны содержалась в газете «Советская правда» (номера за ноябрь-декабрь 1919 года), издававшейся в г. Челябинске [258-261]. Подобные сведения важны при анализе вопросов административно-территориального размежевания регионов Сибири и Казахстана в период установления советской власти.

В работе, использовались материалы документальных сборников. Среди них отмечаем сборник документов «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921-1925 гг.)», в котором приводятся сведения об экономическом развитии Казахстана, уровне грамотности населения и т.д. [262] Участие «алашского» движения в вопросах административного устройства и общественно-культурного развития Северо-казахстанского региона в 1913-1920 годах подробно описано в сборнике документов «Алаш-Орда» [263]. В начале XXI века, в связи с усилением интереса к краеведению, в областных центрах Северного Казахстана началась активная публикация архивных материалов по различным проблемам региональной истории. Отметим издания: «Народное образование на территории Кустанайской области (1918-1936 гг.)» [264], «Кустанайский уезд 1917-1919 гг.» [265], «Из истории города Костаная» [266-267].

При анализе социально-демографических процессов большое значение приобретают документы и материалы из архивных фондов. Нами использованы данные архивов Республики Казахстан – ЦГА РК (Центральный государственный архив Республики Казахстан, г. Алматы), ГАКО (Государственный архив Костанайской области, г. Костанай), ГАСКО (Государственный архив Северо-Казахстанской области, г. Петропавловск), ГАПО (Государственный архив Павлодарской области); Российской Федерации – ОГАЧО (Объединённый государственный архив Челябинской области, г. Челябинск), ГАНО (Государственный архив Новосибирской области, г. Новосибирск), РГИА (Российский государственный исторический архив Российской Федерации, г. Санкт-Петербург).

Из фондов ЦГА РК использовались основные дореволюционные фонды: № И-25 – Тургайское областное правление Министерства внутренних Дел, г. Оренбург; № И-393 – Акмолинский областной статистический комитет Министерства Внутренних Дел. В фонде № И-25 нас интересовали письма, прошения об основании населённых пунктов, ходатайства казахского населения губернским властям, объявления об обязательном представлении увольнительных свидетельств для проживания переселенцев, рапорты о бедственном положении поселенцев, отчёты о столкновениях между поселенцами и местным населением, письма-прошения об открытии учебных заведений [268-277]. В фонде № И-393 нами были изучены статистические сведения о составе населения в Акмолинской области и уездах по различным категориям в конце XIX – начале XX веков [278].

В Государственном архиве Костанайской области в связи с практическим отсутствием фондов дореволюционного периода нас интересовали материалы официальной власти с 1917 до середины 1920 годов. Они отложились в материалах фондов: № Р-22 – Кустанайский губернский финансовый отдел исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [279]; № Р-66 – Фёдоровский уездный исполнительный комитет [280]; № Р-72 – Кустанайский губисполком [281]; № Р-237- Кустанайский уездный исполнительный комитет [282-286]; № Р-389 - Кустанайский уездный военно-революционный комитет [287-288]; № Р-529 – Кустанайский уездный отдел народнохозяйственного учета Челябинского губернского совета народного хозяйства [289]; № Р-531- Кустанайское губернское эконосо [290]; № Р-620 – Кустанайский губпродком [291]; № Р-623 – кустанайский центральный рабочий кооператив [292]; № Р-1010 – Фонд-коллекция выявленных документов из архивов Республики Казахстан и Российской Федерации [293-296]; № Р-1063 - Отдел управления Кустанайского уездного исполнительного комитета [297]. Представленные в указанных фондах материалы весьма разнообразны и представляют распоряжения и постановления власти о ведении экономической жизни, указы о территориальных преобразованиях и вопросы управления регионом, о борьбе с эпидемиями и голодом, о ходе переселения, различные статистические сведения. Особый интерес вызывают материалы фонда № Р-1010, в котором собраны документы из фондов г. Алматы, Оренбурга, Челябинска. Среди этих документов Журнал Заседания Общего

Присутствия Тургайского Областного Правления о создании новых волостных единиц в пределах уезда в 1912 году, Протокол заседания Челябинского Ревкома, состоявшегося 8 сентября 1919 года, объявившего о создании Челябинской губернии с включением в неё Кустанайского уезда.

Документы конца XIX – первой четверти XX века находятся в значительном количестве в областных архивах Северного Казахстана. В фондах Государственного архива Северо-Казахстанской области, имеются документы по истории Петропавловского уезда в дореволюционный период и первые годы советской власти. Вопросы школьного образования в конце XIX – первой четверти XX века представлены в материалах фондов № 2 [298] и 254 [299], а информация об экономической политике советской власти в Петропавловском уезде и голоде начала 1920-х годов - в документах фондов № 43 [300] и № 2558 [301]. В Государственном архиве Павлодарской области были выявлены сведения о развитии системы школьного образования в первой половине 1920-х годов – в фонде № 81 – Павлодарский уездный отдел народного образования [302] и фонде № 146 – Отдел народного образования (ГорОНО) [303].

Значительный интерес представляют материалы фондов № 138 [304] и № Р-363 [305-306] Объединённого государственного архива Челябинской области (ОГАЧО). В этих документах представлена дискуссия в рамках объединенного совещания в марте 1920 года в г. Челябинске по решению вопроса о включении Кустанайского уезда Челябинской губернии в территорию Кирреспублики, с участием представителей Челябинской губернской власти и делегации Кирревкома во главе с А. Байтурсиновым. В работе также использованы и сведения фонда № Р-47 - материалы Запсибкрайисполкома - ГАНО (Государственного архива Новосибирской области) [307-308]. В них особый интерес вызвала информация об усилении переселенческого движения к середине 1920-х годов и переводе «на оседлость» местного населения Западной Сибири.

При написании диссертационного исследования нами были использованы документы из хранилищ Костанайского областного историко-краеведческого музея. Особенности миграционных процессов в Северном Казахстане на рубеже XIX – XX столетий отражены в выявленных материалах фондов РГИА № 391 [309-310] и № 1291 [311].

Архивные и музейные материалы позволяют в достаточно полном объёме представить социально-демографические процессы в Северном Казахстане в конце XIX – первой четверти XX века и сопоставить указанные в них данные с цифровыми показателями, опубликованными в статистических сборниках и другими материалами источниковедческого характера.

Научная новизна. В работе впервые предпринят комплексный историко-демографический анализ развития Северо-казахстанского региона в конце XIX – первой четверти XX века. Научная новизна и значимость исследования заключается в следующем:

- в выявлении особенностей взаимовлияния политических и социально-экономических и демографических процессов в развитии Северо-казахстанского региона;
- в определении основных факторов, влияющих на динамику естественного движения населения;
- в выяснении влияния механического движения населения на количественные и качественные характеристики населения;
- в анализе взаимодействия основных национальных групп при формировании полиэтничного общества;
- в изучении системы образования и уровня образования населения в Северо-казахстанском регионе;
- в исследовании состояния здравоохранения и здоровья населения в регионе.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли своё отражение в 12 публикациях, среди которых 3 – в журналах, рекомендованных ККСОН МОН РК, а также 6 статей в материалах научных и научно-практических конференций международного уровня.

Положения, выносимые на защиту:

1. В конце XIX – первой четверти XX века Северный Казахстан формировался как единое политическое и социально-экономическое пространство взаимодействия казахского и переселенческого населения. Формирование и развитие народонаселения происходило в рамках общегосударственной модернизации на фоне массового крестьянского переселения. Переселенческий процесс стимулировал развитие земледелия, что разрушало традиционную кочевую систему хозяйства и расселения казахов в регионе.

2. В течение исследуемого периода естественное движение населения Северо-казахстанского региона характеризовалось высокой рождаемостью и смертностью, как среди казахского, так и среди переселенческого населения. В первое десятилетие XX века уровень смертности пришлого населения был более высоким по сравнению с казахским населением, что можно объяснить трудностями обустройства на новых местах. Резкое снижение численности казахов и их удельного веса в составе населения Северо-казахстанского региона в 1920-е годы произошло в результате отрицательного естественного движения, связанного с низкой рождаемостью и высокой смертностью, что было обусловлено последствиями хозяйственной трансформации, вызвавшей массовый голод и отток казахского населения из региона.

3. Бурные миграционные процессы в регион стали определяющим фактором формирования количественных и качественных характеристик населения и его подвижности. В результате механического движения численность населения Северо-казахстанского региона в период между переписями 1897 и 1926 гг. увеличилось более чем в два раза. Переселенческое население размещается главным образом в наиболее северных уездах региона – Кустанайском, Петропавловском, Кокчетавском, Павлодарском. Изменяется национальная структура населения региона. Удельный вес казахского

населения снижается, увеличивается доля других этнических групп, представлявших основную часть переселенческого движения – украинцев, русских и др. События национально-освободительного движения 1916 года, гражданской войны и голода 1920-х гг. оказали влияние на изменение половозрастной структуры населения в сторону снижения численности мужского населения.

4. Хозяйственное, культурное, бытовое взаимодействие казахов и переселенцев стимулировало процесс интегрирования в единую многонациональную общность, что порождало целый ряд проблем объективного и субъективного порядка. С одной стороны, это приводило к локальным и массовым межэтническим столкновениям, с другой – заложило фундамент для формирования толерантности, характерной для современного казахстанского общества.

5. Образование в Северном Казахстане на рубеже XIX-XX вв. носило как традиционный (религиозный), так и светский характер. Создание системы аульных и русско-казахских школ, не стало решением проблемы низкого образовательного уровня казахского населения. Хозяйственное развитие Северо-казахстанского региона и процесс перевода казахского населения на оседлость привели к созданию сети ремесленных и сельскохозяйственных школ и училищ. Среднее образование в дореволюционный период являлось доступным для состоятельных категорий населения, в связи с высокой оплатой за обучение. Уровень образования отличался по национальному, половому признакам и степени урбанизации. С началом советского периода образование становится доступным для всех категорий населения, при этом его качественный уровень в начале 1920-х годов, в связи с нехваткой материальных средств и квалифицированных учительских кадров остаётся низким.

6. Причинами высокого уровня смертности в Северо-казахстанском регионе были антисанитарные условия проживания большей части населения Северного Казахстана, массовые эпидемии, слабый уровень здравоохранения. Регулярной врачебной помощью могли пользоваться только городские жители. Вакцинация населения не снижала высокого уровня заболеваемости. Кочевое население Северо-казахстанского населения практически не пользовалось медицинской помощью. Эпидемиологическая ситуация значительно ухудшилась в период гражданской войны и голода начала 1920-х годов.

Практическая значимость исследования. Проблема разработки регионального направления в исторической демографии привлекает в последнее время значительное внимание ученых. Достоверность выводов диссертации и научных обобщений является научным потенциалом для дальнейшей реконструкции истории Северо-казахстанского региона. Содержательная часть диссертации может быть применима в учебном процессе, в краеведческой работе, в этноисторических и историко-демографических исследованиях.

Структура диссертации состоит из списка определений, обозначений и сокращений, введения, двух разделов с шестью подразделами, заключения, списка использованных источников и приложения.

1 НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1.1 Особенности политического и социально-экономического развития региона

Формирование Северо-казахстанского региона как единого пространства социально-политического и экономического взаимодействия начинается с административных реформ второй половины XIX столетия в Степном крае. Особенности колониального устройства края являлось то, что устраиваемые территориальные единицы чаще всего управлялись военными и гражданскими ведомствами, место расположения которых не всегда входило в пределы самих областей.

В соответствии с «Временным положением об управлении в Степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» территория всего Северного Казахстана включалась в состав Оренбургского генерал-губернаторства с центром в Оренбурге и Западно-Сибирского с центром в городе Омске. Оренбургское генерал-губернаторство делилось на Уральскую и Тургайскую области, возглавлявшимися военными губернаторами, а их заместители в ранге вице-губернаторов исполняли обязанности председателей областных правлений. 21 октября 1868 года Указом Сената вводится в действие «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях». Устраиваемые области были разделены на уезды и волости. Нас интересуют, Кустанайский и Тургайский уезды Тургайской области, Петропавловский, Кокчетавский, части Акмолинского и Атбасарского уездов Акмолинской области и Павлодарский уезд Семипалатинской области. Именно эти административные образования составляли Северо-казахстанский регион в дореволюционный период.

Летом 1881 года Оренбургское генерал-губернаторство и Оренбургский военный округ были упразднены, а Тургайская область присоединилась к казанскому военному округу. С 1891 года на основании «Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» все они вошли в состав Степного генерал-губернаторства с центром в г. Омск. Гражданское правление Тургайской области контролировалось из г. Оренбурга, Семипалатинской и Акмолинской областей из г. Омска [82, с. 12-15]. Уезды возглавлялись уездными начальниками из числа старших офицеров, назначаемых военным губернатором двух помощников, один из которых являлся выходцем из султанской знати и двух письмоводителей [62, с. 123-124]. В административном плане нередко царил чехарда. Так, Николаевский уезд Тургайской области сформировался окончательно к марту 1869 года, а его административный центр первоначально находился в казачьей станице Николаевской, никогда не входившей в пределы уезда. Как указывает временное положение «...в Илецкой-Защите и ст. Николаевской уездные управления помещаются временно, до перенесения

оних внутрь степи. Впоследствии, с переносом уездных управлений, уезды получают другие названия» [7, с. 429, 462]. Территория уезда, занятая казахским населением (аргыны, уаки, кипчаки, жаппасы, киреи, жагалбайлынды), требовала с точки зрения колониальной администрации особого контроля, а казачья станица Николаевская выглядела для этого наилучшим вариантом. В октябре 1869 года управление уездом было переведено в Троицк, что вновь не улучшило его административную устроенность, поскольку Троицк, будучи одним из крупнейших городов всего региона Западной Сибири и Степного края, также не входил в пределы Николаевского (Кустанайского) уезда. Это свидетельствовало о неэффективности всей управленческой системы. Управление уездом было затруднено и по другим причинам – практически отсутствовала устойчивая транспортная сеть. Разрешение на строительство почтового тракта между Троицком и Кустанаем было получено лишь во второй половине 1891 года, когда уже сам г. Кустанай стал уездным центром [110, с. 14].

Система местного самоуправления в пределах уездов Степного края, теперь все более напоминала административное устройство центральных районов России. Национальные окраины начали вхождение в единую политическую и территориальную систему государства. В связи с этим менялся хозяйственный уклад и условия проживания казахского населения. Уезды Степных областей состояли из волостей, включавших в себя 1-3 тыс. кибиток. Волости делились на аулы и устраивались исходя из особенностей пользования зимними пастбищами. Переход казахских семейств из аула в аул той или иной волости позволялся лишь с согласия его жителей. Переход же целых аулов из волости в волость происходили лишь с разрешения уездного начальника. Руководство волостью осуществлялось волостными управителями, аулами – аульными старшинами в возрасте не менее 25 лет. Это были выборные должности с полицейскими и налоговыми функциями [7, с. 433-436]. Выборы должностных лиц в пределах волостей нередко приводили к внутренним конфликтам среди казахского населения, так и к конфронтации с представителями колониальной администрации. По сообщениям прессы в 1892-1893 годах в Павлодарском уезде, сменявшие друг друга уездные начальники, относительно благополучно смогли организовать выборы должностных лиц среди казахского населения лишь в трёх из семнадцати волостей. Последующие выборы привели к конфликтам и аресту 16 казахов, из которых 15 за «...беспорядки и неповиновение власти... были приговорены к тюремному заключению от 2-х до 6 месяцев» [161, с. 2].

Кокчетавский уезд в конце XIX века делился на восемь казахских волостей, которые образовывались не по родовому, а по территориальному принципу. [60, с. 336]. Кустанайский уезд в этот период также состоял из восьми казахских волостей. Число волостей в дальнейшем росло путем дробления первоначальных волостей [62, с. 124]. Создание новых административных единиц было вызвано появлением на территории казахских волостей крестьянских участков. Естественно такой подход, активно изменял правовое поле в вопросе использования земель – постепенно контроль над

ними переходил к переселявшимся в край крестьянам при непосредственном вмешательстве центральных административных органов всех уровней. Как сообщает «Очерк хозяйственного быта киргизов...» в 1898 году казахи Кустанайского уезда «...пользовались площадью в 9154769 десятин или 88026 кв. верст» [89, с. 1]. При анализе возникновения казахских населённых пунктов, выяснялось, что их постоянное нахождение в пределах уезда не носило случайный характер, как это пыталась представить местная колониальная администрация (таблица 1).

Таблица 1 - Возраст казахских населенных пунктов в Кустанайском уезде на 1898 год.

Время основания	Итого по всему уезду		В среднем за период основывалось зимовок в один год
	Число аулов	%	
От 1 до 10 лет	75	3,5	7,5
От 10 до 20 лет	77	3,6	7,7
От 20 до 30 лет	202	9,4	20,7
От 30 до 50 лет	575	27	28,7
От 50 до 200 лет	738	34,6	14,7
Свыше 100 лет	306	14,3	-
Неизвестно	165	7,6	-
Всего	2138	100	-

Примечание - Составлено по данным: Щербина Ф.А. Очерк хозяйственного быта киргизов по данным Кустанайского и др. уездов. // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. / Департамент гос. зем. имуществ. Т. 5, ч. 5: Тургайская область, Кустанайский уезд. – Воронеж: Типо-Литография В.И. Исаева, 1903. – С. 30.

Как видно из таблицы количество аулов, родовых стоянок, зимовок (возрастом до 30 лет), образованных с момента начала административного переустройства региона конца 1860-х годов составляло лишь 16,5 % от общего числа. Это свидетельствовало о вынужденном оседании казахского населения на определённой территории, вразрез с хозяйственными устоями. Число аулов от 30 до 50 лет насчитывалось 575, от 50 до 200 лет – 738. Казахские населенные пункты в пределах Кустанайского уезда создавались в течение продолжительного периода времени и становились стабильными административными единицами, что шло вразрез с утверждениями колониальных властей об их временном характере нахождения в пределах Кустанайского уезда и других частей Северо-казахстанского региона.

Русские волости устраивались по традиционной схеме. Волость являлась низшей административной единицей крестьянского самоуправления, образуемой из смежных крестьянских обществ, с численностью населения от 300 до 2000 душ мужского пола. Наибольшее расстояние отдалённых селений волости от центра управления в среднем не должно было превышать 12 верст. При первоначальном образовании волостей в уезде бралась информация землеустроительных экспедиций, которые определяли количество «излишков и

свободных» земель. По мере усиления переселенческих тенденций росло количество переселенческих посёлков и волостей. Кочевые же волости оставались практически в неизменном состоянии. По данным экспедиции Ф.А. Щербины на одно кочевое хозяйство в конце XIX века приходилось чуть больше 200 десятин. Еще при утверждении Степного положения 1868 года оговаривались возможности отчуждения «излишних земель» у казахского населения с передачей их в Главное Управление Землеустройства и Земледелия. Пока действовали официальные запреты на массовые переселения под переселенческие участки отводилось не более 6% земли. После работы многочисленных землеустроительных экспедиций Ф. Щербины, А. Кауфмана, Л. Цабеля, П. Хворостанского, В. Кузнецова с 1896 года было выявлено и передано в переселенческие фонды до 1,5 миллионов десятин. Эти «излишки» составляли не менее 16% всех земель [315, с. 105]. С учетом аренды и самозахватов земель официальные цифры могут выглядеть ещё более внушительно.

Одновременно с изменением административного управления на территории уездов Северного Казахстана, менялись и административные функции городов. Повсеместно во всех крупных городах Северного Казахстана начало свое действие городское самоуправление. Оно осуществлялось на основе Городского положения 1870 года. Первые выборы в городскую думу г. Петропавловска состоялись уже в 1873 году. Городской бюджет в 1899 году составил 57,6 тысяч рублей, из которых четвертая часть тратилась на содержание управления и полиции, а около трети суммы - на школы и больницы [60, с. 48]. Городская дума в г. Акмолинске сформировалась в 1874 году [72, с. 32], в г. Кустанае - в 1893 году [269, лл. 6-6об, 13]. Типичная управленческая система городов Степного края включала в себя: управление уездного начальника, канцелярию городского пристава, почтово-телеграфное отделение, местную воинскую команду, мирового судью, канцелярию акцизного надзирателя и, наконец, городское общественное управление [270, лл. 2-4].

В соответствии с законодательством Российской империи выделялись четыре основных сословия: дворянство, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели (крестьяне). Сословное деление конца XIX – начала XX столетия становится все более условным. К мещанам могли относиться купеческие слои, торговцы, ремесленники и инородческий элемент. По мере законодательного устройства городского поселения, большинство его жителей переходило в категорию мещан. Об этом свидетельствуют данные по городам Северного Казахстана. Мещанское сословие росло в зависимости от увеличения населения городов, составляя в среднем 75-90% от общего числа жителей [112]. Следует отметить, что в имущественном отношении мещане могли значительно различаться [78, с. 24-39].

Главным органом городского самоуправления являлась мещанская управа, к деятельности в которой, кроме мещан привлекались и представители других сословий, главным образом купечества, являвшегося, несмотря на свою малочисленность, наиболее активной экономической частью населения.

Мещанский сход избирал городского старосту [312]. Все избранные городские депутаты управы должны были соответствовать определённым требованиям, а именно «...под судом и следствием не состояли и не состоят и все владеют недвижимым имуществом стоимостью, по установленной для взимания оценочного сбора оценке, не менее ста рублей» [269, л. 5]. Функции городского самоуправления рубежа XIX – XX веков были ограниченными, поскольку городским хозяйством, по сути, руководили уездные начальники.

Наряду с городским самоуправлением важное место в управленческой системе Степным краем стремилось занять земство. Земское положение, появившись еще в период Великих реформ Александра II, до начала XX века не вышло на общегосударственный уровень, застряв в центральных районах страны. Тем не менее, в административных и экономических начинаниях уездов и областей Степного края регулярно присутствовали земские сборы, в виде пожертвований от местного населения. «Земские повинности» как обязанность кочевого населения для содержания местного управления утверждалась согласно «Временному положению об управлении в степных областях 1868 года» [7, с. 447-448]. В дальнейшем, земские сборы с казахского населения были подтверждены «Положением об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» от 25 марта 1891 года. О необходимости этих сборов заявляли административные власти. Так, в прошении военного губернатора Тургайской области Я.Ф. Барабаша министру внутренних дел по поводу строительства телеграфной линии Троицк-Кустанай от 19 февраля 1891 года, отмечалось «...содействие местного населения, выразившееся в значительном денежном пожертвовании на расходы по проведению телеграфной линии между названными пунктами...» [272, лл. 33-33об]. Ежегодно в «обзорах» областей приводились суммы земского сбора – 1 руб. 50 копеек с кибитки. В 1895 году сумма этих сборов в Тургайской области составила 105.304 рублей 50 копеек, значительная по тем временам сумма [114, с. 24]. Из земских средств финансировалось местное образование и здравоохранение [273, лл. 3-6об]. Обратим внимание на то, что городское население Северо-казахстанского региона практически полностью составлялось из «пришлых». В связи с этим, земское самоуправление оказывалось последней возможностью привлечения казахского населения к активной политической деятельности в пределах не только Северо-казахстанского региона, но и всей страны.

Формирование административной и политической системы Северного Казахстана происходило на фоне миграционных процессов. Крестьянская колонизация сформировала новый хозяйственный уклад всего Северо-казахстанского региона. Его экономическую основу теперь составляло земледельческое хозяйство. И если в конце XIX века в Северо-казахстанском регионе сохранялись традиционные формы кочевого скотоводства, то с усилением процессов официального и самовольного переселения, начался повсеместный переход местного населения к системе хлебопашества. Если все посевные площади Тургайской области в 1879 году составили 37.434 десятины, то уже к 1899 году их было 118.176 десятин, т.е. в три с лишним раза больше.

Вопрос о переходе края к земледелию начал обсуждаться официальной властью с самого начала создания Степных областей. С введением Положения 1868 года «...было установлено, что впредь до окончательного землеустройства киргизского населения, все земли, занятые киргизами, являются государственными и находятся лишь в общественном пользовании киргиз на основании их обычаями» [154, с. 31].

Сельское хозяйство, распашка целинных земель становятся основным занятием не только пришлого, но зачастую и коренного населения Северо-казахстанского региона. На рубеже XIX – XX веков в регионах массового крестьянского переселения всё большее внимание начинает уделяться проблемам хлебопашества в регионе. К таковым относились: 1) неблагоприятные почвенные и климатические условия в степи; 2) неустроенное хозяйство прибывших в регион крестьян; 3) отсутствие необходимого сельскохозяйственного инвентаря. Такие формулировки сочетались со «скрытой рекламой» новых земледельческих орудий труда: «В 1890-1891 гг. водворены были в Кокчетавском уезде несколько десятков семейств, переселившихся из Новоузенского уезда, Самарской губернии. Занимаясь земледелием по соседству с немецкими колонистами Саратовской губернии, эти семьи еще на родине познакомились с усовершенствованными земледельческими орудиями и обзавелись таковыми покупкой из складов, находящихся в колониях, в центрах земледельческой культуры. По прибытии в Кокчетавский уезд, они привезли с собой различные плуги (системы Эккерта, Сакка), сенокосилки и другие усовершенствованные орудия и на практике показали казакам и крестьянам-старожилам всю выгоду, доставляемую этими орудиями при обработке земли» [134, с. 16]. Склады земледельческих орудий создавались вдоль всей линии Транссибирской магистрали (Курган, Петропавловск, Омск, Челябинск), а также в крупных населённых пунктах, прилегающих к ней территорий (Кокчетав, Павлодар, Троицк). Таким образом, практически весь Северный Казахстан оказался охваченным этой пропагандой.

Перешедшие на оседлость казахи часто перенимали негативный опыт переселенцев по экстенсивному использованию земельных ресурсов. Выход виделся в агрономическом просвещении бывших кочевников. Так весной 1895 года, как сообщает «Киргизская степная газета», в Петропавловском уезде Акмолинской области создана Петропавловская сельскохозяйственная школа, в которой казахи могли бесплатно получать агрономические навыки обработки земли. Большая надежда в агрономической пропаганде возлагалась на склады сельскохозяйственных машин, «...где киргизы могут приобретать их по удешевленной цене и при том с рассрочкою платежа до полутора года. Отделение этого склада имеется и при школе; здесь же в середине мая (1895 года – С.С.) будет устроено публичное испытание плугов, на котором все желающие могут убедиться, насколько легко управляться с хорошими плугами и насколько удовлетворительно они обрабатывают землю» [160].

Трудовые ресурсы Северо-казахстанского региона были достаточными для удовлетворения экономической сферы. Проанализируем половозрастную структуру населения Северного Казахстана и нагрузку на одного работающего.

В качестве основных возрастных групп условно выделяем следующие: дети в возрасте от 0 до 13 лет; категорию рабочего возраста от 14 до 59; людей старше 60 лет. Необходимо отметить, что в трудовую деятельность активно вовлекались и 12-13 летние подростки. Наиболее полные данные о половозрастной структуре населения сосредоточены в материалах Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 года (таблица 2).

Таблица 2 – Половозрастная структура населения уездов и городов Северного Казахстана и нагрузка на работающих по Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 года

Населенные территории	Возрастные категории	Население			Количество иждивенцев на одного работающего
		Мужчины	Женщины	Всего	
1	2	3	4	5	6
г. Акмолинск	0-13	1634	1631	3265	0,68
	14-59	3086	2693	5779	
	60 и старше	355	289	644	
Акмолинский уезд Акмолинской области	0-13	34145	34042	68187	0,80
	14-59	55616	47456	103072	
	60 и старше	7524	6275	13799	
г. Атбасар	0-13	525	524	1049	0,69
	14-59	935	867	1802	
	60 и старше	93	94	187	
Атбасарский уезд Акмолинской области	0-13	16479	16522	33001	0,81
	14-59	25079	22725	47804	
	60 и старше	3087	2521	5608	
г. Кокчетав	0-13	910	878	1788	0,78
	14-59	1463	1310	2793	
	60 и старше	203	198	401	
Кокчетавский уезд Акмолинской области	0-13	29585	29915	59500	0,83
	14-59	45148	39792	84920	
	60 и старше	5724	5297	11021	
г. Кустанай	0-13	2631	2663	5294	0,81
	14-59	3911	3979	7890	
	60 и старше	564	527	1091	

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6
Кустанайский уезд Тургайской области	0-13	27912	27055	54967	0,76
	14-59	45966	40606	86572	
	60 и старше	5784	5233	11017	
г. Петропавловск	0-13	3011	3035	6046	0,64
	14-59	6257	5750	12007	
	60 и старше	827	808	1635	
Петропавловский уезд Акмолинской области	0-13	28218	27691	55909	0,77
	14-59	45830	41962	87792	
	60 и старше	5805	5631	11436	
г. Тургай	0-13	132	157	289	0,58
	14-59	380	186	566	
	60 и старше	19	22	41	
Тургайский уезд Тургайской области	0-13	18643	18161	36804	0,96
	14-59	23827	20546	44373	
	60 и старше	3141	2630	5771	
Примечание - Составлено по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXVII. Тургайская область. - СПб.: «Слово», 1904. – 150 с.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXI. Акмолинская область. - СПб.: «Слово», 1904. – 135 с.					

По данным таблицы наименьшая нагрузка на работающих приходилась на города – Тургай, Акмолинск, Атбасар и Петропавловск. В них на одного работоспособного приходилось от 0,58 до 0,69 иждивенца. Для Кокчетав и Кустаная эти показатели несколько выше – 0,78 и 0,81 соответственно. Эти данные свидетельствовали о том, что наиболее дееспособная и активная часть населения стремилась оседать в городских поселениях. Для сельской местности характерен пониженный коэффициент нагрузки на трудоспособных. В Тургайском уезде этот коэффициент составил 0,96 иждивенца на одного работоспособного. Для остальных регионов показатели приблизительно одинаковы – от 0,76 иждивенца на одного работоспособного в Кустанайском уезде до 0,83 в Кокчетавском уезде. Подобные характеристики связаны с тем, что увеличение трудовых ресурсов уже в конце XIX века шло практически во всех уездах не только за счет естественного прироста (за исключением Тургайского уезда), а благодаря активным механическим процессам.

Экономическому росту Северо-казахстанского региона способствовал рост оборотов железнодорожного транспорта. Особенно это отразилось на экономическом потенциале г. Петропавловска, через который прошла Транссибирская магистраль. С её строительством и вводом в 1894 году

началось стремительное развитие Петропавловска как промышленного центра. Уже в 1899 году через станцию прошло товаров весом 2 млн. 460 тыс. пудов. Не только сама Транссибирская железная дорога, но и ее тупиковые ветки, соединявшиеся с уездными центрами Степного края, носили важный характер. Примером подобной ветки стала, построенная к концу 1913 года и соединявшая через Троицк Кустанай с Транссибирской магистралью [268, л. 59об]. Уже в марте 1914 года «...дорога выручила 60700 р. Из самого Кустаная вывезено более 400000 п. хлеба, предполагается к отправке еще до полмиллиона» [176, с. 3]. Железная дорога стимулировала торговые отношения и развитие промышленной сферы, не только в городах, но и в пределах уездов: «С проведением железной дороги, оживившей несколько край, ожидается развитие горной промышленности и разработки золота» - сообщалось в местных корреспонденциях [177, с. 3]. Вдоль железной дороги, как это было принято вдоль главных магистралей центральных районов страны, планировалось создание элеваторов. Правда, вопрос об их строительстве регулярно «зависал» на уровне всевозможных комиссий [178, с. 2].

Промышленная сфера в Северо-казахстанском регионе с самого начала носила аграрный характер. Кроме традиционной мукомольной промышленности, развивались и другие направления обработки сельскохозяйственного сырья. Так, жители п. Чолаксай 2-й Наурзумской волости Тургайского уезда в начале XX века взялись за выращивание горчицы и попытались организовать производство горчичного масла, «...но за недостатком топлива в Тургайском уезде, - сообщает исследователь Б. Скалов, - оно отнесено на поселок Семиозерный, Кустанайского уезда, где оборудован горчичный завод» [317, с. 107-108]. В Павлодарском уезде на рубеже XIX-XX вв. начинает складываться каменноугольная и медеплавильная промышленность. Однако, долгое время самой доходной частью отраслью местной промышленности считалась соляная [67, с. 25].

Значительное распространение также получили прикладные и кустарные ремесла. Число ремесленников год от года росло. Следует отметить, что ремесленники вынуждены были совмещать основную работу ведением подсобного хозяйства. В связи с чем, очень сложным был их строгий учет. Желание активно заниматься ремесленным производством существовало и у казахского населения, о чем из года в год сообщали «отчеты» областей [124, с. 37-38].

К началу XX века Переселенческое управление выделило уже достаточное число участков для крестьянского переселения в пределах Степного края. Казахское население выражало недовольство, заявляя о незаконности действий правительства. «Настроение это является если не всецело, то в значительной мере, результатом деятельности нескольких влиятельных киргиз – Наурузбаева, Алдиарова и других, - говорится в сообщении в Переселенческое Управление Министерства Внутренних Дел от 7 мая 1902 года, - которые в минувшем 1901 году были в Санкт-Петербурге в качестве депутатов от Кустанайских киргиз. Эти лица, не говоря о негласном их влиянии на киргиз, выступали, под разными предложениями, на заседаниях временных комиссий и делали здесь различные

заявления, несомненно способствовавшие усилению возникшего среди киргиз нежелательного настроения» [309, лл. 188-188об]. Несмотря на указанные протесты, изъятия земельных ресурсов продолжились, а по распоряжению МВД от 5 октября 1902 года был введен институт крестьянских начальников и образованы крестьянские участки [62, с. 191].

Из четырех крестьянских начальников Кустанайского уезда лишь двое проживали в пределах уезда и даже самой области. Двое других проживали в Троицке и Орске. При этом, первоначально в качестве населенных пунктов для крестьянских начальников предлагались: для 1 участка – п. Александровский в 40 верстах от г. Кустаная; для 2 участка – п. Боровской в 75 верстах от г. Кустаная; для 3 участка п. Семиозерный (с. Аулиекуль) в 94 верстах от г. Кустаная; для 4 участка - аул казаха Суундукской волости Сагандыкова [311, л. 293]. Обратимся к данным о населенности участков к моменту их создания (таблица 3).

Таблица 3 – Население мужского пола в крестьянских участках Кустанайского уезда (без города) Тургайской области в 1901 г.

№№ участков	Население мужского пола		Площадь в кв.верстах)
	Казахское	Русское (переселенческое)	
1	8204	4129	11923
2	15341	2857	19099,5
3	20120	132	31904,5
4	16306	-	30910,4
Всего	59971	7118	93837,4
Примечание - Составлено по данным: РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 34. Л. 293.			

Как видно из таблицы казахское население преобладает в населении всех без исключения участков. В первом и втором участках число переселенцев насчитывалось 4.129 и 2.857 человек соответственно. На третьем участке переселенческое население было минимальным – 132 человека, а четвертый участок был населен исключительно казахами. При этом размеры третьего и четвертого участков составляли 2/3 всей площади уезда. Получалось, что участки создавались на перспективу, для обеспечения земельных потребностей переселенческого населения.

Уже к 1904 году население Кустанайского уезда (с городом) составило 227.939 человек обоего пола, из них казахского – 141.169. Казахские волости оставались практически в неизменном состоянии, их население увеличивалось в основном за счёт естественного прироста. Переселенческое же население начинает увеличиваться многократно – с 24.198 человек в 1891 году до 86.770 человек в 1904 году [119, с. 2].

В административном плане над казахскими волостями осуществляется двойной контроль: как со стороны местных администраторов, так и со стороны новых переселенческих властей, ставивших целью перераспределение земельных ресурсов и перевод кочевых жителей на оседлость. Новая система

значительно сужала кочевой уклад местного населения, а «Степное Положение» давало крестьянским начальникам возможность регулировать взаимоотношения между казаками и переселенцами по своему усмотрению [168, с. 2].

Отношение к институту крестьянских начальников сразу же сложилось крайне негативное, о чем нередко сообщали центральные периодические издания, анализирувавшие ход переселенческого процесса: «Степь знает крестьянского начальника, занимавшего большие суммы у подчинённых киргиз... Благодаря особенностям нашего законодательства, добиться привлечения чиновника к ответственности чрезвычайно трудно» [313, с. 32-33].

Новая система управления уездами Степного края не могла справиться с переселенческим движением, носившим как официальный, так и несанкционированный (самовольный) характер. Статистические данные свидетельствуют о 35 тысячах неучтённых крестьян в начале XX века только по Кустанайскому уезду. Рост самовольных поселений срывал, по мнению П. Кокоулина, весь процесс переселенческого движения, пока «...не последовало распоряжение Министерства Внутренних Дел об устройстве на участках всех поселившихся на них крестьян-земледельцев, ведущих хозяйство обычного крестьянского типа... Таким порядком в течение 1903-1904 гг. было водворено на переселенческих участках Кустанайского уезда и причислено до 40 тысяч душ обоёго пола» [13, с. 211-212].

Схема устройства уездов, включавших в себя переселенческие участки, теперь представляла собой следующую картину. Уезд делился на подрайоны, размеры которых определялись радиусом в 75-100 верст и колонизационной ёмкостью в 5-7 тысяч долей душевого надела. Первоначально переселенцы находились в подчинении заведующих подрайоном, а затем после полного устройства переходили в подчинение крестьянских начальников [62, с. 191]. В большинстве своём, крестьянские начальники жили за пределами указанных участков и ориентировались в ситуации, исходя из поступающих в их адрес ходатайств от новых поселков и волостных сходов.

Переселенческий наплыв в начале XX века значительно усиливается, особенно в годы Русско-японской войны и революции 1905-1907 гг. Это во многом изменяет административное устройство Северо-казахстанского региона. До официального решения переселенческого вопроса уездным и крестьянским начальникам приходилось справляться с наплывом несанкционированных переселенцев. Показательным является ходатайство крестьянского начальника второго участка Кустанайского уезда заведующему Челябинским переселенческим пунктом от 8 апреля 1905 года, в котором сообщалось, «...что, не смотря на то, что Тургайская область для переселения закрыта, переселенцы идут толпами и обращаются... с требованиями приписки. Но так как все переселенческие участки заполнены и даже переполнены, то от меня переселенцы получают отказ» [293, лл. 2-2об].

Хозяйственный уклад Северо-казахстанского региона теперь постоянно эволюционировал в сторону земледелия в ущерб традиционному кочевому хозяйству местного населения. Наиболее активные изъятия земли начались

после объявления столыпинской аграрной реформы, когда в край хлынули волны переселенцев, а под заселение было выделено 25% «излишков земли» [154, с. 33]. Ради отведения земли переселенцам в Степном крае, было проведено повторное обследование казахского землепользования, при котором площадь выявленных земельных ресурсов, допустим, в Кокчетавском уезде Акмолинской области увеличилась с 129 до 1766 тыс. десятин [314, с. 126-127].

После событий 1905-1907 гг. главным по всей стране, в том числе и на окраинах, встал вопрос о создании реально действующих органах местной власти. В этот период повсеместно вводилось полноценное городское самоуправление в виде городской думы и городской управы.

Членом городской думы мог стать житель города с определённым возрастным и имущественным цензом. Порядок выбора в думу был следующим - гласные избирались сроком на четыре года, главным образом из мещанского сословия, так как те были в состоянии выдержать имущественный ценз. После утверждения состава думы на заседание созывались гласные. Они из своего же числа выбирали членов городской управы, главного исполнительного органа городского самоуправления. Дума выполняла функции распорядительные, следя за соблюдением циркуляров Министерства внутренних дел и областного правления. Сферой деятельности новой городской администрации стало коммунально-строительное хозяйство, торгово-промышленная деятельность, начальное образование, медицина и культура. На заседаниях думы, проходивших раз в месяц, присутствовал представитель духовенства, члены управы и секретарь. Председательствовал в думе городской голова, которого избирали на 4 года. Городской голова получал содержание в 1500 рублей в год, члены управы несколько меньше [316, с. 6].

Несмотря на критику, новые городские думы северо-казахстанских городов показали свою состоятельность. Дума и ее органы занималась административными вопросами и судебной властью, вводя в судах институт присяжных заседателей [271, л. 1]. Дума регулярно вела протоколы заседаний, а в случае необходимости решение по спорным вопросам передавало в областное правление, либо в главное управление Министерства внутренних дел по делам местного хозяйства [316, с. 6].

Вопрос об устройстве земства рассматривался на заседаниях III Государственной Думы России, начавшей свою работу с ноября 1907 года. Лидеры Думы (в большинстве октябристы – С.С.) ратовали за ограничение монархической власти и введение конституционно-представительного строя. Именно земство, по их мысли, должно было довершить переустройство государства, сначала на местном, а затем и общегосударственном уровне. Уже на первой сессии заседания Думы начал обсуждаться вопрос о введении земств в большинстве регионов страны, в том числе и на окраинах (допустим Сибири, Оренбургской губернии, Туркестанском крае – С.С.). Внесённые правительством законопроекты были частично приняты в 1908 году. Земство, в итоге, получило распространение в Оренбургской губернии с увеличенным вдвое имущественным цензом. Что же касается земских учреждений в Сибири и Степном крае, то их проект был отвергнут Государственным Советом.

Следует отметить, что земство, исходя из принятых постановлений, в любом случае не могло получить большое распространение на территории Степного края, так как имущественный ценз был, неподъёмным для большинства его населения – не менее 120 десятин земли или имущество свыше 15 тысяч рублей. Более того, П.А. Столыпин предлагал создание «русской курии», но данное предложение Государственный Совет счел антигосударственной идеей [77, с. 370-374].

Необходимость введения земства отмечалась многими общественными и политическими деятелями на местах. Так, известный журналист и издатель С. Ужгин, славившийся позднее своими социал-демократическими взглядами, заявлял о необходимости «земского характера» в биржевой и промышленной деятельности: «...надо лишь немного инициативы со стороны наиболее подвижных элементов из среды... купечества» [172, с. 3]. В итоге законопроект о введении земства в Сибири и в Степном крае был введён в действие лишь после падения монархии, первыми постановлениями Временного правительства.

Крестьянское население центральных регионов России и Украины перемещалось в «новые земли» с целью поправить свое материальное положение. Однако, приносимая ими экстенсивность ведения хозяйства в зоне рискованного земледелия, а также непредсказуемость погодных условий, приводили к страшным неурожаям. «Земледельческая горячка прекратилась, не просуществовав и 10 лет. – Сообщалось в цифровых материалах Н. Софотерова, собранных статистической партией в 1908 году. – Истощённые земли не в состоянии были давать окупающих расходы урожаев и в результате явилось полное разорение посевищиков. Скотоводческое хозяйство возродиться уже не могло, так как после хищнических запашек степи заглохли и не могли дать не только сенокосов, но и приличных выпасов. Разорениехватило всех: разорились те, кто непосредственно вложил деньги в землю, разорились и те, кто, распродав свой скот, занялся промышленными предприятиями, как напр[имер] постройкой вальцовых мельниц. В настоящее время и они стоят без дела. Из числа крупных скотоводов, обладавших тысячами голов мериносов... не уцелело никого» [317, с. 104].

Согласно «Временным правилам», утвержденным в 1909 году изъятие земель и пастбищ в фонд Переселенческого управления сопровождалось выселением казахского населения в менее освоенные районы [318, с. 29]. Оставшиеся вынуждены были изменять хозяйственный уклад. В 1910 году в Павлодарском уезде было зарегистрировано 6.820 казахских хозяйств, занимающихся земледелием [319]. Процесс перевода казахского населения на оседлость становился необратимым. Следует отметить, что у кочевников постоянно росло число распаханых земель и урожайность зерновых культур, которая, кстати, в среднем превышала данные переселенческих хозяйств [121, с. 23; 125, с. 23; 127, с. 15].

Экстенсивный характер хозяйственной деятельности крестьянского населения подтверждается данными о наличии сельскохозяйственной техники. Число технических средств постоянно увеличивалось и главный спрос у

переселенцев вызывали усовершенствованные плуги, с помощью которых можно было максимально увеличить площадь запашки. По данным анкетных обследований в Семипалатинской и Акмолинской областях за 1909 год, выяснилось, что в среднем в хозяйствах Акмолинской области приходилось 3,8 сельскохозяйственных орудий, в Семипалатинской – 4,4. Если взять поуездный анализ, то данные получились следующие: Петропавловский уезд Акмолинской области – 3,6 сельхозорудия в среднем на хозяйство; Кокчетавский уезд Акмолинской области – 3,9 сельхозорудия в среднем на хозяйство; Павлодарский уезд Семипалатинской области – 3,3 сельхозорудия в среднем на хозяйство [95, с. 5-6].

При оценке нагрузки на работающее население в переселенческих хозяйствах, обратимся к Статистическим материалам по подворному обследованию переселенческих хозяйств Петропавловского и Кокчетавского уездов Акмолинской области за 1910 год. При анализе работоспособного населения крестьянской семьи составители материалов предлагают следующую градацию возрастных категорий трудоспособного населения: нерабочее – до 13 лет, полурабочее – 14-17 лет, рабочее – 18-60 лет и старики – более 60 лет. Коэффициент нагрузки на одного работающего для мужского населения обследуемых поселков высчитывается в данном случае в 0,82, что вполне сопоставимо с данными Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года [96, с. 2-3]. Трудовой потенциал населения сократился лишь с началом Первой мировой войны, когда значительная часть трудоспособного мужского населения отправилась на фронт.

Крестьянские хозяйства переселенцев Северного Казахстана, по своему потенциалу, были весьма неоднородны. Сравнительно легко оседали и вели серьёзное хозяйство зажиточные крестьяне. Более слабые хозяйства, надеявшиеся на быстрое изменение своего материального положения, нередко попадали в кабальное положение, экономическую зависимость от старожилков: «У зажиточных крестьян скотные дворы переполнены разным домашним скотом: лошадьми, коровами, овцами, - сообщается в омском издании «Степная речь» от 14 апреля 1911 года, - а у бедняков – почти полное отсутствие последних, если не считать одной заморенной лошаденки и такой же коровенки. Объясняется все это не тем, конечно, что бедняк-переселенец не хочет работать или, наконец, что он круглый невежда в деле ведения хозяйства. ...Но что же он поделает, когда он прежде чем добраться до земли, прежде чем осесть на ней, экономически истощен до наивысшего предела и, таким образом, волей-неволей лишён возможности развернуть хозяйство хотя бы в среднем масштабе и поставить его на рациональных началах» [193].

После официального начала реформ вопросы администрирования переселенческого населения становятся основными. Связано это было с изменением форм землепользования и переходом на отрубные, либо хуторные хозяйства, что стало причиной споров между «старожильческими» и «переселенческими» поселками. Решение споров, частично возлагалось на крестьянских начальников. В связи с этим, регулярно проводились уездные съезды крестьянских начальников, на которых обсуждались вопросы создания

новых волостных единиц. Стремительно росло количество новых поселков, желавших перейти на «хутор». Крестьянские начальники стремились поддержать новоселов [85, с. 8]. При этом, принятые ими постановления, не всегда носили обдуманый характер. Так, Кустанайский Уездный Съезд Крестьянских Начальников 28 ноября 1911 года на основании приговоров волостных сходов принял решение об образовании новых волостей и о распределении поселков между ними. Новых волостей в предлагаемом списке оказалось 10, некоторые из них планировались на перспективу «...до заполнения поселка, и по заполнении образования самостоятельной волости» [294, л. 1об]. В итоге число новых волостей было увеличено до 14. Интересным оказалось мнение Управляющего Оренбургскою Казенною Палатою, Начальника Отделения Палаты Жуковского, который не соглашался с введением новых волостных единиц: «Образование слишком мелких административных единиц в переселенческом районе не вызывается прямою необходимостью и безусловно невыгодно для переселенцев, особенно новоселов, нуждающихся в каждой копейки на домообзаведение, устройство и покупку скота и семян и, в частности, в настоящий тяжелый год, когда, вследствие неурожая 1911 года, переселенцев приходится кормить. Между тем дробление волостей вызывает необходимость содержания значительного количества лишних административных волостных единиц, волостного суда, постройку волостных правлений оборудование их...» [294, л. 4]. Несмотря на возражения со стороны отдельных чиновников, число переселенческих волостей продолжало расти.

Административное переустройство местного казахского населения, в связи с «нецелесообразным» использованием земельных ресурсов, чаще всего сводилось к переводу его на оседлость. Этот вопрос обсуждался на высочайшем уровне – в Совете Министров: «В междуправительственном совещании в связи с вопросом об управлении Степным генерал-губернаторством рассматривался и вопрос об административном устройстве кочевников-киргиз. Совещание нашло необходимым приблизить административное устройство оседлых киргизов, населяющих Степные области, к устройству русских крестьян. Для этой цели, по мнению совещания, нужно учредить в Степных областях должности крестьянских начальников, равносильные земским начальникам, и возложить на них функции надзора административного и судебного. Оседлые киргизы должны быть, по мнению совещания, обложены оброчной податью, подобно крестьянам» [169, с. 2]. Мнение совещаний практически всегда оставалось однозначным – перевод на оседлость необходим, что вызывало определённые дискуссии в политической и общественной среде, не выходя на уровень принятия практических решений.

Переход казахских хозяйств к земледелию сопровождался кризисными явлениями. Показательным в этом смысле оказался 1911 год. Средняя урожайность зерновых составила около 2 пудов с десятины, отмечался массовый падеж скота. Газета «Верхне-Уральский вестник» от 26 января 1912 года сообщала, что «...наравне с оседлым населением двух постигнутых недородом уездов (Кустанайского и Актюбинского) пострадало от неурожая и

киргизское население, которое при скотоводстве почти поголовно занимается и хлебопашеством. Пострадавших кибитковладельцев в обоих уездах 23700, имеющих 113072 едока» [320]. По данным исследователя В.С. Черникова, неурожайные годы в Петропавловском уезде, начиная с 1870-х годов, повторялись в среднем раз в три-четыре года [321, с. 9].

Причинами неурожайных лет считалось экстенсивное использование земли и патриархальные способы её обработки. Удивительно, но чаще всего, следующие после неурожаяев годы, показывали ещё большую распашку земель, в чём виделся выход из кризиса. Такой подход сохранился в Степном крае и в последующие десятилетия. Об этом свидетельствуют сведения о нормах землепользования в Тургайской и Акмолинской областях. Наиболее высокий размер земельного участка для переселенцев выделялся в Петропавловском уезде – 11 десятин. Это в два раза превышало нормы землепользования в земледельческих районах Центральной России [154, с. 31].

Крестьяне мало обращали внимание на отбор семенного материала, пуская на сев зерно по остаточному принципу. А при неурожае нередко надеялись на помощь государства, высказываясь следующим образом: «А нам что, коли голод – Царь прокормит» [173, с. 3]. Правительство, действительно, в неурожайные годы оказывало помощь организацией общественных работ, семенным зерном, продовольствием. Имеются сведения о выдаче безлошадным крестьянам рабочего скота. Так, в 1912 году в Кустанайском уезде хозяйств без единой головы рабочего скота оказалось 4.067. Весной 1912 года перед началом пашни им было выдано 2.834 лошади, что хотя и решало проблемы, но улучшало положение лишь части земледельцев. Казахское население страдало от неурожаяев еще в большей степени, потеряв только в голод 1911-1912 гг. 20% лошадей. Часть скота удалось спасти, перегнав в южные уезды. Выдача продовольствия казахскому населению шла строго «по спискам нуждавшихся». К ним были отнесены хозяйства, имеющие менее 21 головы крупного скота (данная цифра считалась нормой достаточного пропитания казахской семьи – С.С.) [125]. Перевод на оседлость теперь стимулировался особой налоговой политикой. Данный вопрос обсуждался на правительственном уровне, в ходе специальных совещаний: «...Существующий налог с кочевых киргизов, который взимался до сих пор с каждой кибитки, совещание проектирует заменить налогом со скота. Разведение скота, как известно, составляет главный источник жизни кочевых киргизов. Каждый аул владеет тысячами и десятками тысяч различного скота. Обложение этого скота налогом должно увеличить, по мнению совещания, доходы казны. Проектируется взимать по 75-ти коп. с каждого верблюда, по 40 коп. с головы крупного скота и по 5-ти коп. с головы мелкого скота» [169, с. 2].

Значительным направлением промышленной деятельности Кустанайского уезда была добыча золота, в котором было занято достаточно большое количество работников. В связи с созданием дополнительных заводских мощностей число работников с 1911 по 1914 год увеличилось в 2,5 раза – с 191 до 515 [124, с. 35; 127, с. 24]. Некоторые из промышленников города Кустаная были в состоянии развернуть свою деятельность и за пределами уезда. А об их

состоятельности говорит тот факт, что 4 из них после начала мировой войны вошли в состав военно-промышленного комитета г. Челябинска.

Но главным направлением промышленного производства оставалась перерабатывающая промышленность. Так, в 1912 году в Петропавловске насчитывалось 137 фабрик с 1.678 и производительностью 1.266 тыс. рублей. На территории Петропавловского уезда в это же время функционировали 718 фабрик с годовой производительностью 1.393 тысячи рублей. В начале XX века в Петропавловске основались представители и филиалы иностранных (английских и американских) торгово-промышленных фирм [60, с. 67-68].

Промышленные производства северных уездов Казахстана, не представляли собой крупные заведения, и их численность регулярно менялась в зависимости от укрупнения или полного закрытия, а также находилась в прямой зависимости от урожая. Если в 1900 году городских предприятий Кустаная было 115, в 1910 году – 180, то в 1915 году – всего 83. Ведущим производством – было мукомольное, достаточное распространение также получили – овчинные, маслобойные и кирпичные заводы. Численность рабочих на этих предприятиях значительно менялась, большая часть работников – сезонные. Общее число их с начала XX века колебалось в пределах 250-500 человек. Казахское население активным образом занимались соляным промыслом. Электричество с начала XX столетия постепенно начинает использоваться в повседневной жизни [179, с. 3-4].

Многое в производстве зависело от оборудования, а оно в дореволюционный период использовалось в промышленной сфере в незначительном количестве. Так, в «Обзоре Акмолинской области за 1915 год» сообщалось: «Наиболее крупной отраслью в фабрично-заводской промышленности являются паровые мукомольные мельницы... Большинство предприятий находится в г. Омске и Омском уезде. Второе место в этом отношении занимает г. Петропавловск... В уездах же и в остальных городах фабрично-заводская промышленность развита очень слабо, что объясняется отсутствием удобных путей сообщения» [146, с. 30].

Важное место в хозяйственной жизни Северного Казахстана придавалось ярмаркам, крупнейшие из которых, проводились в уездных центрах. Успех ярмарочной торговли во многом зависел от места проведения. Торговые отношения усиливались по мере приближения к важным транспортным развязкам, к той же железной дороге, что приводило к усилению внутренней торговли и росту роли местных ярмарок [153, с. 34-37]. Для Павлодарского уезда это Рождественская, Никольская и Иоанно-Златоустовская ярмарки [67, с. 23]. Для Кустанайского уезда – Петровская и Покровская ярмарки [180, с. 2]. Ярмарочная торговля формировала ценовую политику в регионе, всецело завися от урожайности зерновых культур. Стоимость пшеницы определяла и среднюю стоимость скота, а также основных промышленных товаров [181, с. 3]. Количество ярмарок со временем увеличивалось. Так, в 1914 году в Кустанайском уезде их было уже 4. Об объемах торговли говорят цифровые показатели их финансовых оборотов, с 243 тысяч рублей в 1894 году до 2 миллионов 338 тысяч рублей в 1912 году [113, с. 9; 125, с. 40].

Развивалась и стационарная торговля – в Петропавловске к 1900 году насчитывалось 446 торговых заведений с оборотом в 4 миллиона рублей, в уезде - 166 заведений с оборотом в 393 тысячи рублей. Всего к 1900 году в Акмолинской области функционировало 60 ярмарок с оборотом в 18,5 млн. рублей. К 1914 году их число выросло до 200, а оборот стационарной торговли с 4,4 до 11,2 млн. рублей. Несмотря на увеличение ярмарочной торговли к 1914 году главное место уделяется уже стационарной торговле [60, с. 48].

Как уже отмечалось, с началом переселенческих процессов хозяйственный уклад местного населения претерпевает серьезные изменения. Приведем сравнительные данные о состоянии скотоводческого хозяйства у казахов Кустанайского уезда (таблица 4).

Таблица 4 - Количество скота у казахского населения Кустанайского уезда по данным за 1909-1914 год

Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Верблюды	Овцы и козы	Всего
1909	267732	241173	9902	370250	889057
1911	221117	216355	7051	321717	766240
1914	176141	176586	6006	283008	641741

Примечание - Составлено по данным: Обзор Тургайской области за 1909 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1910; Обзор Тургайской области за 1911 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1912. – 172 с.; Обзор Тургайской области за 1914 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Электро-Типография Тург. Обл. Правления, 1915. – 234 с.

Судя по данным таблицы 4, количество скота у местного населения значительно сокращается. Если первоначально резкое снижение можно было объяснить голодом 1911-1912 годов и усиленным забоем скота в целях улучшения питания, то в дальнейшем это объяснялось скорее сужением площади выпаса и изменившейся системой хозяйства. Перевод на оседлость казахского населения вызывал некоторые сомнения у части официальных российских бюрократов: «Точка же зрения правительства и ведомства землеустройства и земледелия на киргизский вопрос, - сообщается в газетных материалах за 1914 год, - в достаточной степени известна хотя бы по тем результатам «колониционной» политики, какие приходится наблюдать за последние годы. Русские засельщики, получив землю в бесплатное пользование, ровно ничего не платят за свой скот, тогда как с киргиз предполагается взимать в пользу казны определенный налог. Авторы предположений совершенно не считают с тем, что на вид хозяйства в степном крае влияет ряд причин, связанных естественно историческими, почвенными и климатическими условиями. Не только практикой и наукой установлено, что на расстоянии полосы диаметром в сто верст возможны различные хозяйства в зависимости от сельскохозяйственных условий или чисто скотоводческое или

земледельческое. Этому взгляда держались ранее даже местные администраторы...» [168, с. 2]. Сомнения официальных бюрократов не приостанавливали переселенческий процесс. Освоение подрайонов продолжалось поэтапно, главной задачей подрайонов являлось не только водворение поселенцев, а также межевание, отвод и исследование земельных ресурсов [62, с. 191-195].

О размерах посевных площадей и активизации земледельческого процесса в Северо-казахстанском регионе говорят данные о размерах посевных площадей по отдельным уездам (таблицу).

Таблица 5 - Размеры посевных площадей и валовой сбор урожая в Кустанайском и Тургайском уездах Тургайской области в 1880-1914 гг.

Годы	Кустанайский уезд			Тургайский уезд		
	Размер посева в тысячах десятин	Валовой сбор урожая в тыс. пудов	Средняя урожайность на 1 десятину	Размер посева в тысячах десятин	Валовой сбор урожая в тыс. пудов	Средняя урожайность на 1 десятину
1880-1884	24	412	17,17	1	104	104,00
1885-1889	55	1840	33,46	3	140	46,67
1890-1894	83	2192	26,41	5	212	42,40
1895-1899	98	3077	31,40	3	187	62,33
1900-1904	170	9178	53,99	3	146	48,67
1905-1909	278	9469	34,06	5	287	57,40
1910-1914	401	8884	22,16	5	165	33,00

Примечание - Составлено по данным: Хозяйственное развитие Киргизской Советской Социалистической Республики. Отчетный обзор Киргизского Экономического Сопещения за 1923 и 1924 гг. – Оренбург: 1-я Гос. типо-литог. Оренполиграфа, 1924. – С. 24-25.

Анализируя данные таблицы 5, следует отметить, что в Тургайском уезде посевные площади, практически не увеличивались, в связи со слабым характером распространения земледелия. Хозяйство немногочисленных переселенцев уезда носило смешанный характер. Отдаленность от рыночных центров (ближайший – г. Кустанай Кустанайского уезда – С.С.), заставляло не только местных жителей, но и русских крестьян заниматься коммерческим разведением скота не увеличивая площади распашки, поскольку «хлебные цены не окупают провоза» [317, с. 107-108]. В Кустанайском уезде посевные площади росли в геометрической прогрессии, увеличившись за тридцатилетний период практически в 20 раз.

В Петропавловском и Кокчетавском уездах к 1914 году действовало 12 крестьянских участков, 51 крестьянская и 27 казахских волостей. Одной из составных частей обоих уездов являлись 22 казачьи станицы, с прилегающими к ним поселками и хуторами [146, с. 41-47]. Управление крестьянскими участками организовывалось вне пределов самих участков. Так, первые три по нумерации участка Петропавловского и Кокчетавского уездов управлялись из

уездных центров. Населенность же самих волостей колебалась в пределах от 15.000 (Кривоозерная волость Кокчетавского уезда – 15.367) до 500 (Чистяковская волость Кокчетавского уезда – 537) человек, что свидетельствовало о неравномерности расселения как по волостям, так и по крестьянским участкам (таблица 6).

Таблица 6 - Население Кокчетавского и Петропавловского уездов по данным на 1 января 1914 года

№№ участков	Население		
	Казахское	Переселенческое	Казачье
Петропавловский уезд			
1	9311	9372	-
2	21344	26438	-
3	26286	21996	-
4	16650	19434	-
5	7406	12686	-
6	5774	25498	-
Казачьи поселения	-	-	48673
Всего по уезду	86771	115424	48673
Кокчетавский уезд			
1	16831	9035	-
2	16700	34048	-
3	18353	29261	-
4	6347	47062	-
5	12729	44202	-
6	22603	52897	-
Казачьи поселения	-	-	41716
Всего по уезду	93563	216505	41716
Всего населения в Петропавловском и Кокчетавском уездах	180334	331929	90389
Примечание - Составлено по данным: Памятная книжка Акмолинской области за 1915 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. – Омск: Областная Типография, 1915. – С. 41-47.			

Как видно из таблицы, население трех основных групп (казахи, переселенцы, казаки) Петропавловского и Кокчетавского уездов к 1914 году составило 602.652 человека. Переселенцы-крестьяне теперь становятся преобладающей по числу жителей категорией населения данных уездов. В Петропавловском уезде их численность составила 115.424 человека, а в Кокчетавском 216.505 человек. Вторым по количеству жителей было казахское население: 86.771 человек в Петропавловском уезде и 93.563 человека в Кокчетавском уезде. Казаков в пределах обоих уездов насчитывалось 90.389 человек. Лишь на территории третьего крестьянского участка

Петропавловского уезда и первого крестьянского участка Кокчетавского уезда казахское население преобладало численно над переселенческим.

Конец XIX – начало XX века оказали существенное влияние на изменение экономического и социально-политического развития Северо-казахстанского региона. В основе этих преобразований находилась переселенческая политика государства. Её проведение объяснялось аграрным перенаселением центральных районов страны. Вместе с этим шел процесс заселения малоосвоенных национальных окраин, с окончательным включением их в систему единого государства. Для реализации широкомасштабной миграционной политики потребовалось административное переустройство регионов страны, затронутых переселенческим процессом. Окончательное решение аграрного вопроса воспринималось как итог начатой в 1860-е годы модернизации страны. Для национальных окраин это создавало систему двойного административного контроля, как со стороны местных администраторов, так и переселенческих структур. Основу экономического развития Северного Казахстана теперь составляло сельское хозяйство земледельческого типа, связанное с переселенческим процессом и относительным сохранением традиционного скотоводческого уклада местным населением. Хозяйственная агитация земледелия становится главным инструментом миграционной политики. Началась активная пропаганда перехода к оседлости, окончательно менявшая систему традиционного хозяйства казахов. Несмотря на высокий потенциал трудового населения городов Северного Казахстана, они так и не стали крупными центрами промышленного развития и практически целиком зависели от аграрного сектора. Степень механизации в хозяйственной сфере Степного края: как в аграрном секторе, так и промышленности оставалась низкой. Следует отметить и тот факт, что особенности социально-политической системы и экономического развития Кустанайского, Петропавловского, Кокчетавского и Павлодарского, Акмолинского и Атбасарского уездов, во многом совпадают.

1.2 Динамика естественного и механического движения населения

Резкое изменение демографической ситуации в Североказахстанском регионе проявилось в конце XIX – начале XX веков. Оно было связано со сложностями неравномерного роста населения империи и особенностями проведения официальной политики. В период правления Александра III, в среде официальных политиков, всё чаще высказывались мнения о необходимости сближения «национальных окраин с коренной Россией». Этот процесс виделся в активной ассимиляционной политике. Видный российский государственный деятель Н.Х. Бунге к началу правления Николая II сформулировал эту идею в своих «Загробных заметках»: «Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечением в окраину коренного русского населения...» [323, с. 246]. Вскоре правительство нашло политическое и экономическое обоснование начала переселенческого процесса в Сибирь, Казахстан и Дальний Восток. Внутренняя колонизация должна была стать

средством развития частной инициативы, ликвидировать малоземелье и интенсифицировать хозяйственную деятельность крестьянства. Переселение обосновывалось также стремлением пропорционального распределения населения по всей империи, которое осуществлялось перемещением жителей из «густонаселённых» в «малонаселённые» части государства. Наконец, переселенческий процесс, ставил своей задачей русификацию национальных окраин с их окончательным закреплением в пределах страны.

Уровень рождаемости на рубеже XIX-XX веков был высоким как по всей Российской империи, так и на национальных окраинах. Несмотря на высокий уровень смертности, естественный прирост оставался высоким. К концу XIX века население империи росло на 1,5 миллиона в год. Обозначилась проблема аграрного перенаселения, в первую очередь в европейской России. В 1900 году избыточное деревенское население, по официальным данным, составило 23 миллиона человек, а к 1913 – уже 32 миллиона. Вместо того, чтобы регулировать вопросы рождаемости, снижать уровень смертности и улучшать социально-бытовые условия проживания и экономически стимулировать крестьян на местах, правительство пошло по пути крестьянской колонизации восточных окраин империи – Сибири, Казахстана и Дальнего Востока. В подтверждение целесообразности этой политики военный министр Алексей Куропаткин в 1900 году заявлял: «Необходимо помнить, что в 2000 году население России достигнет почти 400 мил[лионов]. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири, по крайней мере, для четвертой части этой цифры» [324, с. 63].

Крестьянская колонизация конца XIX – начала XX века носила массовый и стихийный характер и особенно усилилась с началом Столыпинской аграрной реформы. Главными центрами переселенческого движения стали уезды и области Степного края. Переселенческий процесс был как официальным, так и самовольным. Причинами начала массового движения крестьян в регионы Северного Казахстана становятся официальная пропаганда и слухи о «крестьянском рае» [134, с. 9]. Основная оседлая масса жителей как Семипалатинской, так и частей Акмолинской области была к 1880-м годам представлена в основном казачьими сословиями. Первым переселенческим населенным пунктом в Кокчетавской уезде Акмолинской области стало с. Явленское, основанное в 1879 году. В 1881 году казаков в Петропавловском, Кокчетавском, Акмолинском и Атбасарском уездах Акмолинской области и Семипалатинской области проживало 82.653 человека. В том же году крестьян-переселенцев в Кокчетавском уезде насчитывалось всего 2.715 человек [128, с. 2]. Однако, уже в 1883 году в Кокчетавском и Петропавловском уездах было водворено 7.800 крестьян [130, с. 2]. Казачья колонизация Степного края сменяется крестьянской колонизацией. К 1900 году в Акмолинской области уже насчитывалось 44 переселенческих села с 6.349 хозяйствами и 39.340 душами обоёго пола. В эти годы казахи Петропавловского и Кокчетавского уездов потеряли 1.544 тысячи десятин, изъятых под переселенческие участки [60, с. 46-47].

В городах проживала лишь незначительная часть всего населения Северо-казахстанского региона. Основная масса населения сосредоточилась в сельской местности. Для того, чтобы более точно оперировать демографическими показателями попытаемся выяснить приблизительный состав населения Северного Казахстана в конце XIX по данным по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. В Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года отсутствуют данные в разрезе волостей, но зная количество волостей, высчитав пропорционально процент населения по имеющимся волостям Атбасарского и Акмолинского уездов (85% для Атбасарского и 38 % для Акмолинского), мы с определенной долей погрешности можем высчитать совокупное население Северного Казахстана в конце XIX столетия [49, с. 46] (таблица 7).

Таблица 7 - Население Северного Казахстана по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года

Административно-территориальные единицы	Население	% к общему населению
Акмолинский уезд (8 из 21 волости)	70322	8,3
Атбасарский уезд (11 из 13 волостей).	73454	8,6
Кокчетавский уезд (с г. Кокчетавом и всеми волостями)	155461	18,3
Петропавловский уезд (с г. Петропавловском и всеми волостями)	155137	18,2
Павлодарский уезд (с г. Павлодаром и всеми волостями)	157487	18,5
Тургайский уезд (с г. Тургаем и всеми волостями)	86948	10,2
Кустанайский уезд (с г. Кустанаем и всеми волостями)	152556	17,9
Итого	851365	100
Примечание - Составлено по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXVII. Тургайская область. - СПб.: «Слово», 1904. – 150 с.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXI. Акмолинская область. - СПб.: «Слово», 1904. – 135 с.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXIV. Семипалатинская область. - СПб.: «Слово», 1905. – 148 с.; Азиатская Россия. Т.1. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – 578 с.		

Большинство населения сосредоточилось в наиболее северных частях региона: Павлодарском уезде – 157.487 человек (18,5%), Кокчетавском уезде – 155.461 человек (18,3%), Петропавловском уезде – 155.137 человек (18,2%), Кустанайском уезде – 152.556 человек (17,9%). В Тургайском уезде проживало 86.948 человек (10,2%). Поскольку мы учли не все население Акмолинского и Атбасарского уездов, а лишь те части, которые имеют отношение к современному Северному Казахстану, их показатели оказались наименьшими –

70.322 (8,3%) и 73.454 (8,6%) человека соответственно. По данным таблицы приблизительное население Северного Казахстана составило 851.365 человек. Именно эта цифра становится отправной точкой для анализа динамики роста населения Северо-казахстанского региона в конце XIX – первой четверти XX века.

Совокупное казахское население Казахстана по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи составило 3.430,9 тысяч человек от 4.147,8 тысяч человек всего наличного населения (80,7% общей численности) [69, с. 13]. Правительство в проведении переселенческой политики ссылалось на то, что регионы Северного Казахстана являются слабозаселёнными местностями. Так, в Тургайском уезде Тургайской области проживало 0,6 жителей на одну квадратную версту; в Кустанайском уезде Тургайской области – 2,4, в Атбасарском уезде Акмолинской области – 0,3; В Акмолинском уезде Акмолинской области – 1,7; Кокчетавском уезде Акмолинской области – 2,6; Петропавловском уезде Акмолинской области – 2,5; Павлодарском уезде Семипалатинской области – 1,7. В то время как плотность населения в Средней Азии составляла 2,5 жителя на одну квадратную версту, а данные показатели по всей империи равнялись 6,8 жителей на один квадратный километр [18, с. 86, 114-115]. Особенности кочевого хозяйства и образа жизни казахского населения не брались в расчёт.

Основная часть населения Северного Казахстана по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года проживала в сельской местности – 791.080 (93%). Совокупное городское население составило 60.285 человек (7%). Городов в Северо-казахстанском регионе было немного. Из их числа выделим Кустанай, Петропавловск, Кокчетав, Павлодар, Акмолинск. В настоящее время эти города являются административными центрами областей Северного Казахстана, а Акмолинск (Астана) – столицей государства. Кроме того, как поселения городского типа выделялись Атбасар и Тургай - города с немногочисленным населением. Каждый из этих населённых пунктов имел в конце XIX – начале XX века определённую специфику, связанную со временем образования и особенностями формирования их как городских центров.

Городское население Северного Казахстана было весьма переменчивым и немногочисленным в сравнении с другими регионами империи. Города Северного Казахстана появились и оформились в историческом контексте сравнительно недавно: Петропавловск в 1775 году, Кокчетав в 1824 году, Акмолинск – в 1830 году, Павлодар в 1861 году, а Кустанай – лишь в 1879 [18, с. 347]. Первые поселения городского типа рассматривались как опорные пункты на начальном этапе колонизации, более поздние создавались как центры переселения. Статус городов в целом был равным, и даже функции, выполняемые ими, были во многом сходны.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года городское население в Средней Азии числилось в размере 936.655 человек обоего пола, что составляло 12,1% от общего числа жителей. В Северном Казахстане жители городов и городских поселений составляли

абсолютное меньшинство по отношению ко всему населению. Тургайская область в год переписи имела наименьшие показатели – всего 4,3% городского населения от общего числа жителей (19.338 – городского, 433.785 – сельского) Акмолинская область - 11% городского населения (75.069 – городского, 603.888 - сельского). Кокчетавский уезд Акмолинской области отметился самыми малыми показателями – всего 3,2% городского населения (4.994 жителя Кокчетава), Петропавловский уезд Акмолинской области – 12,9% городского населения (20.014 жителей Петропавловска), Кустанайский уезд Тургайской области – 9,1% городского населения (14.065 жителей Кустаная) [11, с. 82-83, 89, 114-115]. Проанализируем процент городского населения в Кустанайском, Кокчетавском и Петропавловском уездах в конце XIX – начала XX века (таблица 8).

Таблица 8 – Процент городского населения уездов Северного Казахстана (1897-1911 гг.)

Год	Кустанайский уезд			Кокчетавский уезд			Петропавловский уезд		
	Число горожан	% городского населения по уезду	Всего жителей	Число горожан	% городского населения по уезду	Всего жителей	Число горожан	% городского населения по уезду	Всего жителей
1897	14065	9,1	154571	4994	3,2	155253	20014	12,9	154670
1898	Нет данных			4132	2,6	159323	21385	13,0	164497
1910	25220	8,3	302113	4774	1,5	315308	43248	14,6	296956
1911	27017	8,1	331953	4835	1,5	331359	43393	14,9	291602

Примечание - Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1898 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. – Омск: Тип. Акмол. Обл. Правления, 1900. – 117 с.; Обзор Акмолинской области за 1911 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. – Омск: Электро-тип. Акмол. Обл. Правления, 1912. – 140 с.; Обзор Тургайской области за 1911 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1912. – 172 с.; Азиатская Россия. Т.1. Люди и порядки за Уралом. – СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1914. – 578 с.; Россия. Энциклопедический словарь. / Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1898. – 918 с.

На основании данных таблицы следует отметить увеличение городского населения Петропавловска на период с 1897 по 1911 гг. более чем в два раза. Процент городского населения в Петропавловском уезде был наиболее высоким среди других уездов Северного Казахстана и имел постоянную тенденцию к увеличению – с 12,9% в 1897 году до 14,9% в 1911 году. Значительным оказывался рост населения г. Кустаная, что объяснялось его ролью транзитного центра массового переселенческого движения в край. Несмотря на увеличение числа жителей города, мы отмечаем процентное снижение городского населения по отношению к общему населению уезда – с 9,1% в 1897 году до 8,1% в 1911 году. Показатели населенности г. Кокчетава

оказались наименьшими. Кокчетавский уезд стал центром массового переселения в Степной край. Расселившись по всему уезду переселенцы не уделяли важного внимания городу, поскольку он находился вдалеке от транспортных развязок и не стал важным промышленным центром региона. В процентном отношении городское население составляло незначительное число жителей всего уезда, а его процент по отношению к общему числу населения значительно снижался – с 3,2% в 1897 году, до 1,5% в 1911 году.

Численность населения городов Северного Казахстана на рубеже XIX – XX столетий была крайне нестабильной. Одной из причин этому была стихийность крестьянского переселения: «Не успев обосноваться и зачислиться в переселенческие участки в области (Акмолинской – С.С.), - сообщается в издании «Киргизский край», - переселенцы под влиянием голода, перешли зимой из крестьянских и казачьих поселков, где они временно поселились, в города; в Омске насчитывалось до 6 тысяч переселенцев, в Петропавловске их скопилось 800, в Акмолинске и Атбасаре – около 600. С наступлением весны все они опять разошлись в разные стороны. Часть ушла в Алтайский округ и дальше в Сибирь, часть вернулась назад в Россию, но большинство опять разбрелось по области по разным станицам и поселкам» [10, с. 160].

Увеличение числа жителей г. Петропавловска на рубеже XIX – XX веков объясняется началом массового переселенческого процесса (См. Приложение А). Если в 1882 году число городских жителей составляло 11.825 человек, то в 1902 году – оно увеличилось в 2,5 раза – 29.654 человека. Население Петропавловска значительно выросло с момента строительства Транссиба и, следовательно, росло его значение как узловой станции. Одновременно с проведением дорог в Петропавловском уезде были обнаружены значительные запасы торфа, являвшегося удобным и недорогим топливом, что способствовало наплыву переселенцев [327]. Следующий резкий скачок в увеличении числа жителей Петропавловска приходится на начало столыпинской аграрной реформы. В 1907 году в городе проживало - 31.885 человек – а уже с 1909 года – более 43 тысяч. Поднимался статус города, росло его промышленное производство, что способствовало резкому увеличению его населения, особенно с началом Первой мировой войны. В этот период еще более выросла статусность города как экономического и мобилизационного центра, находящегося на важнейшем железнодорожном пути страны – Транссибирской магистрали. В 1915 году его население достигло 65.230 человек.

Более сложная и неоднозначная ситуация с изменениями в составе городского населения сложилась в Кокчетавском уезде (См. Приложение Б). Кокчетав с началом переселенческой политики рассматривался в качестве важного центра, куда должны были направляться значительные массы крестьян. Это должно было сказаться на росте его населения. Однако, получивший статус города в 1895 году, Кокчетав рос не слишком быстрыми темпами. Его население оставалось постоянным с некоторой тенденцией к уменьшению. Город в целом использовался лишь как перевалочная база, а переселенцев интересовали лишь земельные ресурсы и возможности ведения

сельского хозяйства в уезде. Резкий рост населения города пришелся на 1860-1880-е годы. Начиная с 1880-х годов число жителей г. Кокчетав колебалось, вплоть до начала Первой мировой войны, в пределах 4-5 тысяч. Это еще раз объясняет его особенности как транзитного центра. Несмотря на то, что через Кокчетав проходили значительные массы переселенцев, в городе оседала лишь незначительная его часть.

Ещё одним крупным городским поселением Акмолинской области являлся город Акмолинск (См. Приложение В). По темпам своего роста он был вполне схож с городами Северного Казахстана – Кустанаем, Кокчетавом. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в городе проживало 9.707 человек. Из них 5.105 лиц мужского пола, 4.602 – женского, в том числе 34 иностранца [101, с. 36-37]. Динамика роста его населения в конце XIX – начале XX века была не слишком высока. Незначительное увеличение населения Акмолинска начинается с конца XIX века. Этому способствовало начало массового переселенческого движения. В период с 1902 по 1914 год население города увеличилось в два раза. Однако в сравнении с тем же Петропавловском данные цифры не выглядят впечатляюще. Связано это было с тем, что город находился на значительном расстоянии от транспортных развязок, что не способствовало его развитию как торгового и промышленного центра.

Кустанай в то время стал одним из центров официальных и самовольных переселений в Степном крае. Его, как и другие города Северного Казахстана, переселенцы активно использовали как транзитный центр [13, с. 209]. Для более полного представления динамики населения города прибегнем к данным о его населении с 1884 по 1914 год (См. Приложение Г). Город, стремительно росший в 1880-е годы, всё чаще сравнивали с американскими аналогами, называя не иначе как «Русским Чикаго» [267, с. 544-547], впрочем, таким же образом именовались в этот же период и другие быстрыми темпами развивающиеся города Западной Сибири и Степного края - Омск, Петропавловск, Троицк. Челябинск называли «Зауральским Чикаго» за многократный рост численности населения и промышленного потенциала [73, с. 134]. Но нужно отметить, что стремительное развитие города Кустаная на первом этапе сменилось временным упадком. Это объясняется, как и в случае с Акмолинском, удаленностью от транспортных развязок. Ещё одной из причин кризиса следует назвать ограничение притока переселенцев. Дело в том, что Тургайская область с 1884 по 1896 гг. считалась закрытой для переселения. Режим запрета действовал практически до начала XX века. Это непосредственным образом сказывалось на численности населения города. Правда, по мнению, исследователя А.А. Кауфмана, запреты мало отражались на притоке переселенцев-самовольцев, но те предпочитали находиться вдалеке от административных властей, расселяясь в пределах уезда и переходя в другие области [9, с. 6-12]. Особенно значительно население города снижается в 1893 году и составляет 13.267 человек. Получается, что лишь за один год оно снизилось более чем на 8 тысяч. Однако при более внимательном изучении «Обзоров Тургайской области» за 1893-1895 гг. выясняется, что категория

крестьянства вообще выпадает из социального состава городского населения и её заменяет значительно выросшая (по цифрам) категория мещан [111-112]. Возможно, пригородные крестьяне в этот момент либо были не учтены полностью, либо разбрелись в пределах уезда и области. Вероятно, новый «более тщательный» подход в переписи населения связан был с изменением статуса поселения. С 1 октября 1893 года он официально становится городом с наименованием Николаевск (старое и нынешнее название будет возвращено в феврале 1895 года) [62, с. 139]. Действительно, до 1893 года в «Обзорах Тургайской области» население города указывалось вместе «с арендаторскими поселками». В связи с этим, имея данные по населению арендаторских поселков за 1891 год – 7.755 человек [263, л. 90], и зная общее переселенческое население Кустаная – 24.198 человек [105, с. 8], мы можем более точно предположить население города и пригородных поселков (Затобольского и Константиновича – С.С.) – 16.443 человека. Эта цифра вполне сопоставима с другими данными 1890-х годов и объясняет столь резкие перепады в городском населении уезда. Стабильность и постепенный рост населения Кустаная начинает довольно четко просматриваться с начала XX века, а в период с 1903 по 1914 года колеблется в пределах 20.000-28.000 жителей.

Увеличивалось население и других городов Северного Казахстана. Так, согласно сведениям Н. Коншина, население Павлодара «...равнялось в 1889 году 4831 д. об. п., в 1899 году 7 623, т. е. за десять лет увеличилось в 1 ½ раза. Увеличение падает, главным образом, на две группы: мещан и крестьян и объясняется приливом в город не местных жителей, а переселенцев из Европейской России, особенно после неурожайного 1891 года» [157, с. 130]. И хотя темпы роста Павлодара в последующем несколько уменьшились, общая тенденция к увеличению населения была налицо. В 1897 году, согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, Павлодар насчитывал 7.738 человек. В 1906 году число жителей города снизилось до 6.184 человек [147], а в 1910 году его население составило 9.549 человек [148]. К наименее населённым городам Северного Казахстана относились Атбасар и Тургай. Население Атбасара в конце XIX – первом десятилетии XX века держалось на уровне 3.000 тысяч человек, Тургай на уровне 1.000-1.500 тысяч человек [11, с. 351] (См. Приложение Д и Ж).

Население североказахстанских городов в конце XIX - первой четверти XX века в подавляющем большинстве было русскоязычным. В уездах наиболее крупные этнические группы долго жило компактно. Кроме казахского населения, в пределах уездов компактно селились в основном немцы, реже татары, украинцы, мордва. Выделение национальностей по переписи 1897 года производилось по вероисповеданию и родному языку. В связи с чем, данные могли носить условный характер. Так, в соответствии, с подобными сведениями на казахском (как родном языке) разговаривало 460 человек жителей г. Кустаная. Получается, что казахская диаспора составляла значительную часть городского населения. Однако, это не подтверждается последующими материалами, как статистических сборников, так и «Обзоров

Тургайской области», утверждавших, допустим, что в 1899 году в городе проживало 134 представителя коренного населения [116].

В сельской местности воздействие механического движения населения ощущалось в полной мере. Несмотря на административные запреты, массы «самовольных» крестьян-переселенцев активно заселяли районы Северного Казахстана. Значительная часть крестьян оседала, другая – использовала попутные населенные пункты как транзитные временные центры. В «обзорах» Акмолинской области конца XIX века сообщалось о том, что во всех уездах, в городах Петропавловске, Кокчетаве, Атбасаре, в казачьих станицах и поселках зимовали тысячи крестьян-переселенцев, большинство из которых составляли самовольцы [135, с. 10]. По статистическим данным в 1909 году на землях Акмолинской области находилось до 56,5 тысяч человек самовольных переселенцев [141, с. 11]. Переселенческий наплыв достигает своего апогея к 1910 году. В этом году только не приписанных к месту крестьян в Петропавловском уезде было отмечено 17.065 человек, в Кокчетавском уезде – 20.832 человека, в Атбасарском уезде – 6.482 человека и в Акмолинском уезде 7.542 человека. К их же числу были отнесены 4.001 человека, принимавших участие в Русско-японской войне 1904-1905 годов. Крестьяне стремились селиться ближе к транспортным путям и Транссибирской магистрали (Кокчетавский и Петропавловский уезды). Как отмечалось в статистических материалах Акмолинской области, половина всех выделенных земельных участков оказывалась неиспользованной. Под различными предлогами крестьяне отказывались селиться в Акмолинском и Атбасарском уездах, следствием чего являлось либо их возвращение на родину, либо селение на старожильческих участках, что меняло основные диспропорции всего переселенческого процесса [142, с. 17-18, 20]. Наиболее населёнными крестьянами оказывались Кокчетавский, Петропавловский уезды Акмолинской области, Кустанайский уезд Тургайской области и Павлодарский уезд Семипалатинской области.

Основной поток переселенцев шёл через Транссибирскую магистраль. Только через Челябинский переселенческий пункт ежегодно проходило от 500 до 700 тысяч переселенцев в Сибирь и Казахстан, от 300 до 500 тысяч возвращались обратно [73, с. 131]. Данные о численности реально водворявшихся в Северный Казахстан переселенцев не могут быть точно определены, поскольку крестьяне прибывали в области Степного края и через другие населённые пункты. Допустим, для Тургайской области переселенческие потоки шли «...не только с Челябинска на Троицк, но также со станции Миасса на Троицк, со станции Шумиха на станицу Усть-Уйскую и отчасти через г. Орск» [310, л. 20об]. Самовольные переселенцы, незаконно арендуя земельные участки у казахского населения, собрав урожай, отправлялись в другие уезды и области Степного края в поисках новых плодородных земель.

Среднегодовое число переселенцев в Акмолинской области в 1901-1905 гг. составило 7.675 человек, в 1906-1909 гг. – 80.761, в 1910-1914 гг. – 33.943 человека [60, с. 48]. В 1911 году число переселенцев в Степном крае становится

меньше, что было связано с сокращением их движения из Европейской России, и переходом временно-проживающих переселенцев в другие регионы (открытие ходачества на Дальний Восток – С.С.). Число водворённых переселенцев, согласно «обзорам», сократилось в 1913 году на 6.772 человека [145, с. 11], а в 1915 году переселенческий процесс и вовсе пошёл на убыль, сменившись, в связи с началом Первой мировой войны, проблемой беженцев. В 1915 году в Петропавловском уезде таковых было зарегистрировано 3.067 человек, в Кокчетавском уезде – 758 человек [146, с. 10-17]. Судя по всему, весь Северный Казахстан столкнулся с указанной проблемой, что сказалось на особенностях формирования его населения [197].

Проведём анализ влияния переселенческого движения на рост численности населения Северного Казахстана по уездам. В Кустанайском уезде переселенческое население начинает доминировать с 1911 года (См. Приложение И). Соотношение «оседлое-кочевое» начинает изменяться уже концу XIX века, когда в соответствии с новой системой управления создаются крестьянские участки внутри казахских волостей. За 8 лет с 1891 по 1899 год число переселенцев увеличилось на одну треть, что свидетельствовало о начале активного механического движения населения. В период с 1904 по 1914 год число переселенцев увеличивается уже в 2,5 раза. Казахское население пополнялось в основном естественным путем, резко уменьшался его удельный вес. Если в 1891 году казахи в Кустанайском уезде составляли 82% от общего числа, то в 1914 году этот процент сократился до 43%.

Тургайский уезд практически не был задействован в активном переселенческом процессе. Для ведения земледельческого хозяйства подходили, по данным переселенческой организации Тургайско-Уральского района, лишь северные части уезда [328]. Казахское население с традиционным скотоводческим хозяйственным укладом составляло абсолютное число жителей Тургайского уезда на рубеже XIX – XX веков (См. Приложение К). Переселенческий процесс практически не сказался на этническом составе населения уезда. В 1914 году казахи составляли 98% от общего числа населения. Незначительный наплыв переселенцев ощущался лишь в первых годах XX века. Переселенцы Тургайского уезда сосредоточились в уездном центре и немногочисленных посёлках, расположенных внутри казахских волостей. Одним из таковых стал посёлок Чолаксай, расположенный во 2-й Наурзумской волости. По данным 1908 года он состоял из 93 дворов. Жители посёлка – крестьяне-переселенцы Ставропольской губернии, первоначально поселившиеся в Чимкенте Сырдарьинской губернии. Крестьяне, занимавшиеся на родине скотоводством, на новых местах переквалифицировались в земледельцев [317, с. 103].

Если население Тургайского уезда, избежав массового переселенческого наплыва, увеличивалось в основном за счёт естественного прироста, то в большинстве других уездов Северного Казахстана число жителей многократно росло за счёт активно мигрирующего населения. Для выяснения масштабов механического прироста населения Северо-казахстанского региона, обратимся к динамике естественного воспроизводства населения в период на рубеже XIX

– XX веков. Определимся насколько естественное движение населения могло повлиять на возможности резкого увеличения населения Северо-казахстанского региона (таблица 9).

Таблица 9 - Динамика естественного движения и численности населения Кустанайского уезда (с г. Кустанаем) в 1899-1914 гг.

Год	Родилось	Умерло	Прирост	Коэффициент естественного прироста населения, в промилле	Кочевое население	Оседлое население	Всего населения
1899	6587	4065	+2522	16,77	115096	35286	150382
1904	10056	6225	+3831	16,95	121979	104036	226015
1908	13492	10164	+3328	12,37	134951	133952	268903
1909	12580	10343	+2237	7,80	137377	149391	286768
1910	14525	10085	+4440	14,70	139121	162992	302113
1911	17216	11349	+5867	17,67	143115	188838	331953
1912	22604	8931	+13673	37,79	148958	212823	361781
1913	18063	11509	+6554	17,68	151203	219447	370650
1914	19749	13645	+6104	16,25	153126	222456	375582

Примечание - Составлено по данным: Обзор Тургайской области за 1899 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1901; Обзор Тургайской области за 1904 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1905; Обзор Тургайской области за 1911 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1912. – 172 с.; Обзор Тургайской области за 1912 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1913. – 225 с.; Обзор Тургайской области за 1914 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Электро-Типография Тург. Обл. Правления, 1915. – 234 с.

Анализ таблицы характеризует основные факторы роста численности населения Кустанайского уезда. Если брать в расчет только показатели естественного прироста населения при его стабильной динамике, население уезда гипотетически могло бы вырасти с 1899 по 1914 год со 150 тысяч до 220 тысяч человек. На деле же число населения в 1914 году составило 375.582 человека. Получается, что в результате механического движения прирост населения составил за указанный 15-летний период в Кустанайском уезде не менее 175.000 человек. Показатели естественного прироста населения были невысоки. Обращает на себя внимание нестабильность этого показателя: от 7,8 промилле в 1909 году, до 37,37 промилле в 1912 году. Последние данные мы можем объяснить влиянием естественного прироста мигрантов на увеличение общих показателей. Наиболее активными процессы как естественного, так и механического прироста пришлось на 1912 год, после чего миграция идет на убыль. За период с 1899 по 1914 год переселенческое население увеличилось в уезде более чем в 6 раз. Казахское население за тот же период увеличилось в

1,3 раза. Получается, что, даже с учётом маятниковых миграций, оно увеличивалось только за счёт естественного прироста. В этот период отмечается высокая рождаемость казахского населения, при более низком, чем у оседлого населения показателе смертности. С учётом всех указанных данных, мы приходим к выводу о том, что в основном рост населения Кустанайского уезда шёл за счёт активной миграции населения из регионов Европейской России.

В период с 1908 по 1911 год, в Кустанайском уезде ощущался безусловный пик переселенческого движения. При достаточном количестве возвращающихся и переходящих в другие регионы Степного края и Сибири, только в Кустанайском уезде в этот период осело не менее 85.000 переселенцев, что при высокой рождаемости существенным образом изменило его демографическую картину. Обратим внимание и на то, что в 1913-1914 гг. рост «пришлого населения» приостанавливается, что может увязываться и с экономическими сложностями в аграрном секторе, ориентирующемся на экстенсивность ведения хозяйства. Кроме того, уезд незадолго до этого пережил засушливый период и голод. В сводках и статистических данных этого времени указывалось значительное количество возвращающихся на родину: «С января по 1 апреля (1914 года – С.С.) перевезено по Троицк-Кустанайской дороге переселенцев около 6000 чел., обратно вернулось переселенцев около 700 ч.» [190, с. 3]. В отличие от Кустанайского уезда, в Тургайском уезде процессы переселения не были столь значительными (таблица 10).

Таблица 10 - Динамика естественного движения и численности населения Тургайского уезда (с г. Тургаем) в 1895-1914 гг.

Год	Родилось	Умерло	Прирост	Коэффициент естественного прироста населения, в промилле	Всего населения
1	2	3	4	5	6
1895	2394	1153	+1241	15,99	77613
1899	2795	1533	+1262	14,33	88092
1904	2068	1218	+850	9,87	86111
1908	2779	1290	+1489	15,61	95389 (без г. Тургая)
1909	3117	1682	+1435	14,87	96477 (без г. Тургая)
1910	3081	1949	+1132	11,27	100452 (без г. Тургая)

Продолжение таблицы 10

1	2	3	4	5	6
1911	3142	1797	+1345	13,02	103270
1912	4072	1926	+2146	20,57	104312
1913	3003	2333	+670	6,32	106070
1914	3897	1890	+2007	18,48	108584

Примечание - Составлено по данным: Обзор Тургайской области за 1895 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1896; Обзор Тургайской области за 1899 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1901; Обзор Тургайской области за 1904 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1905; Обзор Тургайской области за 1908 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1909; Обзор Тургайской области за 1909 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1910; Обзор Тургайской области за 1910 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1911; Обзор Тургайской области за 1911 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1912. – 172 с.; Обзор Тургайской области за 1912 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Типография Тург. Обл. Правления, 1913. – 225 с.; Обзор Тургайской области за 1913 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Электро-Типография Тург. Обл. Правления, 1914. – 204 с.; Обзор Тургайской области за 1914 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Электро-Типография Тург. Обл. Правления, 1915. – 234 с.

На основании данных таблицы мы можем утверждать, что население Тургайского уезда росло в основном за счёт естественного прироста населения. К такому выводу мы приходим в результате реконструкции сведений о населении и естественном приросте по неполным годовым данным. Число жителей Тургайского уезда, исходя из этих подсчетов, могло вырасти на 25 тысяч и достигнуть 102-103 тысяч человек.

Официально население уезда в 1914 году выросло до 108.584 жителей. Соответственно, в результате переселения в пределы уезда мигрировало не более 6 тысяч человек. Отмечается нестабильность коэффициента естественного прироста населения – от 6,32 до 20,57 промилле. Увеличивались и абсолютные цифры по всем показателям. Значительно из года в год росли показатели рождаемости при росте уровня смертности.

Начавшийся переселенческий процесс первоначально не сказывался на общем уровне роста населения Акмолинской области. Кочевое и оседлое население Северо-казахстанского региона в 1870-1880-е в основном увеличивалось за счёт естественного прироста, который был не слишком высок. Так, в 1881 году средний коэффициент естественного прироста населения в области составлял 2,5 промилле. В Петропавловском уезде в 1883 году этот коэффициент имел даже отрицательные показатели. В дальнейшем эти показатели будут только расти (Приложение М, Н, П, Р, Рисунок 1).

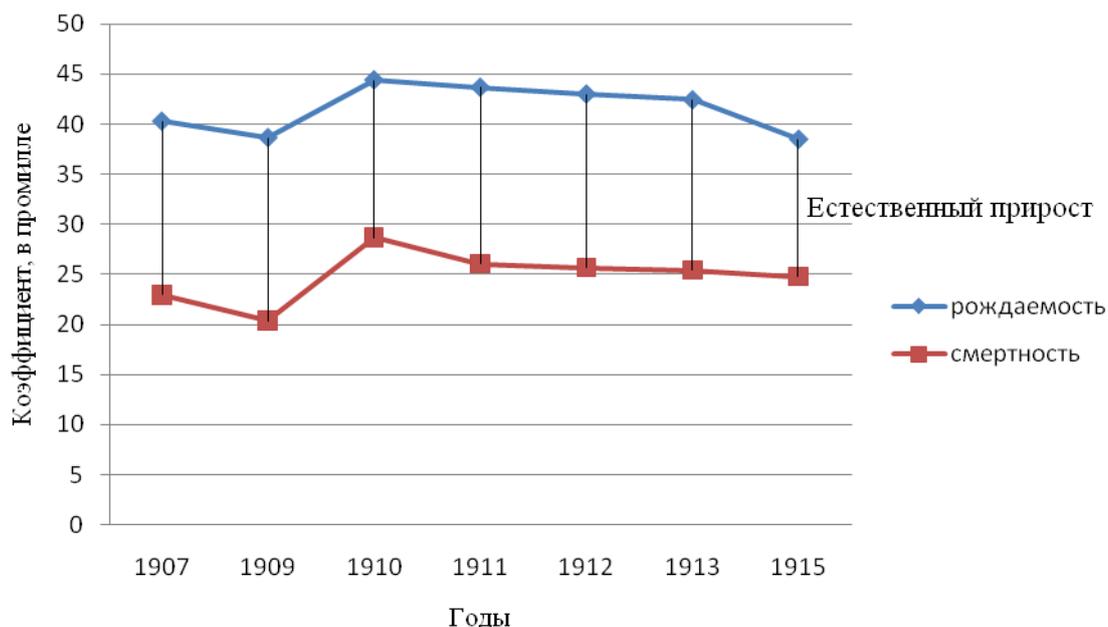

Рисунок 1 – Диаграмма. Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения уездов Акмолинской области (Акмолинского, Атбасарского, Кокчетавского и Петропавловского) в 1907-1915 гг.

Примечание – Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1907 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. – 100 с.; Обзор Акмолинской области за 1909 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1910. – 82 с.; Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1911. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1911 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1912. – 142 с.; Обзор Акмолинской области за 1912 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1913. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1914. – 140 с.; Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1917. – 142 с.

Как видно из диаграммы, несмотря на нестабильные показатели уровня смертности и рождаемости, отмечен стабильный естественный прирост населения в период с 1907 по 1913 год. Снижение уровня рождаемости и естественного прироста в 1913 году объясняется следствием начала Первой мировой войны, когда произошёл отток мужского населения на фронт. В 1907 году коэффициент естественного прироста населения Акмолинской области составил 17,3 промилле. Снижение уровня смертности и рождаемости придется на 1909 год, что скажется на увеличении коэффициента естественного прироста до 18,26 промилле.

Население уездов Акмолинской области росло стремительно, что не может объясняться только процессами естественного воспроизводства (См. Приложение Л). Совокупное население всех уездов (кроме Омского – С.С.) Акмолинской области, за период с 1882 по 1915 год, увеличилось с 383.949 до

1.109.039 человек. Своего максимума народонаселение области достигло в 1912 году – 1.119.143 человек. Процессы активной миграции приостанавливаются. Однако, в Северо-казахстанском регионе к этому времени уже преобладало «пришломое» население. Согласимся с мнением великого казахстанского ученого М.К. Козыбаева, утверждавшего, что из общего числа переселенцев, прибывших в Степной край в 1897-1914 гг., более всего – 721.091 человек, осела в Акмолинской области.

Стихийность и массовость переселенческого процесса сразу породила целый ряд социально-демографических проблем. Допустим, данные обзоров Тургайской области начала XX века регулярно указывали на больший процент смертности у «оседлого» - переселенческого населения по сравнению с «кочевым» - казахским, что объясняется «...во-первых плохими урожаями и антисанитарными условиями жизни новосёлов» [124, с. 15; 125, с. 15; 127, с. 6-7]. Причинами высокой смертности были как естественные факторы, так и низкий уровень здравоохранения. Сложным оказывалось и медицинское состояние Северо-казахстанского региона, вспышки эпидемий следовали одна за другой, унося десятки, сотни, а то и тысячи жизней. Медицина в Степном крае в конце XIX века имела отношение к военному министерству и министерству внутренних дел. По данным медицинского отчета по Николаевскому уезду Тургайской области на 1886 год «...медицинской частью всего уезда и поселения, состоящих почти из 112.000 душ, заведует один уездный врач и при нём состоит один только фельдшер, так что при разъездах по судебнo-медицинским делам по уезду поселение остаётся без всякой медицинской помощи, тем более при длительных расстояниях уезда приходится часто отлучаться на довольно продолжительное время» [274, лл. 29-31об]. В связи с этим строгого учета больных не велось.

Гражданские больницы на тот момент отсутствовали, а вместо них действовали военные лазареты и амбулатории с приёмными покоями. Положение кочевого населения выглядело в медицинском отношении ужасающим: «...большинство областного простонародья, в особенности киргизы, - сообщает в «Обзоре Тургайской области за 1894 год», - в случаях заболеваний к медицинской помощи или вовсе не обращаются, или обращаются к народным лекарям (даргерам) и невежественным муллам» [113, с. 49-54]. Кочевое население в большой степени страдало от эпидемии оспы – до трети всех больных умирало. Выход в борьбе с этой болезнью виделся в активном оспопрививании, которое проводилось в периоды наибольшей эпидемиологической опасности. В качестве вакцины использовался детрит, получаемый от ветеринарных врачей Центральной России [147, с. 101].

С началом столыпинской аграрной реформы медицинская организация, разделенная на участковую, содержащуюся на земские средства казахского населения и переселенческую, финансируемую из переселенческого управления. За счёт этого вырастает число лечебных учреждений. Их увеличение лишь снижало сложную эпидемиологическую ситуацию в крае. В «Отчётах о народном здравии» в переселенческих районах, указывается на высокую смертность детского населения от различных эпидемий: дифтерита,

коклюша и кори. Среди взрослых наблюдались заболевания азиатской холерой, причем, в необычное время для данной болезни – в октябре и даже в конце ноября - в очень тяжелой форме. По меньшей мере, каждый второй заболевший, а таковых были десятки, умирал. Расстояния между врачебными пунктами достигали от 10 до 150 вёрст «...таким образом не все больные доходили до больницы или фельдшерского пункта» [94]. Кроме холеры значительная доля населения Северо-казахстанского региона страдала от тифа, оспы, цинги, дифтерита, чумы. Население зачастую обращалось к помощи местных знахарей, прибегавших к самым разнообразным способам лечения, зачастую приводившим к летальному исходу [278, л. 43об]. Показатели детской смертности были высокими как на региональном уровне, так и в целом по Казахстану. 43% детей умирало в возрасте до 5 лет. А средняя продолжительность жизни не превышала 27,5-30 лет [69, с. 14].

Причины начала эпидемий были разнообразные: слабый уровень медицинского персонала, антисанитарные условия проживания, плохое питание. Об уровне медицинских работников в аналитических материалах сообщалось следующее: «Личный состав врачебного персонала вербуется главным образом из лиц, только что окончивших медицинские факультеты и представляет элемент вообще мало подготовленный к ответственной работе участкового врача, которая ... осложняется очень тяжёлыми условиями жизни, вследствие полной невозможности общения с соседним участковым врачом и необорудованности лечебниц. Кроме того в переселенческих врачебных участках необходимо отметить частую смену личного состава врачей. Частые перемены участковых врачей отзываются очень неблагоприятно на деле» [127, с. 69]. Врачей и врачебного персонала катастрофически не хватало. Допустим, на всю Семипалатинскую область в 1906 году приходилось 10 врачей, Тургайскую область - 13 врачей, при постоянных незанятых вакансиях [310, л. 27]. Нехватка медицинского персонала объяснялась нежеланием молодых специалистов отправляться в «...далёкую окраину» [147, с. 96]. Если в переселенческих участках медицинская служба была поставлена относительно удовлетворительно, то в земских – обслуживающих казахское население - уровень медицинских работников оставлял желать лучшего. Среди профессиональных врачей представители казахского населения встречались крайне редко. Казах Мухамеджан Карабаевич Карабаев, окончив Казанский университет, сразу получил должность кустанайского городского врача и принимал участие в ликвидации эпидемий натуральной оспы, холеры в Тургайской области в начале 1890-х годов [325].

Плохие санитарные условия становились главной причиной массовых эпидемий. Борьба с антисанитарной торговлей продуктами питания велась как на областном, так и уездном и городском уровнях. В проверках участвовали врачи, полиция, понятые. Особое внимание уделялось торговле в праздничные дни. Однако, в Семипалатинской области по данным 1906 года «...случаев обнаружения испорченных продуктов обнаружено не было» [147, с. 101]. Эти показатели выглядят сомнительными, поскольку санитарная обстановка в большинстве городов и поселений Северного Казахстана выглядела

удручающе. Как сообщала в 1914 году газета «Кустанайское степное хозяйство» «...санитарное состояние города ужасно: город утопает в навозе, никто не следит за доброкачеством продаваемых на рынке съестных продуктов» [187, с. 3].

Последующие годы лишь ухудшали общую ситуацию в здравоохранении. Положение ухудшилось с началом Первой мировой войны, когда часть врачебного персонала оказалась мобилизованной на фронт. Кроме того, на уровень здоровья влияли условия проживания, питание населения. Обратимся к анализу пищевого рациона переселенческого населения, так как именно оно определяло новый уклад жизни всего региона заселения в начале XX века, в том числе Западной Сибири и Северного Казахстана. Питание переселенцев Западной Сибири, как утверждают исследователи проблемы, было несколько лучше чем у их собратьев из Северного Казахстана, а те в свою очередь питались, по крайней мере не хуже, чем жители Центральной России. Питание во многом зависело от уровня состоятельности крестьянина-переселенца. Повсеместно употреблялся в пищу хлеб и его видоизменения, картофель, по праздникам - мясо и чай. В повседневной жизни – различные смеси-суррогаты. Все с прицелом на возможный не урожай и лишения. Дети после непродолжительного кормления грудью и кислым молоком из рожка, ели пищу взрослых [326, с. 30-31].

В особенно голодные годы, допустим в 1912 году, население региона получало по планам правительства особую помощь: выдача пищи по умеренным ценам для крестьян, бесплатные общественные столовые для местного кочевого населения [62, с. 211, 252], действовали санитарные отряды Красного Креста, а правительство занималось «обсеменением голодающих» [188, с. 1].

Продовольственный кризис стал особо ощущаться с началом Мировой войны, и особенно в преддверии Февральской революции. Об этом регулярно сообщали официальные и общественные издания того периода. Так, газета «Степная речь», издаваемая в г. Петропавловске, в одной из заметок от 25 января 1917 года сообщала следующее: «Приближается весна. Население деревни с ужасом смотрит на будущее. Ишимская организация по закупке хлеба для армии производит закупку с таким расчетом, «чтобы у имеющих запасы хлеба домохозяев оставался минимум потребного зерна, примерно по 10 пуд. на высеив на десятину, принимая в расчет прошлогодний засев и по 30 пуд. зерна для прокормления – на едока. Это оставляется тем, у кого излишки хлеба, а у кого не достаёт хлеба до нормы, или у кого его совсем нет, - для тех не оставляется ничего. ... Таким образом, в связи с успешной закупкой хлеба для нужд армии, часть населения остаётся совершенно без хлеба... На почве такой ненормальности уже возникает сильное недовольство населения...» [194].

Питание казахского населения в конце XIX – начале XX века ещё носило традиционный характер, но с началом миграции переселенцев в степь начинает меняться. Вот как описывается, современными краеведами пищевой рацион местного населения: «Обыкновенною пищей состоятельных было мясо, а

бедных – коже. Самым лакомым кушаньем был жент (смесь сыра, топленого масла, кишмиша и меда – С.С.)... В летнее время питались кумысом, а бедные айраном. Мясо употребляли не каждый день. В дальнюю дорогу, на которой нет аулов, брали в запас только курт и торсук. Одного пуда курта в пути было достаточно для одного человека на месяц. Из фунта курта делалось до пяти чашек питательного бульона. Из растительных продуктов в пищу шли: разнообразные виды дикого лука и чеснока, агач-чие (вишня), жидек (клубника), койбульдирген (костянка), корневища камыша, солодки, кислятка, ствол и почки балдыргана и т.д.» [56, с. 84-85].

Исследователь переселенческого процесса В. Остафьев заявлял, что для нормального питания казахской традиционной семьи из 5 человек требуется 15-20 голов скота (в переводе на крупный рогатый – С.С.). Он же отмечал: «Предмет потребления киргиза – хлеб, молоко, мясо... В летние месяцы муки на баурсаки требуется 15 пудов, считая по 3 пуда в месяц, зимою хлеба потребляется вдвое больше. На семь месяцев нужно не менее 42 пудов, т.е. на год 57 пудов, всего на сумму 28 р. 50 к. В летнее время более потребляется кумыс..., зимой – молоко коровье. Рассчитывая, что на каждый летний день необходимо ведро лошадиного молока и полведра коровьего, в зимний 1 ½ ведра коровьего, будем иметь, что для прокормления семьи в течение года необходимо 150 ведер лошадиного и 390 ведер коровьего» [6, 40-41]. В новых хозяйственных и административных условиях кочевое население стремительно лишалось поголовья скота, а у крестьян «...стал наблюдаться прирост скота т.к. переселенцы, оседая на новых местах, приводили часть скота с собою из внутренних губерний России...» [189, с. 2]. При соприкосновении с переселенческим населением и изменением хозяйственного уклада меняется питание местного населения, причем, радикальным образом. «В жизни казахского населения, - сообщает учёный-краевед Я.К. Духин, - в связи с приходом крестьянина-переселенца происходит ряд изменений в быту. Качественным образом меняется его пищевой рацион. Так, значительно увеличилось употребление растительной пищи (хлеба, круп, овощей – С.С.) и как это ни странно, потребление мясной пищи» [62, с. 165].

Местная периодическая печать начала XX века буквально пестрила случаями смертей, связанных с жестокими убийствами с целью наживы [166, с. 2], либо неосторожным обращением с оружием [167, с. 3], случайных смертей и самоубийств. Эти случаи лишь косвенным образом влияли на общую демографическую ситуацию в Северо-казахстанском регионе, но нам хотелось бы обратиться к возможным причинам подобных явлений.

Особой проблемой среди переселенческого населения становилось пьянство. В 1914 году Николай II ввел частичный «сухой» закон, значительно сокращавший долю приёма алкоголя. И это было не случайно. Несмотря на то, что Европа пила в тот период в разы больше, алкоголизм в Российской империи стал для мужчин фактором преждевременной смерти, источники отмечают немало случаев, связанных с этим пороком. Так, корреспондент газеты «Кустанайское степное хозяйство» сообщал о смерти жителя поселка Семиозерного Кустанайского уезда от злоупотребления алкоголем:

«...Магарыч пили и один крестьянин Яков Горохов, вероятно лишнего выпил и, идя домой, сбился с улицы и попал к соседу в огород, где утром и был найден мёртвым. При дознании причину смерти тщательно скрыли, чтобы не доводить до сведения властей и чтобы последними не было принято против пьянства каких либо мер» [182, с. 3]. К борьбе с пьянством подключались и священнослужители, и государство, и общественность: «В электро-театре «Фуррор» на минувшей неделе (Кустанай, 24-30 марта 1914 года – С.С.) демонстрировалась картина «Пьянство и его последствия». Несмотря на отсутствие лекторов, картина эта производит на зрителя сильное впечатление» [183, с. 3]. Создавались специальные кооперативы, принимающие «...общественные приговоры о закрытии винных и пивных лавок» [184, с. 2]. В деревенской местности создавались Общества трезвости, вводились запреты на продажу спиртных напитков в вечернее и ночное время [185, с. 3].

Не всегда подобная «пропаганда» действовала, в отдельных случаях обходилось административными мерами и привлечением к ответственности «...не за выпивку, а за самоуправство» [186, с. 3]. В сводках отмечается большое количество убийств на этой почве, изнасилований, поножовщины и т.д. По этим показателям в предвоенное время Кустанайский уезд решительно лидировал среди всех уездов Тургайской области [127, с. 75-76].

По данным «обзоров» среднее потребление алкоголя в Степном крае составляло порядка 5 литров в год на душу населения (в среднем по России этот показатель был несколько ниже – С.С.) [124, с. 69; 127, с. 59]. Мы не абсолютизируем эти факты как главную причину роста уровня смертности. Отмечается общая тенденция. В настоящее время, по сведениям официальной медицины, алкоголь прямым образом, влияет на репродуктивную функцию населения, уровень смертности и многие другие показатели демографического состояния. Об этом же говорят данные начала XX века. Сегодня казахстанцы потребляют алкоголя, по меньшей мере, в 2 раза больше, чем в рассматриваемый период. И это стало повсеместным явлением, вне зависимости от национальной принадлежности и социального статуса. При этом все без исключения статистические материалы прошлого столетия сообщали, что казахское население спиртных напитков не употребляло.

Казахское население, стабильно увеличиваясь по показателям естественного прироста, значительно уступало в механическом движении по всему Северному Казахстану. Об этом свидетельствует резкое снижение удельного веса казахского населения по всем уездам (за исключением Тургайского уезда Тургайской области) Северного Казахстана. В 1915 году совокупное казахское население в Петропавловском, Кокчетавском, Акмолинском и Атбасарском уездах Акмолинской области составило 44,6% от общего числа жителей. Наиболее резкое снижение удельного веса казахского населения отмечалось в Петропавловском уезде – от 59% казахов от общего числа населения в 1882 году до 33% в 1915 году, и в Кокчетавском уезде – от 69% казахов в 1882 году до 27% в 1915 году. Значительно снизился удельный вес казахского населения в Акмолинском уезде – от 96% казахов от общего числа населения в 1882 году до 66% в 1915 году и Атбасарском уезде – от 97% в 1882

году до 64% в 1915 году. В Тургайском уезде Тургайской области процентное снижение казахского населения оказалось минимальным – 99% казахов от общего числа населения в 1891 году и 98% в 1914 году. А вот в Кустанайском уезде Тургайской области этот показатель снизился вдвое – с 82% казахов от общего числа населения в 1891 году до 41% в 1914 году. В среднем в этих уездах Тургайской области в 1914 году проживало 53,5% казахов. В Павлодарском уезде Семипалатинской области удельный вес казахского населения также существенно снижается - 77,9% казахов от общего числа населения в 1897 году и 60,6% в 1910 году. Все эти данные свидетельствовали о масштабах переселенческого процесса. Население Северного Казахстана главным образом пополнялось за счет мигрирующего населения.

Масштабы переселения и его итоги непосредственно сказались на увеличении общего количества жителей Северо-казахстанского региона. Зная приблизительное количество жителей Северного Казахстана по Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 года, мы высчитываем состав населения Северо-казахстанского региона на момент наивысшего пика переселенческого движения – 1911 год [11, с. 91]. Даже по усредненным расчетам численность населения Северного Казахстана составила гипотетически к 1911 году 1.500.000 человек, увеличившись по сравнению с 1897 годом практически в два раза.

Российские политические структуры на рубеже XIX – XX веков особым образом воздействовали на демографическую ситуацию в стране. Не занимаясь решением вопросов рождаемости, смертности, улучшения социально-бытовых условий проживания, государство сосредоточилось на социально-экономических методах политики народонаселения. Учёт миграции в пунктах следования переселенцев не всегда отражал реальную картину переселенческого движения. В связи с этим достаточно сложно оценить истинные масштабы механического движения населения. Его высокий уровень подтверждается стремительным ростом населения Северо-казахстанского региона. Теперь многие процессы, происходившие в Степном крае, рассматривались с позиций целенаправленной государственной миграционной политики. Низкий уровень жизни и сложные бытовые условия не являлись определяющим в общих тенденциях рождаемости, скорее они влияли на высокую смертность, особенно среди детского населения. На рост уровня болезней и массовых эпидемий в Северо-казахстанском регионе, кроме природных, влияли социальные факторы – слабое состояние здравоохранения, антисанитарные бытовые условия проживания, а также процессы, связанные со стихийностью переселенческого процесса и высокой плотностью расселения крестьян в регионе. Не случайны показатели высокой смертности переселенцев-крестьян на протяжении всего процесса активной миграции в Северо-казахстанский регион. По мере развития городов роль миграции в росте городского населения постепенно снижается. Интенсивность же территориальной подвижности в регионе растёт, особенно маятниковых (внутренних миграций). Если первоначально городское население резко увеличивается за счёт механического прироста, то затем, его население растёт в

основном естественным образом. Этим объясняется стабильность населения большинства городов Северного Казахстана – Кустаная, Павлодара, Акмолинска, Кокчетова, Атбасара, Тургая. Лишь Петропавловск, находившийся на Транссибирской магистрали, становится в этот период важнейшим экономическим центром и значительно увеличивает своё население к началу Первой мировой войны.

1.3 Процессы этнокультурного и межнационального взаимодействия в регионе

Процесс переселения в Казахстан масс крестьянского населения, ещё в конце XIX века вызывал многие вопросы у местной администрации. Шло упорное формирование со стороны политической власти разнородной по своей хозяйственной, этнической, культурной сути общности, что создавало целый ряд проблем объективного и субъективного характера. Так, в письме Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского военному губернатору Тургайской области об отводе земель под постройку города Кустаная в Николаевском уезде от 19 декабря 1879 года (г. Оренбург) сообщалось о мерах «...могущих впоследствии возникнуть столкновений между киргизами и новыми поселенцами...» [275, лл. 28-28об]. Таковые, действительно, случались. Социальный состав переселенцев был весьма пестрым, встречались среди них и криминальные элементы. Как сообщает один из первых жителей города «...народ тоже всякий был: с каторги которые попали, беглые значит. Киргизцы то, как стали споры насчёт земли выходить, к лошадям нашим стали подбираться: как на меже чего выйдет... ну наши тоже спуску не давали: на кого подумают – без суда вешали, да в колодцах топили; которых, уж вправду сказать, пожалуй и занапрасно» [158, с. 236-237]. Столкновения, носившие в первое время массовый характер, улеглись с решением вопросов административной устроенности региона. Тем более, что основная масса переселявшихся состояла из простого люда, ехавшего в «новые земли» не «завоёвывать», а трудиться. Напряжённость сохранилась, главным образом на бытовом уровне, не выходя на уровень открытых столкновений. Значительная часть первых переселенцев селилась на территории казахских аулов, арендуя у местных жителей земельные участки. Местная администрация через специальные совещания критиковала казахское население, за невольное стимулирование самовольных крестьянских переселений в Степной край: «Киргизы, несмотря на сделанное в 1900 г. распоряжение военного губернатора Тургайской области, не только не принимают мер к прекращению этого движения, но даже поощряют его. Вследствие подобного ненормального положения дел в степи, часто при содействии ординских властей возникают самовольные посёлки, о существовании коих администрация узнает только случайно» [310, л. 20об].

Формирование «полиэтничного» общества начало носить вынужденный характер. Причем «межнациональные» трения не имели под собой идеологического подтекста. Оценки националистических теорий ряда

российских деятелей в местной прессе давались уничижительные, с определённой долей иронии: «...как Ваш там, как его? – Меньшиков что-ли, проповедует какой-то национализм. Здесь этой болезнью не страдают (в Кустанае – С.С.)...» [170, с. 4].

Мнение о том, что во взаимоотношениях казахского и русского населения присутствовали лишь конфликты, не выглядит абсолютным. Весьма часто в оценках межнациональных отношений отмечался и доброжелательный их характер, о чём писал журналист, исследователь, депутат Государственной Думы А. Трегубов: «Непонятно также существующее запрещение водворять киргиз на участках вместе с русскими крестьянами. От такого устройства выиграли бы киргизы, освободившись от зависимости своих богачей. Переселенцы живут с киргизами очень дружно. Мне не приходилось слышать жалоб переселенцев на киргиз. Случаи же частичного «тамыра» (братания) между переселенцами и киргизами служат лучшим доказательством возможности доброй жизни киргиз с русским человеком... Киргизы отличаются гостеприимством, необходимо только уважать их традиции» [159, с. 44]. Такие же сведения встречаются и в других источниках, допустим в «Оренбургском листке» от 17 января 1899 года утверждалось, что «...Киргизы наши живут ладно и с переселенцами не ссорятся: напротив соревнуют русской образованности (культурности), начали пахать землю, сеют, мельницы строят, особенно налегли на грамоту русскую» [165]. Приводя положительную сторону процесса взаимоотношений между казахским и «пришлым» населением, исследователи невольно показывают негативную сторону подобных воздействий: «Посещая крестьян переселенцев, - сообщает все тот же А.Л. Трегубов, - нельзя было миновать и киргиз. Простой, добрый и терпеливый киргизский народ. Безропотно переносит он обращение в колониационный фонд земель, считавшихся состоявшими в их пользовании. Недовольство можно встретить только среди киргизской интеллигенции, которая пользуется любовью – доверием киргизского народа» [159, с. 43].

Притеснения казахского населения со стороны колониальных чиновников приводили к единичным и массовым выступлениям. В мае-июне 1908 года в Тургае и Атбасаре произошли кровавые столкновения казахов с местными воинскими командами [329, с. 43]. Обострению межнациональных противоречий в этот период способствовала и непродуманная политика государства по изъятию не только земельных, но и лесных, водных территорий у местного населения. В одном из изданий «Сибирских вопросов» 1909 года в открытой рубрике сообщалось следующее: «В Кустанайском уезде имеется несколько лесничеств. Киргизы берегли леса, устраивали зимовья, стойбища, в них они спасали скот от снежных заносов и буранов. Впоследствии эти леса отобрали казна, выдворив киргиз в степь, на открытые места» [330, с. 52]. Потребительские настроения были распространены у значительной части переселенцев. «Русские переселенцы, - отмечалось в материалах экспедиции Ф.А. Щербины, - являются в новый край с понятиями и привычками своей родины. Им совершенно непонятна кочевая скотоводческая жизнь киргиз и их сравнительное многоземелье... Поэтому переселенцы не считают зазорным

выкосить киргизские покосы, растащить лес с беспризорных летом киргизских построек, вырубить рощи, защищающие киргизские зимовки от зимних буранов. Все это глубоко возмущает киргиз. С другой стороны киргизы не могут сразу освоиться с понятием русских о границах и поэтому имеют с переселенцами частые столкновения из-за потрав» [92, с. 75-76].

Крестьяне-переселенцы арендовали у казахского населения земли, нанимали работников-казахов в свои хозяйства, а иногда и сами в качестве наёмных работников трудились в казахских хозяйствах. О сложностях хозяйственного взаимодействия говорят многие факты. Если первоначально заключались долговременные арендные соглашения с казахским населением о пользовании землей (5-летний срок – С.С.), то в дальнейшем «...по окончании арендного срока, киргизы из боязни, что прибывшие захватят земли в вечное пользование...» отказывались от долгосрочных соглашений, заключая чаще однолетние договоры [317, с. 106].

Основу демографического поведения национальных групп во все времена играли брак и семья. Практически все цифры брачного состояния населения Северных регионов Казахстана зависят от особенностей его демографического и этнического поведения. Мы попытаемся определить количественный состав казахской и переселенческой семьи в сравнительном аспекте на рубеже XIX-XX веков.

Любая перепись населения, статистические данные - это источник, обладающий собственной спецификой, и необходимо иметь в виду возможные погрешности, допущенные при сборе и обработке данных. Поэтому исследователи практически всегда обращают внимание и на субъективный характер оценки результатов. Известно, что для казахского населения в семейно-брачных отношениях важную роль играют имущественное положение: для состоятельных – характерен ранний брак, многоженство, для бедняков – высокий разрыв в возрасте между супругами, позднее вступление в брак. Для переселенцев всех категорий брачный возраст зависел от необходимости начала ведения собственного хозяйства и отличался не очень сильно по возрастам [66, с. 10-11].

Для обеих групп населения на нормы демографического поведения непосредственно влияли религиозные нормы и традиционализм в отношениях между полами. Как отмечается в XVIII томе «Киргизский край» издания «Россия: Полное географическое описание нашего Отечества» под ред. В.П. Семенова – Тянь-Шанского: «...в отношении брачности край (Киргизский – С.С.) стоит невысоко. На 100 жителей приходится в Акмолинской области – 0,6 брака, в Семипалатинской – 0,4, в Тургайской – 0,7...» [10, с. 180]. Это довольно малые показатели. Для сравнения: по данным новосибирского исследователя В.А. Зверева тот же коэффициент брачности в ряде регионов Западной Сибири колебался в пределах 0,9 брака на 100 жителей и был вполне сопоставим с показателями сельского населения Европейской России [326, с. 14].

Конечно же, данные показатели не являются абсолютными, но позволяют нам с уверенностью говорить о том, что брачное состояние в Северо-

казахстанском регионе зависело от многих обстоятельств, в том числе и характеристик основных этнических групп. Беря в расчет эти рассуждения, попытаемся определиться со средними количественными показателями семьи, характерными для Северного Казахстана и основными факторами, непосредственно влияющими на данную статистику.

Большое внимание при этом следует обратить на изменение казахского традиционного хозяйства. Влияние этих изменений непосредственно сказывалось на демографической обстановке в регионе. В «Отчете о деятельности Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества» сообщалось следующее мнение по этому поводу: «Сущность эволюции киргизского хозяйства заключается... ..в постоянном возрастании его интенсивности и приближении к нормам оседлого быта. Основные факторы эволюции – естественный прирост населения, связанное с этим передвижение киргиз из Центральной Азии на северные окраины степей, а затем – русская колонизация» [331, с. 23-24].

Изменение форм хозяйства, имущественное расслоение общества, традиционные особенности казахского общества стали основными условиями для формирования семьи. В V томе «Материалов по киргизскому землепользованию» экспедиции Ф. Щербины отмечается, что «...по обычно-правовым взглядам киргиз, родством считается и уважается только родство по прямой мужской линии. Родство по женской линии, происходящее путём сватовства, не почитается... ..Кочевники киргизы, как общее правило, берут жен в чужих родах и даже ордах. Так, джаппасовцы малой орды, зимующие в Сырдарьинской области, берут себе жен у кипчаков – киргиз средней орды, проживающих постоянно в Кустанайском уезде. Что касается собственно киргиз Кустанайского уезда, то из них только богачи, особенно придерживающиеся старых обычаев, могут брать себе жён в других родах и ордах, которые проживают очень далеко, например, в Сырдарьинской области» [89, с. 57-58].

Избегая «кровосмешения» казахи усложняли и без того, довольно непростую схему вступления в брак. Правда при этом нельзя абсолютизировать эти данные и отметить, что проживание даже в пределах небольших волостей носило смешанный характер, что при постоянном взаимодействии вполне могло решать вопросы создания семьи для части казахского населения. Так, в данных по населённости Кушмурунской волости Петропавловского уезда за 1892 год сообщается, что при местных постоянных аулах «...проживало ещё 39 кибитковладельцев из других местностей, как-то: 10 из Тургайской области, 18 из Пресногорьковской, 5 – Пресновской, 2 из Средней, 1 из Полуденной волостей Петропавловского уезда и три из Кокчетавского» [5, с. 6].

Одним из серьёзных вопросов оставался вопрос о возрасте вступления в брак для девушек-казашек. Официальный закон допускал вхождение в официальное брачное состояние с 16-летнего возраста. На деле девушки вступали в брак в более раннем возрасте [162]. Однако, в казахской традиционной семье, исповедующей ислам, довольно часто практиковалось многожёнство, и реальный состав семьи часто скрывался.

В связи с этим, в статистических материалах конца XIX – начала XX века («обзоры» областей – С.С.) серьёзно ощущается перевес мужского населения над женским. Эти данные непосредственно влияли и на брачное поведение жителей региона. Так, в «Обзоре Акмолинской области за 1898 год» авторы отмечают, что «несоразмерно меньшие (сравнительно с оседлым населением) величины рождаемости и смертности (почти в три раза) у киргиз объясняются отчасти неполнотой статистической регистрации по движению населения, главным же образом физическими особенностями этого населения, уменьшающими его прирост, как-то: небольшое относительное число женщин вообще (на 100 мужчин 81 женщина) и брачного возраста в частности (на 100 мужчин 69 женщин), малая плодовитость женщин и значительная смертность детей...» [136, с. 63].

Н.В. Алексеенко также указывает на несовершенство губернских отчетов, приводящих общую статистику населения. Если учёт переселенцев вёлся по данным соответствующего управления, то данные о казахском населении нередко носили приблизительный характер. Объяснялось это несовершенством системы административного сбора информации. Об этом, кстати, упоминали и сами авторы отчётов, указывая на статистические пробелы и сообщая о том, что «...в киргизских волостях метрических книг о родившихся, вступивших в брак и умерших не ведётся и что все цифровые данные о движении населения доставляются аульными старшинами и волостными управителями, то цифровые выводы о приросте кочевого населения нельзя признать вполне верными» [124, с. 14].

В начале 1890-х годов при сборе сведений о казахском населении по отдельным волостям не учитывался состав семейства каждого кибитковладельца. В результате приблизительными оказывались способы учёта семейного состояния казахского населения, по которым средний состав семьи определялся условно в 5 человек. Встречались и цифры другого порядка. Так, при заимствовании из официальных источников «...по спискам 1892 года в Кушмурунской волости состояло 3187 чел. мужского пола и 2823 женского, всего 6010 душ, что на одну кибитку в среднем даст до 6 человек» [5, с. 6]. Однако, эти приблизительные сведения, в целом подтверждаются при анализе материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года (средний состав казахской семьи по Акмолинской и Тургайской области составил – 5,1 человек) и позволяют нам оперировать подобными цифровыми показателями [46, с. 19-21].

В сборнике «Вопросы колонизации» Хворостанский П. при анализе «киргизского вопроса» приводит данные, которые непосредственно свидетельствуют о стабильности состава казахской семьи в сравнении с данными экспедиции Ф.А. Щербины (таблица 11).

Таблица 11 - Сравнительные данные состава казахской семьи в конце XIX – начале XX века

Годы обследования	Число хозяйств	Человек на одну семью		
		Мужчин	Женщин	Всего
1898	1643	3,02	2,65	5,67
1905	1584	3,10	2,65	5,75

Примечание - Составлено по данным: Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи. // Вопросы колонизации. – 1906. – №1. – С. 84.

Цифровые данные, представленные в таблице 11, практически совпадают по основным пунктам. Они оказывались не менее важными и при анализе семьи переселенцев. Ведь средний состав казахской семьи, по статистическим материалам уступал составу семьи переселенцев. Однако некоторые тенденции были сходными (допустим, превышение численности мужского населения над женским). И не всегда это было связано с простым воспроизводством населения.

Колонизационный элемент состоял главным образом из средней категории крестьянства. Об этом говорили официальные власти, переселявшие за Урал семьи с устойчивой степенью семейно-имущественной обеспеченности. По данным исследователей прошлого и настоящего в Киргизский край переселялись семьи с большим количеством работников. Костанайский учёный Я.К. Духин указывает, что «в местах поселения отвод земли производился по числу мужских душ...» и «...семьи, строившие расчёты на сыновей и имевшие в своем составе перевес в мужчинах могли рассчитывать на поправку своего положения путем переселения в богатые землёй степные края» [62, с. 203].

При анализе семейного состояния переселенческого населения выявляются сведения, требующие пояснений. Так, в «Обзоре Тургайской области за 1911 год» приводятся данные, по которым число женатых мужчин несколько превышает количество зарегистрированных замужних женщин (33.892 против 33.164 соответственно) [124, с. 17]. Объяснений по этому поводу «Обзор» не даёт, но позволим себе предположить, что такие цифры связаны с тем, что часть переселенцев-ходоков, отправлялась в «новые края» самостоятельно с целью обустройства хозяйства, временно оставляя своих жён, родных на родине. Данные выводы могут быть подтверждены сведениями о зачислении долей одиночными ходоками. Эта практика имела большее распространение в Тургайско-Уральском регионе (по данным 1910 года – зарегистрировано 10.029 одиночных ходоков). По представленным сведениям, количество ходоков и одиноких переселенцев достигало одной трети. Из ходоков, число которых доходило 29%, более двух третей возвращались на родину. Исходя из этих сведений «главным ядром» переселенческого процесса являлись люди семейные [159, с. 12-15].

Как правило, устраивающаяся переселенческая семья среднего достатка представлялась в составе: 3,4 мужчин и 3,2 женщин, т.е. 6,6 душ обоого пола.

Работников в таких семейных коллективах было 1,5 - 1,6 мужчин и 1,5 – 1,6 мужчин и 1,5 женщин. В таком составе переселенцы вполне могли вести благополучное хозяйство [62, с. 258].

Средний состав семьи особо не отличался по всему Северному региону Казахстана. Так, в «Статистических материалах по анкетному обследованию переселенческих хозяйств в Степном крае» за 1909 год он указывался «...по анкете 6,4, а по подворному обследованию 6,1 души» [95, с. 2]. Причем в материалах анкеты по Акмолинской области условно выделен рабочий возраст членов семьи. Если не брать в расчет половой признак, то он разделился поровну (из 6,4 по анкете 3,2 работоспособных) [95, с. 4]. Для определения типичных показателей для всей области в 1910 году были обследованы 9 поселков Кокчетавского и Петропавловского уездов. Статистики приходят к выводу, что анкеты проведенного исследования (в сравнении с разработками экспедиции Щербины (разработка Алексеева) дающей усреднённый вариант) позволяют, в общем, рассмотреть социальные и экономические условия жизни переселенцев первой волны столыпинской реформы. Авторы «Материалов» приводят данные, в которых пытаются оценить состояние крестьянского хозяйства. Они отмечают, что уровень хозяйства напрямую зависит «...от обеспеченности их рабочей силой». По данным подворного обследования: «...мужчин полного возраста приходится на одно хозяйство в среднем 1,4 а вместе с полуробочими (14-17 лет) 1,7 души, что вместе составляет 3,1 души. ...Средний размер семьи составляет 6,1 души». Несмотря на то, что статистические показатели настоящего исследования уступают приведенным сведениям по Кустанайскому уезду и даже в среднем по Акмолинской области, обращается внимание на то, что «... по данным Челябинского регистрационного пункта средняя семья переселенцев числится в 5,4 души» [96, с. 2-3]. Получалось, что в регионы Северного Казахстана уходили средние крепкие хозяйства. По расчётам исследователей начала XX века для первоначального устройства среднестатистической семье из пяти человек требовалась немалая по тем временам сумма в 400-500 рублей [12, с. 28]. Государственные пособия, предполагавшиеся для стимулирования переселенческого процесса, чаще всего не превышали 200 рублей на семью, и с течением времени только сокращались. При этом денежные средства выдавались не сразу, нередко превращаясь в бумажную волокиту. Пособия дополнялись выдачей «живого инвентаря» (в среднем 1 лошадь на семью), что в целом не изменяло общего положения [16, с. 27-28; 336, с. 11-13]. Для обустройства на новом месте «новоселам» требовалось не менее 3-4 лет, при максимальной экономии средств. И если основной доход «старожилов» составлялся от продажи продуктов земледелия и доходил до 47 рублей 75 копеек в среднем на душу населения, то у «новоселов» он был почти вдвое меньше – 25 рублей 75 копеек – и складывался в основном из продажи скота и продуктов скотоводства [17, 9-11].

Наибольшее количество крестьянских хозяйств по числу членов семьи в 1907-1908 гг. в Петропавловском и Кокчетавском уездах имело количественный состав – 4-7 душ – всего 66 %. Однако, встречается и

достаточное количество семей с большим количеством душ - от 8 до 15 – что составляет 20% от общего состава крестьянских переселенческих хозяйств [96, с. 5].

Приведенные в данном исследовании материалы свидетельствуют о том, что семья играла важную роль в определении демографического поведения жителей региона. Указанные материалы позволяют нам в дальнейшем судить о проблемах естественного движения населения, оптимальности ведения крестьянского и кочевого хозяйства. И, наконец, утверждать о том, что колонизаторский элемент в лице переселенцев-крестьян коренным образом в течение нескольких десятилетий изменил демографическую карту Северного Казахстана.

Для сравнения, по данным материалов соседней Челябинской губернии, в которую, временно, в годы гражданской войны, входил Кустанайский уезд, средний состав крестьянской семьи к началу 1920-х годов по отдельным уездам колебался от 5,2 до 5,6 душ обоюбого пола и по губернии составлял в среднем 5,4. Более точно эта сумма складывалась из следующих цифр, представленных в таблице.

Эти показатели полностью совпадают с указанными выше цифрами о составе переселенческих семей в период Столыпинской аграрной реформы. Получается, что война и суровые годы голода, в целом не повлияли на абсолютные цифры. Вероятно, эти данные, исходя из политических и экономических соображений, не учитывают всех объективных и субъективных причин снижения населения. Опять же о «кризисных тенденциях» свидетельствуют показатели работоспособного населения – 2,5 против 3 - 3,2 человек на семью в «дореволюционный период» и составляют большую часть от состава всей семьи. Показатели – прочие (старика и дети) - теперь несколько превосходят число «дееспособных».

С изменением хозяйственного уклада, а затем и ряда «неурожайных» лет, «местное», так и «пришлое» население находилось на грани выживания и вынужденного взаимодействия. При этом труд казахского населения в качестве наёмных рабочих оценивался ниже, нежели труд крестьянина-переселенца. Даже в условиях дефицита рабочих сил сельско-хозяйственный обзор 1917 года по Акмолинской области отмечал, что «...как правило, труд киргиза, кочевника по преимуществу, мало еще привычного к трудным весенним полевым работам оценивается ниже труда русского рабочего» [333, с. 8].

Постоянное «голодное» состояние сельского населения с явно выраженным ухудшением условий жизни станет характерной чертой не только Степного края, но и, пожалуй, всей страны. Участие Российской империи в Первой мировой войне резким образом изменило внешнее спокойствие Степного края. Начало мобилизации казахского населения на тыловые работы стало причиной для начала массового национально-освободительного движения казахского населения, которое закончилась открытыми вооружёнными столкновениями с регулярной царской армией.

В телеграмме Оренбургского губернатора Эверсмана от 1 ноября 1916 года Кустанайскому уездному начальнику Кочергину отмечалось, что «для

усмирения Тургайского, части Иргизского уезда сформирован особый экспедиционный отряд под общим командованием генерала Лаврентьева. Главная часть отряда под командою генерала третьего ноября выступила из Челкара через Иргиз на Тургай, другая часть идёт из Актюбинска через Карабутак на Иргиз, а третья часть будет сформирована в Кустанае в составе имеющейся в уезде пятой запасной Оренбургской сотни в двести пятьдесят казаков и имеющей прибыть в Кустанай особой роты в числе двести шестьдесят штыков, к этому отряду будут присланы два пулемета и по прибытии в Кустанай роты и пулеметов приказано выступить на Тургай, уничтожая встречающиеся по дороге вооруженные шайки бунтовщиков» [276, л. 713]. По пути следования из г. Кустаная в Тургай отряд проводил карательные акции в казахских волостях Кустанайского и соседнего с ним Тургайского (центр восстания – С.С.) уездов. Территория Оренбургской области оказалась на военном положении. Количество жертв движения установить сегодня весьма трудно, мы можем это сделать, ссылаясь на общие сведения по количеству восставших. По разным данным, в национально-освободительном движении казахского народа в 1916 году участвовало до 50 тысяч человек [62, с. 375-376]. Учитывая факт жестокого подавления выступлений восставших, мы можем говорить о сотнях и даже тысячах погибших. События 1916 года, а затем и гражданская война неоднократно будут поднимать национальную тему.

При анализе проблем межнационального взаимодействия конца XIX – начала XX века важное место занимают вопросы образования. Удельный вес грамотных в составе населения уездов Северного Казахстана по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года находился в пределах 4-12%, в городах – 22-30%. Наибольшее число грамотных приходилось на возраст от 10 до 39 лет, в среднем в 1,5 раза выше, чем у других возрастных категорий. Наряду с традиционными учебными заведениями религиозного типа – мектебе, медресе, церковно-приходскими школами, создавалась сеть гражданских учебных заведений. К ним относились городские училища, прогимназии, русско-казахские училища и школы, аульные школы и школы первоначальной грамотности. Двух-четырёх классные училища готовили учительские кадры, для начальной школы. Для обеспечения хозяйственных нужд региона организовывались сельскохозяйственные и ремесленные училища. Медленно расширялась сеть средних учебных заведений – реальных училищ, а также мужских и женских гимназий. Наличие училищ-интернатов для казахского населения было недостаточным, из учебного процесса полностью было исключено женское население. Система образования с началом столыпинской аграрной реформы рассматривалась официальной властью как один из источников давления на традиционный уклад жизни местного населения.

Система образования в Степном крае в конце XIX века носила первоначальный характер. Наряду с традиционными учебными заведениями – медресе и мектебе – началось создание целой сети русско-казахских школ. Данные учебные заведения разного типа пользовались расположением у местных жителей, но не могли удовлетворить потребности у всех желающих

получить образование. По предложению официальных властей с конца XIX века начинается создание системы народного образования для казахского населения. Создаётся система двух уровней: аульская школа как начальное сельское училище и двухклассная русско-казахская школа, в которой продолжали обучение ученики аульских школ. Ученики аульских школ получали элементарные знания и осваивали (как государственный) русский язык. Такие школы вскоре были открыты во всех уездах Акмолинской области [82, 56-58]. Следует отметить, что подготовку учителей для школ Акмолинской и Семипалатинской областей, а также Тобольской губернии и всего Туркестанского края первоначально осуществляла единственная Омская учительская семинария.

Первая школа на территории Петропавловского уезда появилась ещё в середине XVIII века для детей военнослужащих и отставных солдат. В последующие десятилетия школьное дело развивалось очень медленно. В 1830-е годы в городе функционировало 2 училища для детей казаков. В 1844 создаётся первое мужское приходское училище, в 1865 – женское приходское училище, преобразованное в 1871 году в прогимназию, а затем в 1904 в гимназию. В 1876 году была открыта школа-интернат для казахских мальчиков. В 1878 году – школа-интернат для девочек-казашек. В 1903 году – реальное училище [60, с. 98-99].

Вопросы образования в Тургайской области, также занимали весьма важную роль в вопросах взаимодействия всех национальных и социальных групп её населения. Ещё в XIX столетии целый ряд авторов, в частности Добросмыслов, Васильев, Алекторов, обращались к этой теме.

Значительных успехов в создании русско-киргизских школ добились власти Кустанайского уезда Тургайской области. Уже в октябре 1884 года в Кустанай из Троицка по инициативе И. Алтынсарина было переведено русско-казахское двухклассное училище. Наряду с казахским населением здесь предполагалось обучение детей поселян «...на первых порах существования... от 15-20 мальчиков». Не преминули местные администраторы выделить и национальный характер освоения «новых земель», что непосредственно должно было сказаться и на всей системе образования: «Оставлять же 8 тысяч населения (Кустаная – С.С.) без средств образования было бы несправедливо, тем более, что это население, заброшенное в глубину киргизских степей, должно служить цивилизующей силой для окружающих её полудиких киргиз» [277, лл. 5-6]. Несмотря на такой ограниченный подход к вопросу, казахи стремились получить образование, в том числе и в русских школах. В связи с ростом населённого пункта попечитель Оренбургского учебного округа в ноябре 1884 года высказывал мнение «...о необходимости устройства на урочище Кустанай приходских училищ – мужского и женского с содержанием сих училищ на общественные средства». К вопросу об их открытии вновь вернулись к сентябрю 1886 года, о чем сообщали официальные документы: «Вследствие возбужденного предшественником военного губернатора от 29 ноября 1884 года за № 4923, а год спустя и инспектором киргизских школ Алтынсариним вопроса относительно учреждения в поселении Кустанай

начальных приходских училищ мужского и женского с содержанием их на средства жителей этого поселения с субсидией от казны в 1000 рублей, о которой изъявил готовность ходатайствовать перед высшим учебным начальством господин Алтынсарин, если только общество поселян изъявит в приговоре согласие уступить или нанять дом для школы и отпускать средства на отопление, освещение, ремонт и наём прислуги, мною затребованы были по сему предмету от николаевского уездного начальника надлежащие сведения, который ныне донес, что поселенцы Кустаная, изъявляя согласие на открытие училища для 30 мальчиков и 20 девочек, поставленным приговором определили взимать на этот предмет 25 копеечный сбор с каждого домовладельца, которое ожидается к поступлению до 320 рублей» [277, лл. 17-18об].

Уже в 1891 году число учебных заведений в Николаевском (Кустанайском) уезде составляло 12, а в 1892 году - 23. Правда, при резком увеличении количества школ, не столь значительно увеличивалось количество учащихся. Действующие учебные заведения по своему составу и деятельности выглядели весьма разнообразно, среди них – смешанные, русские, женские, церковно-приходские, аульные и волостные. Все они имели разные учебные планы и ориентировались на разные социальные и национальные группы населения [105-106]. Виден относительный рост учащихся, как в городе, так и на селе. Из них значительную часть составляют ученики церковно-приходских школ и школ грамоты – 427 в 1891 году и 464 в 1892 году. Обращает на себя внимание малое число учащихся женского пола у переселенческого населения, при полном отсутствии таковых и в уезде и в среде казахского населения. Создание учебных заведений давалось сложно – не хватало квалифицированных учителей, помещений, литературы. Тем не менее, процесс шёл. С 1 июля 1895 года принято решение об открытии двухклассного городского училища, предложено вновь открыть 10 аульных школ, на содержание которых выделялось 2.260 рублей. Речь также шла о выделении средств на строительство сельскохозяйственной школы 1-го разряда в Кустанае, а также четырёх зданий для народных училищ и трёх сельских училищ в поселках Жуковском, Михайловском и Ново-Уральском. Средства на их строительство шли их земских сборов казахского населения и добровольных сборов и пожертвований [114, с. 60-61]. С конца XIX века действовало женское училище [116, с. 27]. Увеличивался контингент учащихся. Так, в 1895 году в русско-казахском двухклассном училище обучалось 50 человек, а к началу XX века 57 казахских мальчиков и 30 приходящих русских учеников. При училище был открыт педагогический класс, преобразованный в 1908 году в 2-х летние педагогические курсы с интернатом. Позже, уже в ходе гражданской войны постановлением Кустанайской Уездной Земской Управы 26 августа 1918 года училище преобразовано в Высшее начальное в составе первых двух классов [198].

Для анализа уровня образования населения г. Кустаная и Кустанайского уезда, приведём данные об уровне грамотности (таблица 12).

Таблица 12 - Уровень грамотности жителей г. Кустаная и Кустанайского уезда по возрастным категориям по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года

Возраст	Число грамотных			% грамотных от общего числа по категориям		
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Всего
г. Кустанай						
6-12	361	203	564	27,0	18,1	22,9
13-29	1061	492	1553	51,8	22,0	36,2
30-49	645	155	800	41,7	10,5	26,4
50-59	115	28	143	24,2	6,4	15,7
60 и старше	95	26	121	16,8	4,9	11,1
Итого	2277	904	3181	38,1	15,6	27,0
Кустанайский уезд						
6-12	918	309	1227	7,2	2,6	5,0
13-29	4014	821	4835	17,0	3,7	10,6
30-49	2954	229	3183	15,8	1,4	9,2
50-59	557	43	600	10,2	1,0	6,1
60 и старше	365	32	397	6,3	0,6	3,6
Итого	8808	1434	10242	13,3	2,4	8,1
Примечание - Составлено по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXVII. Тургайская область. - СПб.: «Слово», 1904. – 150 с. - Таблица Шб.						

Как видно из таблицы уровень грамотности в среднем по всему уезду в возрасте от 6 лет (в таблицах данные о грамотных начинаются с 4-хлетнего возраста – С.С.) составил 9,7%, по городу – 27,0%. Исходя из общих данных населения уезда, количество грамотных составляет 6,78%, по городу 24,4% [254, с. 7]. Людей, имевших, согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, высшее гуманитарное и техническое образование на весь уезд с городом насчитывалось 10 человек. Что касается казахского населения, то оно составило по данным 1897 года 117.978 человек, из них грамотных – 4.894 человека (женщин - 284) – 4,2% . В Тургайском уезде, представленным практически полностью казахским населением (переселенцы проживали в незначительном количестве в г. Тургае и северной части уезда) общий процент грамотности составил 4,4% [100].

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года грамотность в Акмолинской области не носила всеобъемлющий характер (таблица 13).

Таблица 13 - Грамотность населения уездов Акмолинской области по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года

Населенные территории	Всего населения	Грамотных	% грамотных
Акмолинский уезд	185058	10025	5,4
г. Акмолинск	9688	2214	22,9
Атбасарский уезд	86413	3983	4,6
г. Атбасар	3038	848	27,9
Кокчетавский уезд	155461	14519	9,3
г. Кокчетав	4962	1413	28,5
Петропавловский уезд	155077	19068	12,3
г. Петропавловск	19688	5845	29,7
Примечание - Составлено по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXI. Акмолинская область. - СПб.: «Слово», 1904. – 135 с.			

В соответствии с данными таблицы, более высокие показатели грамотности населения характерны для Петропавловского и Кокчетавского уездов. Следует отметить, грамотность женского населения была невысока. В процентном отношении грамотность всего женского населения по уездам выглядела следующим образом: Петропавловский уезд – 4,8%, Кокчетавский уезд – 3,1%, Акмолинский уезд – 2,1%, Атбасарский уезд – 1,1% [101]. Наибольшее число грамотных приходилось на возраст от 10 до 39 лет, в среднем в 1,5 раза выше, чем у других возрастных категорий. Это свидетельствует о поступательном процессе в решении вопросов грамотности. Однако нельзя сказать, что обучение носило всеобъемлющий характер. Грамотность мужчин-казахов составила, по данным переписи, в Казахстане всего 5%, женщин-казашек – всего 0,5%. По мнению казахстанских исследователей, данные результаты нельзя абсолютизировать. В первую очередь статистика показывает уровень распространения русской грамотности среди всех национальных категорий империи. Как указывает А.М. Мамырханова «...во время переписи 1897 года рекомендовалось отмечать прежде всего грамотность по-русски, а уровень грамотности на нерусском языке была лишь дополнительной характеристикой» [69, с. 14]. Это частично подтверждается данными регулярных обзоров областей. Так, удельный вес грамотного населения в Петропавловском уезде согласно «Обзору Акмолинской области за 1899 год» составил среди казахов 18,6%, среди крестьян – 5,2% [137, с. 83-84].

В начале XX столетия количество и состав учебных заведений в Северном Казахстане увеличивались не столь кардинально. Основные сложности отмечались в отсутствии помещений – 75% всех школ располагалось в съёмных помещениях и малом количестве квалифицированных педагогических кадров, четверть которых составляли православные и мусульманские священнослужители.

Число учебных заведений в регионе стремительно начало расти с началом переселенческой реформы, в которой школьное образование рассматривалось как еще один из источников давления на традиционный уклад жизни местного населения. Учебными заведениями обзаводились старые поселки, новые «переселенческие» - оставались целиком без школ. Стремление укрепиться хозяйственно в них была велика, а так как учеба в школах начиналась с сентября, когда значительная часть земледельческого населения – в том числе и дети – были вовлечены в процесс уборки урожая. Кроме того, не хватало учительских кадров, зданий и средств. Ещё большие сложности испытывал аул, наличие училищ интернатов для казахского населения было явно недостаточным, из учебного процесса полностью, исходя из традиционного жизненного уклада, было исключено женское население.

Если взять исключительно цифровые показатели, то темпы роста школьного образования выглядели достаточно благополучно. На территории Петропавловского уезда (в пределах современной Северо-Казахстанской области) в 1914-1915 учебном году имелось 117 школ с охватом в 7,5 тысяч учащихся. Из школ подавляющее большинство являлось начальными – 111, полностью средних – только 2. В школах работали 213 учителей [60, с. 98-99]. В Кустанайском уезде Тургайской области в 1914 году действовало 314 школ (1 обучающийся в городе приходился на 9,2 жителя, а в уезде 1 на 27,7 жителя) [127]. На средства государственной казны в 1901 году была открыта женская прогимназия в г. Павлодаре, преобразованная в гимназию в 1915 году. В том же Павлодаре в 1911 году функционировало русско-казахское двухклассное училище, а в Акмолинской области к 1913 году имелось 66 аульных русско-казахских школ [82, с. 63]. Но большинство указанных школ были начальными и не могли охватить большое число жителей. В том числе и по финансовым причинам.

Росла из года в год средняя стоимость обучения в начальных школах. В 1910 году она составляла – 28 рублей 64 копейки, в 1911 – 32 рубля 4 копейки [124, с. 102]. В дальнейшем цены на образование стабилизировались, и даже уменьшились к 1914 году – 25 рублей 86 копеек [127, с. 219], но появились другие сложности – ремонт и строительство зданий, учебные пособия, квалифицированные учительские кадры. Строительство школ в городах нередко превращалось в «долгострой»: «Мэр здесь всё строит и строит школы. – пишется в фельетоне «Письмо к тётеньке». – Город задолжался уже свыше 100 тыс. рублей, а мэр всё еще не остыл и не прочь на строительство подзанять внушительную сумму» [170, с. 4].

Несмотря на рост учебных заведений и число учащихся потребность в улучшении народного образования нисколько не снижалась. Санитарно-гигиенические условия в большинстве образовательных учреждений оставляли желать лучшего. Встречались смертельные случаи в результате различных эпидемий (корь, оспа) среди учеников, в военные годы часть учителей подлежала мобилизации. Особенно это отмечалось в аульных школах, в которых при отсутствии надлежащих помещений «...в зимнее и ненастное

время ночуют ученики, приходящие из дальних зимовок», а в классах занятия проходят «...на кошме за партами-скамеечками» [127, с. 214-215].

Большая часть начальных учебных заведений ориентировалась на получение основ грамотности, с изучением закона Божьего и Корана. Двух-четырёх классные училища ориентировались на подготовку учительских кадров, для той же начальной школы. Хозяйственное развитие Северо-казахстанского региона требовало создание сельскохозяйственных школ, однако, несмотря на регулярные финансовые отчисления, они создавались с большим трудом. В прессе по этому поводу не без сожаления сообщалось: «Если Министерство Народного Просвещения удовлетворит наконец давнейшее желание киргиз учредить в г. Кустанае сельско-хозяйственную школу с ремесленным отделением и преподаванием столярно-плотничного и слесарно-кузнечного ремесел, то развитие края пойдет быстрым темпом. В особенности, если при сельско-хозяйственной школе будет открыта учебная ферма на участке земли в 500 дес., отведенном для сего киргизами» [168, с. 3].

В учебном процессе участвовало не только детское, но и взрослое население, о чём свидетельствует деятельность вечерних школ. Образование второй ступени позволяло продолжить обучение в высших учебных заведениях. Так гимназии, ориентировалась на получение общих и гуманитарных знаний. В реальном училище, упор делался на предметы естественно-математического цикла. Прикладной характер обучения позволял его выпускникам поступать в технические, промышленные и торговые вузы [334]. В средних учебных заведениях отмечалось безусловное преобладание русскоговорящего населения. Преподавание в указанных заведениях велось исключительно на русском языке, знание его требовалось и для поступающих казахов. Были среди учеников – дети потомственных дворян и чиновников, священнослужителей, купцов, казаков. В подавляющем большинстве обучение в данных учебных заведениях получали представители мещанского сословия, все люди достаточно зажиточные, ведь для получения образования требовалось в год 40 рублей. При этом в реальном училище приблизительно 10% учеников обучались бесплатно, а в женской гимназии жители городов, платящих сбор на её содержание 12 р. в год. [127, с. 216-217] Несмотря на довольно значительную оплату в учебных заведениях, замечалось и достаточное количество крестьян. Это начало изменять, хотя и в незначительной степени, социальную структуру общества, и определённый рост населения в пользу города. Ведь, жители гимназий и реальных училищ после получения городского образования чаще всего оседали в городе.

В 1916 году количество школ в Акмолинской области по 4 уездам достигло 506: в Петропавловском – 123, в Кокчетавском – 159, в Акмолинском – 120, в Атбасарском – 96. Из них казахских оказалось 53 [298, лл. 100-102].

Несмотря на развитие системы образовательных учреждений, значительная часть детского населения оказывалась предоставленной сама себе. Категория «несовершеннолетних» беспризорных горожан, совершенно исключённых из образовательного процесса, участвовала в «воровском промысле». «Обыватели жалуются на участвовавшие в городе кражи. –

сообщалось в официальных сводках. - По наведённым нами справкам оказалось, что явление это объясняется следующим. В городе существует шайка взрослых воров. Воры эти, зная, что малолетних детей закон не карает, организовала шайку воришек из детей. Полиция ловила этих детей, представляла суду, но суд не налагал на них наказания. В данное время перед прокурорским надзором возбуждено ходатайство о том, чтобы малолетние преступники наказывались и содержались в особой, специально приспособленной для малолетних преступников, камер при арестном помещении. Дети в кражах играют настолько большую роль, что при их участии ворами взрослым удалось добиться возможности сбывать далеко за пределы уезда краденных лошадей» [191, с. 3]. При фактическом отсутствии внимания «беспризорным» детям, подобные факты имели значительное место. Определить количество таких детей, из-за отсутствия четких статистических сведений не представляется возможным. Значительная часть детского населения региона оказалась без возможности получения образования и в период революционных событий. Нельзя сказать, что школьная система в этот период была полностью разрушена, однако, она испытывала на себе серьёзные потрясения.

Уездные школы и гимназии становились центрами общественной и культурной жизни. Такая информация встречается в газетных публикациях повсеместно по всей территории Северного Казахстана. Так петропавловское издание «Приишимье» сообщает, что в селе Всесвятское «...в помещении училища был устроен спектакль в пользу Красного креста. Сбор – 15 рублей... Участвовали в основном учителя из окрестных сёл» [192]. Описывая хозяйственный и жизненный уклад жителей Акмолинской области, исследователь А. Митаревский заявляет о том, что «...школа есть почти в каждом мало-мальски устроенном поселке» [12, с. 21]. Школьное образование в начале XX века чаще всего носило первоначальный характер, и уровень грамотности среди населения оказывался весьма низким. Тем не менее, образовательные учреждения решали проблему взаимодействия между основными этническими группами региона. Проанализируем национальный состав населения Акмолинской области в 1915 году (таблица 14).

Таблица 14 – Национальный состав уездов и городов Акмолинской области (1915 год).

Национальности	г. Петропавловск и Петропавловский уезд	г. Кокчетав и Кокчетавский уезд	г. Акмолинск и Акмолинский уезд	г. Атбасар и Атбасарский уезд	Всего	%
1	2	3	4	5	6	7
Казахи	108293	95632	221463	107919	533307	44,6
Украинцы	92275	127903	71441	46373	337992	28,2
Русские	94571	108460	23386	10907	237324	19,8
Мордва	9125	15615	1764	101	26605	2,2
Татары	14757	3176	2398	835	21166	1,8

Продолжение таблицы 14

1	2	3	4	5	6	7
Немцы	1994	6202	9789	993	18978	1,6
Поляки	9806	149	163	4	10122	0,8
Белорусы	104	738	3713	-	4555	0,4
Узбеки	893	125	1574	34	2626	0,2
Евреи	1007	7	179	-	1193	0,1
Другие	331	1452	932	309	3024	0,3
Итого	333156	359459	336802	167475	1196892	100
Примечание - Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1915 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. – Омск: Электро-тип. Акмол. Обл. Правления, 1917. – 142 с.						

Согласно данным таблицы казахское население в пределах уездов уже не составляло абсолютного большинства 44,6%. Увеличивалась доля других этнических групп, представлявших основную часть переселенческого движения – украинцы (28,2%) и русские (19,8%). Широко представлены и другие национальные группы.

Вопросы этнокультурного и межнационального взаимодействия не ограничиваются только вопросами межличностных контактов, проблемами, семьи и образования. В этих процессах важное значение приобретает и хозяйственное взаимодействие, и участие основных национальных групп в политическом процессе. Таким образом, социально-политическое и хозяйственное влияние на казахское население в ходе административных реформ и активизации переселенческого движения привели к изменениям не только в социально-экономической сфере, но также на бытовом уровне.

2 СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В 1917-1926 ГГ.

2.1 Политические и социально-экономические изменения в регионе в период революционных событий и первые годы Советской власти

После начала февральской революции 1917 года произошло упразднение органов царской администрации, ликвидированы должности уездных начальников. Уже делегаты Тургайского областного казахского съезда, проходившего 2-8 апреля 1917 года, приветствуя создание гражданских комитетов, ходатайствовали о полном уничтожении власти крестьянских начальников «...как отжившего свой век и совершенно бесполезного и вредного для казахов» [63, с. 13].

Последние попытки реформ местного самоуправления были предприняты Временным правительством в период с марта по сентябрь 1917 года. В соответствии с решениями Временного правительства в уездах создаются гражданские, земельные и продовольственные комитеты с управами, обязанные решить административные, земельные и продовольственные вопросы соответственно. Главным отличием новых органов власти от дореволюционных был их бессословный характер, так как первые постановления Временного правительства отменяли сословное деление и провозглашали равенство всех граждан перед законом. Теперь городские думы интересовались вопросами не только хозяйственного, но и общественно-политического, а также «национально-религиозного» характера [267, с. 208-209]. В пределах всего Степного края вводились земские учреждения (волостные, уездные, губернские). В административном смысле земство должно было заменить прежние органы управления (волостные, уездные и т.д.) и войти во всероссийскую систему народного представительства на всех уровнях.

Выборы в волостное земство осуществлялись по мажоритарной системе (то есть прямым и равным голосованием), с избранием 29-50 гласных на волость, которые в итоге и составляли волостное земское собрание. Исполнительным органом становилось волостная земская управа во главе с председателем. Выборы в уездное земство производились по пропорциональной системе, причём города составляли самостоятельный избирательный округ. Срок полномочий управы составлял три года, а председатель переизбирался раз в год. Гласные земства не должны были занимать оплачиваемые государственные и общественные должности. Реформа оказалась незавершённой в виду непродолжительности деятельности подобных учреждений. Не решало земство и вопроса предоставления равного избирательного прав женскому населению, дав определённую фору будущей советской власти.

Именно на земство была сделана ставка казахской интеллигенции в лице партии «Алаш». С его помощью алашцы надеялись укрепить свои автономные национальные интересы и решить земельный вопрос. Практически с самого начала деятели партии показали свою солидарность с Временным

правительством. На пути преобразования государства они стояли на принципах федерализма с требованиями «...введения национально-территориальной общекиргизской автономии» [263, с. 55]. В резолюциях II-го Тургайского областного киргизского съезда в гор. Актюбинске 20-25 августа 1917 г. довольно чётко просматривалось отношение к государственной власти, земельному вопросу и самоуправлению. Решение земельного вопроса, по мнению делегатов съезда, предусматривало полное приостановление переселенческого движения, для чего все спорные земельные участки должны были немедленно возвращаться казахскому населению региона до окончательного поземельного устройства: «...10) За основание землеустройства киргиз должна быть принята норма, выработанная для киргиз степных областей экспедицией Щербины, скотоводческого и скотоводческо-земледельческого хозяйства соответственно районам; 11) Величина земельной общины должна быть по возможности мелка и должна определяться местными землеустроительными учреждениями» [263, с. 55-56].

Альтернативой земства стали в период революционных событий Советы – органы большевистской системы местного самоуправления. Процесс по созданию Советов в регионах Северного Казахстана был неоднороден. Так, состоявшийся в Петропавловске 25 мая 1917 года съезд крестьянских депутатов собрал представителей 47 волостей уезда, кроме вопросов управления, решал проблемы хозяйственных нужд региона. Одним из главных пунктов заседаний стала критика «...организации по закупке хлеба по дешевой цене» [195]. Первые Советы появились в Кустанайском уезде 27 июня 1917 года. На основе инструкций Советов рабочих, крестьянских и киргизских депутатов составлялись инструкции для уездных комитетов для проведения выборов. В инструкции преобладал классовый характер – право участия в них было первоочередным среди «трудового элемента», интеллигенция могла воспользоваться им только в случае признания Советской власти, а «буржуазия и царские чиновники» лишались этого права. Советы делились на сельские, волостные, уездные, областные, городские и всероссийские. В выборах на равной, прямой, тайной и пропорциональной основе могли участвовать представители социалистических партий, достигшие 18-летнего возраста. В ведении Советов находились все местные дела, что отчасти сближало их с земством. Однако, содержались они, в отличие от земств, не на пожертвованиях, а на основе самообложения, утверждённого самим советом [287, л. 6]. Несмотря на единство названия «рабочих, крестьянских и киргизских депутатов», совет действовал исходя из принципов прежней административной системы, уделявшей пристальное внимание раздельному - национальному управлению. Первоначально Советы не являлись доминирующим органом местного самоуправления по причине частой смены власти. Однако, именно они победили в итоге и были положены в основу Советской политической власти.

Северный Казахстан продолжал оставаться крупным земледельческим центром, и от этого во многом зависела его жизнь. В период относительного политического безвременья крестьянство получало определённые дивиденды.

Так, в ноябре 1917 года Тургайско-Уральское переселенческое управление обращалось в Кустанайский уездный продовольственный комитет с просьбой об оказании содействия в возврате взятого в ссуду весной и летом 1917 года населением уезда продовольственного и семенного зерна. Всего из казенных зернохранилищ крестьянами получено 135.813 пудов 7 фунтов. О выполнении просьбы ничего не сообщалось, ссуды предлагалось взимать деньгами (с процентной надбавкой – С.С.) [287, л. 18]. В итоге, ссуды не были возвращены полностью, и это могло стать причиной временного благополучия крестьянского элемента [286, л. 36].

Ситуация в ходе революционных событий и гражданской войны в Северном Казахстане неоднократно менялась. Обсуждение вопросов административного переустройства государства и самоуправления казахская национальная интеллигенция продолжила на региональном уровне в условиях начала гражданской войны. Повсеместно на территории Северного Казахстана летом 1918 года решался вопрос об отношении к временному Сибирскому правительству, так и вопрос о временном комитете народной власти. Отмечалось, что переселение из центральных губерний России должно быть приостановлено вплоть до созыва Учредительного собрания, а решение земельного вопроса передано полностью в руки уездного земства, которое должно «...продолжать работы по улучшению всех особенностей быта и землепользования...» [287, лл. 10-10об]. Итак, основные вопросы местного администрирования были отнесены к функциям уездного земства, при этом отмечалось, что оно «...пока должно быть общее с русским населением..., если последние присоединятся к автономии Алаш. В случае же отказа русских от присоединения к Алаш, киргизские волости должны выделиться в самостоятельную земскую единицу» [263, с. 77].

О деятельности земских организаций в этот период мы можем получить информацию из немногочисленных источников, в которых обсуждались вопросы внутренней организации и возможности участия в активном политическом процессе. Земство занималось вопросами местного самоуправления: административное переустройство волостей, поселков и аулов; земских сборы; способы ведения сельского хозяйства; земская милиция; расходы почтового ведомства; народное образование (в том числе реформа казахских школ); деятельность медицинских учреждений и т.д. Уездное земство пыталось брать на себя функции местной власти. Бездеятельность и беззубость земства в этот период чаще всего объяснялась отсутствием материальных средств. Еще в 1918 году их планировалось получать в виде беспроцентных кредитов от центральных ведомств белых правительств. Эти намерения не реализовались, а финансовые структуры земства слились с городскими. Снижали эффективность земств слабость финансовой поддержки и недовольство его деятельностью со стороны населения [335].

В течение гражданской войны и первых послевоенных лет велся спор о создании новой административной системы в пределах Западной Сибири и Северного Казахстана [75, с. 115]. В ноябре 1919 года, когда началось обсуждение границ автономии, и вскрылось наличие противоречий. Они и

породили в январе 1920 года создание согласительной комиссии для урегулирования административно-территориального межеевания. В качестве представителей Кирревкома к решению вопроса активно подключились бывшие лидеры казахского национального движения «Алаш-Орда». Временно реабилитированные советской властью, они намеревались реализовать автономный принцип функционирования национальных единиц в системе единого государства. Возник предмет дискуссии, которая продолжалась вплоть до конца 1920 года.

16 сентября 1920 года постановлением Челябинского губисполкома территорию Кустанайского уезда передали КАССР, окончательно решив вопрос к 1 октября. Учредительный съезд в Оренбурге 4 октября 1920 года присоединил уезд к Оренбургско-Тургайской губернии КАССР [336, с. 77]. Уже в отчётных материалах Челябинского губернского статистического бюро за 1921 год нет даже упоминания о том, что Кустанайский уезд некоторое время входил в состав губернии [155]. Дискуссия завершилась, создав устойчивый механизм решения внутренних административно-территориальных вопросов волевым решением центрального партийно-политического руководства страны.

Изменилась в связи с территориальным переустройством и система местной власти. В начале 1920 года упразднились ревкомы, с восстановлением местных органов власти в аулах, сёлах и волостях. Изменения административного устройства происходили активным образом и в других частях Северного Казахстана. Основная работа была завершена весной 1921 года, когда были окончательно сформированы губернии и уезды республики. 25 апреля 1921 года была создана Акмолинская губерния КАССР с центром в г. Петропавловске. По сведениям губернского статистического бюро национальный состав населения выглядел следующим образом: казахи – 362.053 человека (34%), русские – 418.264 (39,3%), украинцы – 222.075 (20,9%), немцы – 22.497 (2,1%), татары – 19.224 (1,8%), мордва – 10.479 (1%), другие – 9.601 (0,9%). Итого в губернии проживало 1.064.193 человек. Бюро оговаривалось, что в отношении казахского населения данные неточны в связи с неполным учётом. Сельское население губернии составляло 93,8%: оседлое – 63,7% и кочевое 36,3% [53, с. 180-181]. В феврале 1921 года из Омской губернии был возвращен Павлодарский уезд. В октябре 1921 года в его состав из Омской губернии передавалось 11 волостей [45, с. 13].

Вопросы политического переустройства прямым образом сказывались и на особенностях экономического развития Северо-казахстанского региона. Хозяйственные вопросы решались путем проведения безудержной продрозвёрстки, для чего создавались новые административные единицы – районы, ещё более упрочившие вертикаль местной власти: губерния – уезд – район – волость – населенный пункт. Для скотоводческого и скотоводческо-земледельческого хозяйства предлагалось изъятие десятой части скота в переводе на крупный рогатый скот, затем эта цифра увеличилась до 1/8. Для земледельческого хозяйства норма продрозвёрстки составляла 12 пудов зерна и 1 пуд крупы (либо 7 пудов картофеля) с человека [337, с. 2].

О масштабах продразвёрстки и её последствиях свидетельствуют многочисленные данные. В феврале 1920 года повсеместно создавались чрезвычайные комиссии по развёрстке хлеба. Излишнее рвение по «спасению дела революции» не заставило себя ждать. План заготовки пшеницы по продразвёрстке для Кустанайского уезда на 1920 год составил 5.000 тыс. пудов хлеба [63, с. 52-53]. Для примера на все другие уезды Челябинской губернии в 1920 году по плану развёрстки приходилось 10.843 тыс. пудов хлеба: Челябинский уезд – 4.238 тыс. пудов, Курганский уезд – 3.232 тыс. пудов, Троицкий уезд – 1.469 тыс. пудов, Куртамышский уезд – 997 тыс. пудов, Уральский – 250 тыс. пудов, Миасский уезд – 706 тыс. пудов [155, с. 7]. Вскоре речь уже шла о полном обнищании населения, которое сопровождалось в 1920-1921 году и полным неурожаем. Планы продразвёрстки в Кустанайском уезде только в 1920 году в два раза превзошел валовой сбор урожая – 5.000 тысяч пудов против 2.703 тысяч пудов. Планы усиления продразвёрстки росли. «Крестьяне... относятся враждебно к хлебной развёрстке, - описывал ситуацию в районах Северного Казахстана военком Николаев, - враждебство вызвано до некоторой степени репрессиями продотрядов... .. весь семенной хлеб берут в развёрстку, крестьяне все почти говорят, что будем сеять в 1921 году и кто будет его весной давать» [300, л. 14].

В Петропавловском уезде за период с 1913 по 1922 год посевная площадь уменьшилась со 150 до 94 тысяч десятин, поголовье скота с 705 до 320 тысяч голов, сбор зерна с 4.751 тысячи до 823 тысяч пудов. Всё это сопровождалось изъятием по продразвёрстке хлеба, мяса, масла, фуража. Естественно, планы подобных мероприятий не выполнялись, в чем советская власть видела саботаж. Усиливалась массовая борьба с кулачеством. «Зеленые банды», недовольные продразвёрсткой и жесткой политикой власти в августе-сентябре 1920 года появились повсеместно по всем уездам Северного Казахстана. Одним из наиболее крупных выступлений стало Есильское восстание 1921 года. Власть подавляла выступления при помощи регулярной армии [60, с. 53-54].

Недовольство жителей уездов Северного Казахстана силовыми действиями власти отмечалось повсеместно: «Административная власть занимается в основном продразвёрстками и подводной повинности. – Сообщается в докладе об организационном и политическом положении в Кустанайском уезде за 1920 год. - ...В политическом отношении настроение населения уезда понизилось, вследствие усиленного проведения развёрсток и неурожая, как хлебов, так и трав...» [295, л. 4]. В этот период регламентировались и торговые отношения, продаже одним человеком подлежало небольшое количество печёного хлеба, одна туша мяса и ряд ненормированных продуктов – типа творога, сметаны, рыбы, яиц, птицы, овощей, табака местного производства. Торговля разрешалась лишь крестьянам выполнившим планы продразвёрстки, а «...продукты, не поименованные в настоящем приказе, привозимые на базарные площади, подлежат реквизиции...» [282, л. 9]. Практика полного изъятия пищевых ресурсов у крестьянства и кочевников стала причиной массового голода 1921 года среди населения Северо-казахстанского региона.

В условиях жесточайшего хозяйственного кризиса в марте 1921 года центральное правительство вынуждено было заявить о начале новой экономической политики. Продразвёрстка была заменена продналогом, для земледельческих хозяйств, сниженного в два раза; скотоводческий налог, в связи с почти полным уничтожением поголовья снижался в 6 раз, а для кочевого населения вообще не предполагался [337, с. 4]. Эти показатели говорили лишь о масштабах кризиса. Массовый голод было уже не остановить. В 1921 году, урожай в 5 раз уступал предыдущему году. Так, в Кустанайском уезде было собрано всего 446 тысяч пудов. Голодный период, начавшись ещё в 1920 году, с большой остротой проявлялся вплоть до 1922 года, а его следствие ощущалось в последующее десятилетие и стало одной из причин голода 1930-х годов. В этот период резко снижаются посевные площади, что сказалось на общем состоянии сельского хозяйства, большей частью уже земледельческого [338, с. 65].

На основе данных 1922 года мы можем говорить о катастрофическом положении земледельческих хозяйств в Северо-казахстанском регионе. Голодные 1921-1922 гг. привели к серьёзным демографическим изменениям. В это время отмечались встречные волны переселения, что лишь пополняло армии голодающих. Статистические данные о размерах голода весьма масштабны и противоречивы. О продовольственном кризисе говорили цифровые показатели предыдущих лет. Площадь посева в Кустанайском уезде в 1919 году составила 721.408 десятин, хлеба собрано – 30.336.250 пудов, что составило 86,5 пудов на едока. Для сравнения показатели 1921 года составили 286.629 десятин засева, при 3,4 пудах собранного урожая на едока [209].

В 1922 году, несмотря на резкое увеличение урожая более чем в 20 раз по сравнению с голодным 1921 годом, с началом посевной кампании население столкнулось с серьёзными трудностями. Речь шла о нехватке семенного материала, о чем сообщалось в бюллетенях 3-го Кустанайского Съезда Советов: «...в период посевной кампании на ст. Карталы не доставлены семена и, таким образом, киргизское население было поставлено в невозможные условия. Перед трудовым киргизским населением снова стоит угроза голода. ...при решении этого вопроса на 2 съезде советов было постановлено, чтобы семенами удовлетворять отдалённые районы, причём Федоровский был поставлен в последнюю очередь, что, однако, соблюдено не было. Принцип снабжения семенами также не был соблюден» [88]. В 1923 году посевные площади увеличились по сравнению с 1922 годом лишь на 5,5%, средняя урожайность зерновых составило лишь 12 пудов с десятины (при средних показателях по КАССР – 16,3). Сбор на 1 душу населения в 1923 году по всей Кустанайской губернии составил всего 10,1 пуда, тогда как в предыдущем 1922 году - 28,5 пудов. В целом валовой сбор урожая в 1923 году составил лишь треть от урожая 1922 года [21, с. 94-102]. Лишь выделение государством семенного материала в 1924 году позволило избежать очередного массового голода населения.

К весне 1923 года в отчётах говорилось о преодолении кризиса в сельском хозяйстве, в первую очередь земледельческом, достигшем 75% довоенных

показателей. Тем не менее, крестьянство продолжало оставаться в тяжёлом положении, о чем сообщалось как на региональном, так и на общереспубликанском уровне: «Во-первых, цены на хлеб, ввиду закрытия выхода за границу, отнимавшей в старое время 400-500 миллионов пудов хлеба в год, стоят довольно низкие. В среднем они равняются 40-70 золотым копейкам. Во-вторых, налоги, установленные Советским правительством для сокращения эмиссии, обременительны для крестьянства, многообразны и взимаются и в натуральной и в денежной форме, что также ставит крестьянина в затруднительное положение. Наконец, в третьих, наш государственный аппарат стоит очень дорого, до сих пор ещё очень плох и крестьянской массе чужд и не всегда понятен» [236, с. 7].

В это же время появилась порочная практика искать выход из сложившейся ситуации в декларативном планировании будущего, либо в «кампанействе». Реальные дела теперь заменялись лозунгами типа: «Путь к урожаю – через науку и знание», «У кого ранний пар, у того будет хлеба полный амбар» и так далее. Делались попытки привлечения крестьянина к высадке новых культур – допустим, кукурузы, которая, в 1922 году, для стимулирования посевов, не облагалась никакими налогами [210].

Крестьянин ещё находился на перепутье между прежними способами хозяйственной жизнедеятельности (община и отруб) и коллективно-коммунальным хозяйством, на котором всё более настаивала новая советская администрация. Снижение урожая, как и голодные годы, власть считала следствием спекуляции, деятельности саботажников, срывающих расширение посевов. Причем увеличение посевных площадей определялось как главная возможность выхода из кризиса.

В периодической печати и официальных материалах постоянно шла речь о тяжёлом положении коренного населения. Критика его хозяйства, была связана, главным образом с нежеланием кочевников воспринимать земледельческий опыт переселенцев: «Ещё тяжелее положение киргизского скотоводческого населения. Киргиз страдает прежде всего от земельного неустройства и тех страшных потерь скота, которые он понёс в тяжелые голодные годы. За последние годы в киргизском хозяйстве начинает завоёвывать себе место и полеводство» [237, с. 12].

Ещё в ноябре 1920 года в период оформления автономии СНК КАССР был принят декрет, заявлявший о приостановке крестьянской колонизации. Далее согласно декрету КирЦИК от 7 февраля 1921 года казахам возвращались свободные участки земли в Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской губерниях. Декретами закреплялся и возврат казахам земель, переданных в дореволюционный период Сибирскому и Уральскому казачьим войскам. В результате межеваний земли летом 1922 года казахское население в Кустанайском уезде получило более 44 тысяч десятин земли. В Акмолинской губернии землеустроительные работы проводились в Боголюбовской, Явленской, Архангельской, Токушинской, Дубровинской, Булаевской, Лебяжинской, Полтавской, Сарайгырской, Тайинчинской, Вельтесорской волостях. На 35 крупных переселенческих участках губернии было

дополнительно устроено 350 казахских хозяйств. В Кокчетавском уезде весь свободный земельный фонд был передан казахам. В Петропавловском уезде в 1922 году было передано казахскому населению для общего пользования 50 переселенческих участков, 35 участков по 10-верстной казачьей полосе и около 10 бывших частновладельческих участков и оброчных статей [35, с. 115].

В сложных условиях усиленного администрирования всей хозяйственной деятельности под особый контроль попадают незасеянные пахотные земли, наличный рабочий скот, а также все трудоспособное население. От трудовой повинности весной 1921 года, непосредственно перед началом голода, в посёлках, станицах и аулах освобождались «...на каждые пятьсот дворов пять человек и одна обозная лошадь» [280, л. 18; 283, л. 3].

Одним из факторов перехода казахов к оседлости являлась система стимулирования, которая нередко декларировалась в постановлениях о работе среди местного населения: «Тягу среди киргизской бедноты к земле надо поощрять не случайными и единовременными мерами, а рассчитать на ряд лет. – Сообщалось в одном из подобных документов. – Необходимо ввести премирование за огородничество, за улучшение молочного скота, за вывод стойкой рабочей лошади, за культурное полеводство и т.д. Огромным толчком к освобождению от патриархально-родового гнёта могут служить такие, например, мероприятия, как полное освобождение в течение трёх лет от государственных и местных налогов киргизских кустарей-рабочих (сапожников, кузнецов, колесников и т.д.), живущих в оседлых киргизских аулах, перешедших к земледелию, как главному основному промыслу, освобождение в течение двух лет от всяких налогов киргизских сельскохозяйственных артелей, организуемых батраками, и частичное освобождение единоличников киргиз, перешедших на оседлость и ведущих своё хозяйство исключительно силами собственной семьи. Кроме этих льгот, необходимо укрепить положение оседлых киргиз земледельцев отпуском им на льготных условиях с.-х. живого и мёртвого инвентаря...» [238, с. 18]. Когда кочевое население стремилось к переходу в оседлость, власть относилась к этому с недоверием, о чём свидетельствовали газетные материалы: «Караобинская конференция (киргизская) Урицкого уезда, постановляет: ввиду того, что киргизское хозяйство почти разрушено сильным голодом, просить государство помочь семенами. Просит рассеять предубеждение против киргизского населения о неспособности и нежелании работать по сельскому хозяйству. Это предубеждение повлекло за собой в прошлом году (1922 – С.С.) уменьшение выдачи семян киргизскому населению в сравнении с остальным населением» [239, с. 32-33]. Значительно сокращается поголовье скота в 1921-1922 годах. По сравнению с показателями 1914 года оно составило 60-77% по разным категориям. На 71% сокращается поголовье лошадей и другого рабочего скота [235, с. 24].

Меры по искоренению проблем в сельском хозяйстве чаще не помогали. Статистические сведения о хозяйствах Северо-казахстанского региона оказались необходимыми для сбора сельскохозяйственного налога, который должен был облегчить участь аграриев (учёт облагаемых налогом хозяйств был

закончен к 25 июля 1923 года). Половина всего налога взималась деньгами, половина – натурой. Определялись размеры налога и для скотоводческих хозяйств. Для кочевого населения (как бывшего голодавшего) предполагалась 20% скидка, 5 % скидки с бедняцкой части. Вычетались посевы, погибшие от стихийных бедствий (их размеры, правда, выявлять не торопились).

Комиссии Последголода выясняли убыль населения, подвергали учёту оставшийся скот, инвентарь, посевные площади. Характеристики состояния хозяйства часто оказывались приблизительными, поскольку трудно поддавались учёту и оценке. В итоге был разработан план восстановления аграрного сектора, подразумевавший «...выдачу семенных ссуд, пособие на приобретение инвентаря. Роздано семян озимых до 100 т. пудов, яровых 143 т. пуд., скота через сельскохозяйственную кооперацию и непосредственно ГЗУ и послеголодом свыше 1500 голов» [240, с. 23]. Данных мер было недостаточно, в связи с чем, сельское хозяйство будет регулярно лихорадить, а его население постоянно будет находиться на грани голода.

В сельскохозяйственной сфере очень сильно ощущалась социальная дифференциация: кулачество и байство, середняки, бедняки и батраки. Эти вопросам уделялось значительное место в исследовательской литературе советского и постсоветского периода. При этом отмечалось, что значительную часть, вплоть до конца 1920-х годов, в этих социальных слоях составляли либо зажиточные хозяйства, либо бедняцкие с определённой тенденцией к осереднячиванию [44, с. 83-89].

В торговле ставка делалась на усиление государственного сектора. Посредниками между крестьянами и государством, по мнению местных администраторов, должны были стать кооперативные объединения [240, с. 24-25]. Особое внимание придавалось теперь агрономической агитации с отказом от «дедовских приёмов» в ведении хозяйства. Реклама достижений народного хозяйства велась через проведение традиционных сельскохозяйственных выставок, распространение в опытных и коммунальных хозяйствах новых сельскохозяйственных машин (тракторная эпопея) и многое другое. Всё чаще в сельское хозяйство привлекаются агрономы, дающие советы по интенсификации ведения земледельческого хозяйства [210; 226]. Правда, часто отмечалась их невысокая квалификация, а также невысокий уровень оплаты, несколько не привлекавший их к работе на земле [154, с. 106].

Отношение к кочевому хозяйству, в большей степени оказывалось декларативным, а помощь ему выражалась в усиленной агитации к переходу на оседлость. В условиях изменения традиционного хозяйства бывших кочевников, поддержка «...оказывается за счёт особо ассигнуемых государственных средств... а) выдачей в кредит с рассрочкой платежа на десять лет живого и мертвого инвентаря, б) выдачей натурой семенного материала с рассрочкой возврата на пять лет, в) бесплатным отпуском лесных материалов на постройку домов и хозяйственных зданий, г) освобождением от государственных и местных налогов сроком до пяти лет и д) агрономической помощью» [154, с. 38].

В условиях экономического кризиса часть предприятий пыталась избавиться от старого сельхозоборудования [199]. В первые годы советского режима практически не изготавливались сельскохозяйственные машины и орудия на российских заводах. Прекратился ввоз техники из-за границы. Общее её количество сократилось в 1,5-2 раза, о чём сообщалось в официальных статистических сборниках: «При выяснившихся голодных перспективах не приходится говорить о расширении хозяйства, которое в течение предстоящего года, вероятно, потерпит значительный ущерб в силу распродажи живого и мёртвого инвентаря и сокращения посевных площадей» [21, с. 108].

Резкое снижение посевных площадей при голодающем населении не позволяло интенсифицировать ведение хозяйства. В условиях кризиса использовались менее совершенные орудия труда, либо ручной труд. В связи с резким сокращением населения росло количество орудий труда в среднем на хозяйство, правда, использовать их, в связи с полным отсутствием урожая, не представлялось возможным. «Обращаясь теперь к цифрам 1922 года, - сообщалось в «Экономическом очерке Западной Киргизии» за 1923 год, - мы видим относительное, так сказать, обогащение инвентарём; на одно орудие приходится гораздо менее десятин посева, чем в 1920 году. Если принять нагрузку одного плуга и жнейки в размере 1920 года, то часть орудий должны стоять без дела» [338, с. 69]. Авторы подобных рассуждений приходили к выводу, что использование орудий труда, более усовершенствованных не могло повлиять на ситуацию. Главные причины кризиса хозяйства виделись в отсутствии рабочего скота. Без него использование сельскохозяйственных орудий труда не имело никакого смысла. Голодные годы поставили население на грань выживания и об усовершенствовании технических средств в хозяйственной деятельности речи не велось.

Лишь с началом Новой экономической политики началось создание обществ сельскохозяйственного кредита, которые и занялись активной пропагандой продажи сельскохозяйственных машин и кредитованием на покупку сельскохозяйственного инвентаря [212]. Единоличные хозяйственники не особо стремились к покупке новой дорогостоящей сельскохозяйственной техники. Поэтому рекомендовался и предоставлялся долгосрочный кредит на её покупку преимущественно кооперативам, товариществам, артелям на срок от 1 до 5 лет в зависимости от стоимости машины [213].

Кустанайское губернское земуправление, решая проблему недостатка технических средств в сельском хозяйстве, летом 1922 года отремонтировало 300 единиц землеобрабатывающих машин и орудий для проката местному населению. Отдел сельского хозяйства в целях интенсификации аграрного производства, к марту 1923 года провёл работу по организации Кустанайской сельскохозяйственной опытной станции, использовав оборудование и опыт работы Львовского опытного поля, организованного ещё в 1912 году [241, с. 37]. Ориентируясь на отчёты и данные Львовского опытного поля, агрономы давали советы не только о использовании современной сельскохозяйственной техники, но и приёмов агрономической науки. В частности отмечалось, что «...посевы озимой пшеницы дали урожай только на тех площадях, где было

произведено задержание снега, а участки, оставленные без задержания вымерзли... На Львовском опытном поле снег задерживался деревянными щитами или... при помощи стеблей подсолнечника» [227].

Часть техники восстанавливалась, ремонтировалась и сдавалась в прокат. Естественно, что даже по сравнению с уровнем довоенного периода её использование оказывалось не столь значительным. Но фактическая неустроенность часто заменялась «фантастическими историями о недалёком светлом будущем». Так, при подготовке к Всероссийскому сельскохозяйственному смотру в 1923 году, журналистами, рисовался крестьянский быт с усовершенствованными орудиями труда, среди которых встречается даже «...электро-плуг, обрабатывающий коммунальные нивы деревни будущего...» [242, с. 36-37].

Все большее внимание уделялось агрономическим нововведениям, невозможным, правда, без усовершенствованной техники. В материалах периодической печати предлагалось усилить предпосевную обработку почвы, для чего использовать культиваторы и дисковые бороны: «Только при строгом выполнении всех указанных приемов предпосевной обработки полей, - заявляет автор материала, - крестьянин может получить хороший урожай яровой пшеницы в нашем засушливом районе» [214].

Одним из условий повышения урожайности считалось и создание «уголков агропропаганды». В них предлагалось выделять следующие направления: земельная политика, землеустройство, труд, полеводство, огородничество, животноводство и вредители. Допустим, в разделе полеводство планировалось говорить о следующем: «Надо собрать и выставить несколько образцов колосьев, к примеру, ржи или пшеницы, от самого крупного с полновесным зерном и до самого мелкого со щуплым и дряблым зерном. Под каждым колосом надо указать: фамилию хозяина, образец почвы, способ обработки земли (плуг, буккер, соха), глубину пахоты, время посева, способ посева (разбросной, рядовой, широкорядный), удобрение, севооборот, количество высеянных семян и их качество, сбор урожая в пудах, образец соломы» [243, с. 58-59]. Во многих материалах говорилось о преимуществах агрономических нововведений, главным образом земледельцев-практиков [228].

Отсутствие агрономических новшеств чаще всего объяснялось бедностью большинства земледельческих хозяйств, не имеющих элементарных средств для обработки земли, рабочего скота. «Возьмём, в частности, нашу губернию (Кустанайскую – С.С.), - писалось в газете «Красная степь» от 15 февраля 1924 года, - У нас 15% крестьянских хозяйств не имеет рабочего скота, а хлеб всегда засеивает при помощи других. Затем у нас 25% хозяйств имеет по одной голове рабочего скота...» [215].

«Будоражили умы» живших патриархальным строем сельчан, новые диковинки сельскохозяйственной техники. В первую очередь трактора. Читатели местных газет задавались вопросом о покупке трактора, на что получали ответ, что трактор можно приобрести в Москве, либо через сельскохозяйственный склад. Однако делалось пояснение, что «...приобретение трактора в губернии вопрос весьма сложный. Трактор требует тщательного за

ним ухода. Если есть трактор – необходимо будет открыть ремонтную мастерскую... должно организовать краткосрочные курсы механиков трактора. Нужно списаться, сговориться с другими коллективами (общества, артели), желающими приобрести трактор, и когда таких найдётся 5-6, можно дело не откладывать в долгий ящик» [216].

Первые трактористы становились безусловными героями. В губерниях Северного Казахстана появлялись десятки и сотни тракторов [229]. В большинстве своём тракторы поступали из-за границы (главным образом американские «Твен-Ситти», «Фордзон», «Интернационал»). Шла активная реклама и отечественной техники. Так в газете «Степной крестьянин» от 3 октября 1924 года отмечалось: «...Испытание показало, что советский трактор своей приспособленностью к сельскохозяйственным работам превосходит американский» [230]. В 1924 году стоимость трактора указывалась в сумму не менее 300 червонцев.

Тем не менее, крестьянство продолжало чаще всего жить прежними уложениями, рассуждая на тему, что лучше «сабан» или «буккер». Вскоре эти споры закончатся в связи с массовым созданием коллективных хозяйств (колхозов), сопровождавшихся ликвидацией единоличных хозяйств, артелей и кооперативов и жесткой унификацией всего сельскохозяйственного производства. Не сумев, в итоге, решить аграрного вопроса, власть пошла по привычному пути насилия. Результатом такой политики станет повальная коллективизация и голод, унёсший жизни миллионов людей по всей стране.

Демографические особенности и возраст населения влияли на экономический потенциал всего Северо-казахстанского региона. В первые годы советской власти официальным возрастом вхождения в рабочее состояние считались 14 лет. Вместе с тем активно использовался и труд малолетних. Так, в газете «Советская правда» от 29 ноября 1919 года сообщается: «Отделом труда издано постановление, запрещающее приём на работы подростков моложе 14 лет. Во всех предприятиях, где работают малолетние, устанавливается рабочий день не свыше 4 часов для подростков в возрасте от 14 до 16 лет и 6 часов - от 16 до 18 лет. С уменьшением рабочего времени не допускается понижение заработной платы: труд подростков должен оплачиваться как 8 часовой рабочий день» [258]. Выглядит весьма сомнительным исполнение подобных постановлений. С 1920-х годов даже продовольственный паек зависел от социально-классовых характеристик и работоспособности всех категорий населения: «С 25 июля сего года (1920 – С.С.) в г. Кустанае, - говорится в объявлении Кустанайского районного продовольственного комитета о введении продовольственного пайка, - вводится классовый продовольственный паек, коим все граждане города разделяются на соответствующие категории в зависимости от их социального экономического положения, а также и трудоспособности каждого члена семьи...» [304, л. 3]. Мы можем сделать вывод о реальных условиях раннего вхождения населения (с 12-13 лет) в активную трудовую деятельность [318, с. 71-72]. Повальное участие подростков в производственной сфере касалось, главным образом аграрного сектора, что объяснялось традиционным укладом

как крестьянского, так и кочевого хозяйства. В промышленной сфере подростки были задействованы, по официальным сведениям, незначительно. Так, по данным промышленной переписи 1920 года среди наемных работников на предприятиях Кустанайской губернии число малолетних (т.е. не достигших 16 лет – С.С.) составляло всего 7,5% [339, с. 43]. По данным той же переписи отмечается и незначительное присутствие в промышленной сфере женского населения, что вполне объясняется тяжёлыми условиями в производстве и его спецификой.

Из общего количества занятых в промышленности лиц, женщины составляли лишь десятую часть. Незначительное их количество было представлено, не только в числе наёмных работников и среди членов артелей, но и в категории служащих. Значительная часть женского населения участвовала в работе частных производств, будучи членами семей владельцев предприятий [339, с. 41]. Главной сферой применения женского труда был аграрный сектор, представленный в основном ручным трудом. Работа в поле носила сезонный характер, поэтому значительная часть женского населения оставалась без постоянной работы в осенне-зимний период.

В начале 1920-х годов к крупным предприятиям относились те, в которых работали 30 человек без двигателя, т.е. занятые ручным трудом, или предприятия на которых работали 16 человек с двигателем, т.е. с использованием механизмов. Все остальные предприятия считались мелкими (кустарными). Большинство мелких предприятий носило сезонный характер и их количество зависело от количества собранного урожая. В городской местности в кустарных предприятиях было задействовано незначительное количество населения не более 3% от всего наличного и не более 10% работоспособного. Голодные годы воспринимались как следствие неурожайных лет и отсутствия продовольствия. Решение проблемы виделось в увеличении переработки сельскохозяйственного сырья и создании новых мест в промышленной сфере и снижении продналога. Ещё один выход из сложившейся ситуации усматривался в создании единой системы кооперирования и борьбе с частным имуществом. Коммуны начали появляться ещё в докризисный период, по сути, дискредитировав себя к весне 1922 года, когда выяснилось, что большинство из артелей действует фиктивным образом. Очередная агитация кооперативного хозяйства началась с весны 1923 года. Реклама их представлялась как убедительное доказательство преимуществ новой советской идеологии: «Если киргизы стремятся создать «свой», киргизский кооператив, необходимо убедить их, чтобы он вошёл в общую сеть единого кооперативного союза. Если русские кооперативы обособляются от киргиз, бороться надо с этим. В кооперации также надо создавать братство трудящихся всех национальностей, а не отгораживаться друг от друга национальными перегородками, т.к. национальная рознь выгодна только врагам Советской власти. ...Среди киргиз кооперацию надо строить, изучая их быт и уклад хозяйственной жизни. Если назрела потребность в создании кооператива в районе с кочевым скотоводческим хозяйством, то тут может развиваться кооператив скотоводческий..., наоборот, в районе, где киргизы занимаются

главным образом земледелием, там можно организовать с.-х. производственные артели» [244, с. 28-33]. Подобная агитация единой экономики для всего населения окончательно разрушала прежнюю систему традиционного хозяйства кочевников. По данным 1923 года, допустим, в Павлодарском уезде из 100 казахов лишь 53 занимались исключительно скотоводством и вели кочевой образ жизни [69, с. 20-21].

Промышленная сфера, значительно сокращенная в годы Первой мировой и гражданской войн функционировала с огромным трудом, изъяты новой властью у частных собственников предприятия, из-за отсутствия сырья и специалистов нередко меняли свою первоначальную специализацию. В протоколах ревкома с сентября 1919 года встречается подобная информация: «...пущен в ход национализированный ревкомом завод Т-во «Кроль», который приступил к работе. Из оставшегося там пива изготовляют уксус, из ячменя же приготавливают кофе...». После создания Совнархоза начался учёт мельниц, кустарных и кооперативных производств, немногочисленных заводов, организуется вывоз сырья: «...Производство, организованное Совнархозом при отсутствии транспорта (все подводки заняты для военных нужд), - сообщается в отчёте от 30 ноября 1919 года, - сейчас приблизительно выражается в таких цифрах: полушубков 65 шт., валенок 60 пар, шапок 35 шт., ковка лошадей до двух сот в день. Подсолнечного масла 40 пудов день (семян подсолнечных давится до 200 пудов в день), свечей 13 пудов. Кроме кооперативных и кустарных мастерских, пущено в ход два мыловаренных завода, свечной, маслодельный. Взято в заведение Совнархоза около 400 мельниц (паровых, водяных и ветряных). Организованный транспорт состоит из 45 подвод, что конечно, очень недостаточно на такой уезд. ...Все, что нельзя выработать на месте, посылается для выработки в центр. Крупного кожевенного сырья, отправлено в центр 11 вагонов, предназначено для отправки в Казань 10 вагонов, остается до распоряжения центра и Губсовнархоза 43 вагона крупного кожевенного сырья. Мелких сырых кож до 170 тысяч по спискам Совнархоза, ждут отправки; необходимо прислать упаковочных средств как то: рогож и веревок. Отправлено 37 вагонов шерсти в распоряжение центра. Ощущается недостаток в железе и особенно в нефти (в городе никак нельзя восстановить электричество – это, конечно, задерживает работу). ...Ежедневно принимается до 250 пудов шерсти, заготовлено для отправки еще 5130 пудов» [259, с. 2]. Промышленный потенциал уездов Северного Казахстана не выглядел впечатляюще, в основном это предприятия первичной обработки сырья, непосредственным образом связанные с аграрным сектором. Постоянно велась речь о необходимости организации дополнительных производств.

Вопросы национально-территориального переустройства региона привели к особым попыткам Челябинского губисполкома сохранить хозяйственный контроль, допустим, над Кустанайским уездом. Вплоть до конца июля 1920 года о необходимости такого положения говорилось губернскими властями, настаивавшими на том, что регион тесно связан сообщением, дорожным транспортом, снабжением с Челябинском, а не Оренбургом. «...В экономическом отношении устанавливается полная зависимость Кустаная от

Челябинска и Урала, - сообщил председатель губернской административной комиссии Ю. Рожков, - тем более, что старые экономические пути продвижения Кустанайского сырья (хлеб, скот, шерсть, мясо) и скотопрогонные пункты идут в направлении на южный и средний Урал через Челябинский, Верхнеуральский и Троицкий уезды Челябинской губернии: равно как и обратное движение леса, строительного материала, железа и железных изделий, сельскохозяйственного инвентаря, семян идёт через те же уезды. Все предметы первой необходимости: чай, сахар, одежда, сбруя, кибиточные решетки и т.д. приобретались и будут приобретаться самими киргизами на севере: в пределах Урала и Челябинской Губернии. Изменить естественный ход товаров, направив его в сторону Оренбурга не только экономически нецелесообразно. Туда нет до иных чем через Челябинскую губернию. К тому-же в будущем финансирование всех заготовительных операций Республики в Куст. уезде можно будет провести только через Челябинск» [305, лл. 1-1об]. Удивительно, но уже в отчетных материалах Челябинского губернского статистического бюро за 1921 год (с анализом сельского хозяйства в 1916, 1920 и 1921 годах), о подобном рвении ничего не сообщалось, как и о том, что Кустанайский уезд некоторое время входил в состав губернии. Косвенное недовольство отмечалось лишь в замечании председателя статистического бюро В. Немчинова о том, что «...Оренбургская земская статистика и Тобольская переселенческая статистическая организация, существовавшие сами не больше трех-четырёх лет и имевшие свои центры чрезвычайно далеко от наших уездов (от Челябинска до Оренбурга, например, расстояние по железной дороге почти равно расстоянию от Челябинска до Москвы), не оставили нам не только подготовленных работников и сети первичных органов, но даже и статистических материалов» [155, с. 1].

Аграрный характер местного производства и его кустарность осложнялись по причине невозможности хранения сырья, выход из ситуации виделся в организации дополнительных предприятий. В многочисленных ходатайствах речь шла «...о переводе из центральных заводов соответствующих машин...» [289, л. 82].

Состав промышленных предприятий того же Кустаная в 1920 году согласно данным определялся следующим образом: к крупным - относились предприятия из 30 человек, без двигателя или на 16 человек с двигателем – таковых насчитали 43; все остальные – мелкие. Всего было обследовано 1.154 предприятия (154 из них в городе). Основная часть производства мукомольные предприятия, которые в дальнейшем будут переживать серьезный кризис в связи с неурожаями последующих лет и их учёт, в связи с этим будет значительно осложнен. В сельских местностях задействовано в производстве 3.494 человека, в городе – 652 [235, с. 25]. Большинство предприятий кустарного типа (а их оказывалось большинство) носило сезонный характер и их количество напрямую зависело от количества собранного урожая. Даже в городской местности в них было задействовано незначительное количество населения не более 3% от всего наличного и не более 10% работоспособного.

Продовольственный и хозяйственный кризис ощущался и в годы Новой экономической политики, сопровождаясь и финансовыми трудностями. Многократно росли цены, в городах заработная плата не выплачивалась месяцами. Все это при условии неурожая, административного давления и роста классовой борьбы с «кулачеством», в любой момент могло привести к новому голоду. В промышленной сфере отдельным предприятиям удавалось удерживаться на плаву, что, судя по отчетам, уже считалось безусловным успехом.

Одной из проблем начала 20-х годов XX века стала безработица. В связи с неурожайными и голодными годами часть крестьянских хозяйств разорялась, и крестьяне в поисках заработков устремлялись в город. Статистики отмечали, что созданные биржи труда не могли охватить всех безработных. Количество зарегистрированных на биржах увеличивалось в зимний период и снижалось к лету с началом полевых работ. Так, в Акмолинской области к маю 1922 года количество стоящих на бирже безработных достигало почти 2.500 человек, в августе их количество снизилось до 96 человек. Подобная ситуация была характерной для всего Казахстана. Так, орган Центрального статуправления КССР «Статистический вестник» сообщает: «Такая же картина наблюдается и в Семипалатинской губернии, где до июня кривая находилась почти на одной высоте. К июню она падает с 3912 человек до 1892... перерегистрация на сентябрь месяц дала 90 человек» [340, с. 68-69].

Активный учет численности рабочих и служащих предприятий губернскими секциями статистики труда начался с июля 1922 года, а затем продолжился с периодичностью в каждые полгода. Несмотря на все приложенные усилия, данный учёт нередко оказывался приблизительным. По разным регионам недоучет работников доходил до 6-7% [24, с. 71-72]. Подобные цифры мы можем объяснить тем, что сезонные работы в Северо-казахстанском регионе были явно связаны с сельским хозяйством, и большая часть рабочих оказывалась в весенне-летне-осенний период вовлечённой в аграрный сектор, либо в другую деятельность, не подвергнутую учету. Численность безработных увеличивалась за счет различных категорий работников, не только «чернорабочих», но и квалифицированных. По данным местных бирж труда за первую половину 1924 года количество зарегистрированных безработных росло ежемесячно: на 1 января – 627 чел., на 1 февраля - 818 чел., на 1 марта – 1.006 чел., на 1 апреля – 1.234 чел., на 1 мая – 1.639 чел., на 1 июня – 1.839 – чел. Трудоустроивался в среднем лишь каждый десятый. Ситуация начала меняться к лету 1924 года, только в июле уже трудоустроилось 535 человек. Предполагаем, что для улучшения цифровых и качественных показателей в стране с октября 1924 года начался пересмотр принятых на биржевой учет безработных. Из списков исключались следующие категории: совершенно не работающие; чернорабочие, проработавшие по найму менее 3-х лет; служащие, проработавшие по найму менее 5 лет [217]. Добавим, что в этот период наибольшие шансы получить работу имела категория 20-35-летних.

Для определения коэффициента нагрузки на работающее население в этот период вновь обратимся к статистическим сведениям о возрастном составе населения Северо-казахстанского региона по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 (таблица 15) [103, с. 110-113].

Таблица 15 – Половозрастная структура Северо-казахстанского региона и нагрузка на работающих на основании Всесоюзной переписи населения 1926 года

Населенные территории	Возрастные категории	Население			Количество иждивенцев на одного работающего
		мужчины	Женщины	Всего	
1	2	3	4	5	6
Городские поселения Акмолинской губернии (Петропавловск, Акмолинск, Кокчетав, Атбасар)	0-13	13850	13844	27694	0,65
	14-59	23453	25412	48865	
	60 и старше	1874	2367	4241	
Акмолинская губерния (Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский, Петропавловский уезды)	0-13	235659	225494	461153	0,79
	14-59	337990	337367	675357	
	60 и старше	36268	38774	75042	
г. Кустанай	0-13	4309	4298	8607	0,67
	14-59	7064	8115	15179	
	60 и старше	709	922	1631	
Кустанайский округ	0-13	73436	72247	145683	0,77
	14-59	109172	111127	220299	
	60 и старше	10828	12526	23354	
г. Тургай	0-13	323	274	597	0,58
	14-59	636	525	1161	
	60 и старше	38	40	78	
Тургайский уезд Актюбинской губернии	0-13	16428	15044	31472	0,65
	14-59	30662	26720	57382	
	60 и старше	2722	2944	5666	
г. Павлодар	0-13	3245	3030	6275	0,70
	14-59	5182	5401	10583	
	60 и старше	516	575	1091	

Продолжение таблицы 15

1	2	3	4	5	6
Павлодарский уезд Семипалатинской губернии	0-13	57226	52546	109772	0,81
	14-59	84767	77826	162593	
	60 и старше	11461	10813	22274	
Примечание - Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. - М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 110-113.					

Как видно из таблицы 15, число неработающих, по отношению к работающим в городах, исходя из возрастных характеристик, составило 0,65 - 0,67, что показывает положительный коэффициент половозрастной структуры городского населения. Обращает на себя внимание преобладание женщин в общем трудоспособном населении. Это свидетельствует о том, что женское население, по сравнению с предшествующим периодом, более активно входило в экономическую сферу, что было итогом гражданской войны и голода, когда значительно сократилось трудоспособное мужское население. Этому способствовало и изменение положения женщины в обществе. Если не брать в расчет абсолютные цифры состава населения, мы можем прийти к выводу о том, что в условиях нестабильности социально-демографических процессов, появилась некоторая устойчивость категорий населения, характеризующих его трудовую активность [103, с. 110-111]. Среди казахского населения отмечается нехватка женщин трудоспособного возраста. Воспроизводимость местного населения, по сравнению с другими этническими группами Северо-казахстанского региона в первой половине 1920-х годов заметно снижается. Здесь явно просматриваются последствия «голодных» лет и, с большой долей вероятности, изменение традиционного хозяйственного уклада кочевого населения. По поводу, так называемой «нехватки» женщин у казахского населения в переписях 1920-х годов, высказано мнение современных казахстанских исследователей – Асылбекова М.Х., Галиева А.Б., Козиной В.В., с выводами которых нельзя не согласиться. Их точка зрения заключается в том, недостаток в статистических данных женского населения является «...следствием недоучета, который происходил по различным мотивам: неполный охват женщин переписью... ..высокая смертность женщин в молодом возрасте, причиной которой является их непосильный труд и раннее замужество» [49, с. 61].

Трудовой потенциал Северо-казахстанского региона, сохранил свою стабильность и дееспособность на протяжении всего исследуемого периода. Тем не менее, снижение численности населения в результате революционных событий и гражданской войны отразилось на качественных характеристиках населения Северного Казахстана, которые выразились в изменении половозрастной структуры общества. Мероприятия по вовлечению различных категорий населения Северо-казахстанского региона и всей страны в трудовую

деятельность в дальнейшем будет основываться на жестком административном диктате со стороны государства.

Режим НЭПа принимался не всеми, шла повальная критика рыночных отношений, которая вскоре породила новую волну борьбы с «новым врагом» - «спекулянтом», искусственно завышавшим стоимость сельскохозяйственной продукции, при невысокой закупочной цене для крестьянства: «Как только крестьянство столкнулось с вольным рынком, которого оно в особенности желало до введения новой экономической политики, ему сразу же пришлось испытать на себе всю тяжесть неорганизованной продажи хлеба. На рынок пришел... - спекулянт. ...цены на хлеб низки и убивают у крестьянства всякое желание увеличивать площадь посевов, то не может быть никакой речи о восстановлении крестьянского сельского хозяйства» [245, с. 20]. Вместе с ценами на продовольствие росли и цены на промышленные товары, что стало следствием системного кризиса во всей социально-экономической сфере. Только за первые полгода 1923 года цены на продукты питания и промышленные товары выросли в среднем в 3,5 раза [23, с. 86-93]. Вскоре, действующие производства начали вполне вписываться в плановую систему советского хозяйства [240, с. 25].

Кроме текстильной промышленности, в отчетах отмечается улучшение состояния различных промыслов, маслобойных заводов, мельниц [240, с. 25-26]. Финансов по-прежнему не хватало ввиду невыполнения планов по сбору налогов - не более 40-60% [246, с. 45]. Дополнительные доходы виделись в сдаче производств в аренду частным лицам [240, с. 24]. Однако и они в связи с постоянными перебоями в деятельности, не приносили стабильных финансовых средств. Активный учет численности рабочих и служащих предприятий губернскими секциями статистики труда начался с июля 1922 года, а затем продолжился с периодичностью в каждые полгода (таблица 16) [24, с. 78-83].

Таблица 16 - Распределение фабрично-заводских предприятий и занятых в них на 1 июля 1923 года рабочих и служащих по североказахстанским уездам.

Уезды	Число учтенных заведений	В них занято		
		Рабочих	Служащих	Всего
Акмолинская губерния				
Петропавловский	14	921	215	1136
Кокчетавский	3	93	15	108
Кустанайская губерния				
Кустанайский	8	315	27	342
Федоровский	2	33	11	44
Семипалатинская губерния				
Павлодарский	7	3474	268	3742
Примечание - Составлено по данным: Волков М. Численность рабочих и служащих в фабрично-заводских предприятиях КССР на 1 июля 1923 года. // Статистический вестник. №2. 1923 год. Оренбург, 1923 г. С. 78-83.				

Согласно таблице 16, наибольшим экономическим потенциалом обладал Павлодарский уезд, в котором шло активное создание промышленной базы. Среди других выделялись Петропавловский и Кустанайский уезды, производственная сфера в которых сосредотачивалась, главным образом, в уездных центрах. Несмотря на все приложенные усилия, учёт нередко оказывался приблизительным. По данным на 1 июля 1923 года число неучтённых работников в Кустанайской губернии на 11 предприятиях составило 972 человека (6,7% от общего числа), из них 586 человек золотопромышленного предприятия. Интересно, что по данным на 1 января 1923 года количество учтённых рабочих и служащих на 8 городских предприятиях г. Кустаная составило 367 человек, тогда как к 1 июля того же года уменьшилось до 271 [24, с. 71-72]. Подобные цифры мы можем объяснить тем, что сезонные работы в регионе были связаны с сельским хозяйством и большая часть рабочих оказывалась в весенне-летне-осенний период вовлеченной в аграрный сектор, либо в другую деятельность, не подвергнутую учету.

Только в 1925-1926 гг. объём промышленного производства Петропавловского уезда достиг 96,5% от уровня 1913 года. Посевная площадь в 1926 году составила 848 тысяч десятин (92,8% от уровня 1913 года), численность скота превзошла дореволюционный период, достигнув 4,3 миллионов голов. Получила развитие и сельхозкооперация. В 1925 году насчитывалось 838 производственных кооперативов, в т.ч. коммун – 61, артелей – 309, товариществ – 226, маслоартелей – 126. С 1924 года активно развивается потребительская кооперация. К 1926 году число потребительских обществ в губернии составило 292 с 82 тысяч пайщиков, а их удельный вес в товарообороте составил 48,25%, что значительно потеснило частновладельческий капитал и категорию самозанятых [60, с. 54].

Таким образом, в условиях изменившейся социально-политической сферы, экономика находилась в серьёзном кризисе. Активные мероприятия по выходу из него ориентировались на жёсткий диктат со стороны властей. Политика проразвёрстки, продолжившийся перевод кочевых хозяйств на оседлость, практически уничтожили сельское хозяйство Северо-казахстанского региона, а при массовых неурожаях привела к массовому голоду. Промышленность, в основном продолжала ориентироваться на аграрный сектор. Её потенциал немного вырос за годы НЭПа. Вместе с тем, Северо-казахстанский регион продолжал испытывать трудности использования трудовых ресурсов – усилилась безработица, не доставало квалифицированных рабочих сил, активно использовался низкооплачиваемый труд малолетних.

2.2 Факторы естественного и механического движения населения, состояние здравоохранения

После начала революционных событий и гражданской войны появляются определённые сложности в анализе состава населения Северного Казахстана.

На эти данные оказали влияние проблема беженцев, потери гражданской войны, массовые эпидемии и голод начала 1920-х годов.

Процессы естественного и механического движения населения в этот период имеют серьёзные расхождения с предшествующим периодом. Потери в войнах и революционных событиях исчислялись сотнями тысяч. Однако, свою стабильность сохранил состав крестьянской семьи. По данным материалов соседней Челябинской губернии, в которую в годы гражданской войны, входил Кустанайский уезд, средний состав крестьянской семьи к началу 1920-х годов по отдельным уездам колебался от 5,2 до 5,6 душ обоего пола и по губернии составлял в среднем 5,4 [155, с. 20]. Эти цифры сопоставимы с данными дореволюционного периода, что обеспечивало минимальные показатели естественного прироста населения. Естественный прирост казахского населения был незначительным, высокая рождаемость сочеталась с высоким уровнем смертности.

Механические процессы в изучаемый период продолжают играть важную роль. Часть казахского населения иммигрировала в другие регионы Казахстана и за границу, что уменьшало его количество в Северо-казахстанском регионе. Переселенческий процесс, несмотря на снижение проблемы аграрного перенаселения в европейской части Советского государства, продолжился. Теперь население спасается от массовых репрессий, пытается решить продовольственную проблему. Массовое переселение в Степной край приостанавливается, по сути, с 1913 года. В годы I Мировой и гражданской войны переселенческий процесс носил стихийный характер. Проследить весь процесс оказывается сложно, о нём имеются лишь отрывочные сведения. Так, в протоколах Тургайского областного съезда Советов от 21 марта – 3 апреля 1918 года сообщалось о 40.000 самовольных переселенцев в пределах одного Кустанайского уезда [341, с. 128]. С октября 1919 года в городах Северного Казахстана отмечался резкий наплыв населения [288, л. 7]. Военная власть вела со всеми категориями прибывающих активную борьбу в виде ограничений на въезд. Но в условиях военного времени эти процессы регулировались с трудом. В связи с окончанием гражданской войны и началом голода 1921 года 2/3 армии оказалось распущено, красноармейцы начали возвращаться на места, что значительно осложнило демографическую ситуацию в Северо-казахстанском регионе.

Советская власть настаивала на активном переходе казахского населения к оседлости, началось выяснение «свободных земель», что неминуемо должно было привести к началу нового переселенческого процесса [315, лл. 1-1об]. Важной проблемой в военное и послевоенное время стала и проблема беженцев. Эту категорию составляли военнопленные, интернированные и перемещенные лица в ходе войн и революционных событий. Еще с мая 1920 года Кустанайский уездный исполнительный комитет в целях перерегистрации граждан предлагал «...всем иностранно-поданным гражданам, проживающим в г. Кустанае и его уезде, в пятидневный срок со дня опубликования настоящего приказа явиться в отдел управления... для перерегистрации с предъявлением своих документов. Не явившиеся для перерегистрации по истечении срока

привлекаются к ответственности по всей строгости военного времени» [284, л. 8]. Беженцы по сведениям Кустанайского губернского управления по эвакуации населения (не ранее 19 декабря 1921 года – С.С.) находились в пределах губернии в следующем положении: «...1. Губэваком зарегистрировано в 1921 году беженцев из Польши, подлежащих к отправке на родину, в количестве 4.100 человек. 2. Подготовлено к отправке на Родину беженцев Польши в количестве 2.900 чел. (1.200 человек отправлены 19 декабря 1921 года). 3. Беженцы, проживающие в городе Кустанае, находятся в самом критическом продовольственном отношении и ежедневно умирают десятками от голода, т.к. таковые со стороны губэвака никакой поддержки не получают, потому что губэвак как местными, так и центральными органами не снабжаются» [290, л. 115]. Особое внимание к польским беженцам было связано, вероятно, с событиями советско-польской войны 1920-1921 гг. Позднее неоднократно поднимались вопросы о принятии беженцами гражданства в советском государстве. Этот процесс продолжился вплоть до середины 1920-х годов. В материалах «Сибкрайкома» за 1926 год встречаются сведения о принятии советского подданства беженцами и другими категориями иностранных граждан - Австрии, Финляндии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Эстонии, Латвии, Италии, Кореи, Китая и т.д. [307, лл. 2-12].

В результате голодных 1920-1922 годов, еще в большей степени усилился обратный процесс крестьянского переселения. Начался он, как утверждают материалы комиссий по борьбе с голодом с середины лета 1921 года, когда крестьянство срывалось «...с насиженных мест на поиски хлеба» [63, с. 64]. И если первоначально это был неконтролируемый процесс, то с осени 1921 года самовольно покинуть переселенческие поселки становилось практически невозможно. На пути переселявшихся устраивались «вооруженные кордоны»: «...размеры переселения были угрожающие, району грозил прах, – сообщалось в протоколе заседания III Урицкого съезда Советов крестьянских и киргизских депутатов Кустанайской губернии от 16-18 августа 1922 года, - ...угонялись целые гурты скота, увозился лучший инвентарь сельскохозяйственный. В начале были приняты агитационные меры, но когда эта мера не помогла к переселению уже приступили стали уезжать, пришлось срочно выслать вооруженные отряды на места, чем только и удалось сдержать целую лаву беженцев, все таки ничтожный % сбежал» [281, л. 7]. Несмотря на усиленные меры советской власти в результате голода 1921-1922 гг. Казахскую автономию покинуло по разным сведениям до 700 тысяч человек. И даже некоторое улучшение в области сельского хозяйства наряду с резким снижением населения, не делало регион привлекательным для новой переселенческой волны.

Через Северный Казахстан в 1922 году транзитом проходят массы голодающего населения. Тысячи из них обращаются за помощью к местному Губпомголоду. Только с июля по сентябрь 1922 года через питательные пункты прошло 3.355 зарегистрированных переселенцев, общее же их число было значительно больше. С началом уборочной страды часть из них осела в

населенных пунктах региона, другие двинулись в Уфимскую, Самарскую, Оренбургскую губернии и на Украину [337, с. 11-12].

В поисках лучшей жизни крестьянство массово продолжало выезжать за пределы Северо-казахстанского региона и в 1923 году – главным образом, в Семиречье и на Украину, несмотря на то, что советская власть в лице уездных и районных исполкомов «...запретила выезд» [218]. Местная пресса указывала и на примеры массового возвращения. Газета «Красная степь» от 10 мая 1923 года писала: «Из села Карасуля и некоторых поселков Карасульской волости Урицкого уезда много крестьян из более зажиточных, забрав гурты скота, тайком, боясь, что их задержит Советская власть, поехали в Семирек искать лучшей жизни, искать молочных рек с кисельными берегами. По имеющимся сведениям от возвращающихся обратно на эту группу где-то было сделано нападение и отнят почти весь скот, и теперь они возвращаются обратно пешком с мешками на горбу и оплакивают свою судьбу...» [219]. Отъезды с последующим возвращением осложняли жизнь сёл, вызывая регулярные конфликты по поводу «оставленной земли». При этом отмечалось, что переселялись из уезда в основном зажиточные, тогда как беднейшее население оставалось на местах. Классовый характер теперь ставился во главу угла, регулярно встречались обвинения в захвате земель переселившихся в другие регионы: «В посёлке Дудановском при выдаче семян на 1923 год наблюдались несправедливости. ...Такая же штука получилась и с землёй выбывших на Украину: вся кулакам попала, а бедноте – шиш» [220]. Отмечались случаи, когда земли убывших и их собственность (дома и прочие строения) не передавались в сельскохозяйственные общества, а захватывались самовольно [221]. Возвращавшиеся крестьяне требовали вернуть поделенную к тому времени землю, что приводило к конфликтам. Истории о «фальшивых голодбеженцах» красочно представлялись в газетных публикациях. Приведем один из подобных материалов: «...21 год, год неурожая, взбудоражил Кустанайских хлеборобов. Зажиточные и за ними, глядя на них, и бедные начали собираться в погоню за урожаем на Украину. Нет ни одного поселка в Куст. губернии, из которого не выбыло бы хоть несколько семейств на Украину... В пос. Григорьевском Федоровской волости также было большое движение «На Украину». Угрозы не выдавать выезжающим документов не остановила этого движения. Когда-же выезжающим было предложено, прежде чем выехать из поселка, сдать причитающийся с них продналог, то все они заявили: «Ни одного фунта не дадим». А один из них, Прокопец Андрей сказал: Сам не дам, и того, кто хочет сдать, погаными вилами заколю». Вся эта компания выехала потихоньку на Украину ночью, увезла с собою, значит, и продналог и даже в одной хате мёртвого ребенка оставила – похоронить некогда было, так на Украину торопились. Беднота, конечно, в дороге погибла от голода вся. Кулаки же... добрались до Бахмача и Семёновки (Черниговской губернии), но здесь их ожидала совсем иная картина... Земли им там не дали, вы свою землю, говорят им, в Сибири повысосали, да и бросили, на нашу явились. Тут пошли газетки насчет возвращения обратно в Сибирь и наделения возвратившихся землею... И вот являются наши «голодбеженцы», и один из

первых – бывший секретарь сельсовета Пономаренко Павел, который перед выездом на Украину сам лично уничтожил нужные бумаги в исполкоме... Все требуют обратно: мы мол голодбеженцы, в кабальную сделку попали, а теперь такие сделки недействительны. То же и с землей – её уже разделили на 12 лет и вдруг... заявляют претензии – землю им отдай» [222]. Возвращавшиеся сразу же записывались в категорию чуждых элементов.

Прямые и обратные потоки переселения в 1921-1923 гг. не ослабевали, запретительные постановления лишь усиливали общую тенденцию, в том числе и самовольный переезд, с которым государство вело решительную борьбу, постоянно подтверждая об отсутствии официального переселения через прессу: «В виду массовых ходатайств о переселении крестьянского населения в Поволжье и другие местности СССР, Наркомзем объявляет через губземуправления, что в настоящее время ни в Поволжье, ни в какие-либо местности переселение не открыто и никакого зачисления не производится» [223]. Вместе с тем на уровне официальной власти велись активные землеустроительные работы, что свидетельствовало о возможных изменениях в переселенческом вопросе [240, с. 28].

Государство представляло самовольных переселенцев как нерадивых хозяев, снимая с себя всякие обязательства по оказанию им реальной помощи. Несмотря на закрытие официального переселения находились возможности для землеустройства, прибывающих в Северный Казахстан крестьян. Земельно-хозяйственное устройство предполагалось для следующих категорий:

1. Переселенцев из других губерний Киргизской Республики, у которых на руках есть разрешение на переселение.
2. Возвращающихся крестьян бежавших от голода.
3. Возвращающихся самовольных переселенцев, которые не получили земли на новых местах.
4. Переселенцев официальных, которые по случаю малоземелья, временно проживают и не имеют надела, в связи с непригодностью предлагаемых участков и т.д.
5. Спасаящиеся от голода в Поволжье, которые возвращаются на родину и временно останавливались в губерниях КАССР, землеустройству не подлежат. Они могут арендовать землю через уездные земельные отделы из государственного фонда не более как на три года с условием возведения временных построек за счёт арендаторов.

Порядок зачисления всех этих категорий на земли был следующим: «Зачисление производится уездными земельными отделами. Те, которые зачисляются, должны предварительно осмотреть участки и ознакомиться с условиями, в которых им придется вести хозяйство. Чтобы получить надел, надо иметь от уездного земельного отдела бумагу сельсовета, в которой будет указана фамилия переселенца, число душ в его семье и документы зачисляемых лиц. Переселенцы, прибывшие из других губерний Киргизской республики и имеющие на руках документы на переселение, могут быть зачислены на любой посёлок, если в этом посёлке есть свободные земли» [231].

Самовольные переселенцы, не имевшие никаких документов, расселялись лишь с разрешения крестьянского общества. Все остальные землеустройству не подлежали, в том числе и родственники постоянных поселенцев. Неустроенные крестьяне вновь срывались с мест. Обратное переселение крестьян усиливается в 1923-1924 гг.: «Главные причины такого массового явления – неурожайность последних лет, стремление вернуться «к себе на родину»... Это экономически опаснейшее для КССР явление должно быть ликвидировано всеми имеющимися средствами... Наряду с мерами против этой «эпидемии» необходимо также: быстро внести полную ясность в вопросы землеустройства и нашей земельной политики; решительно бороться со всякими слухами, противоречащими этой политике; окончательно и точнее выявить свободный, удобный для полеводства земельный фонд...; принять меры к скорейшему землеустройству оседающих киргиз, - не нарушая при этом интересов крестьянского населения и всемерно избегая всяких конфликтов с ним...» [154, с. 37].

Официальное переселение начало разрешаться лишь к концу 1924 года. Переселенческий наплыв 1920-1930-х гг. в Казахстан, как отмечают казахстанские исследователи, превысил, по крайней мере, в 2,5 раза первую волну переселения начала XX века. Процесс этот весьма напоминал дореволюционный, когда наряду со значительным количеством водворяющихся, оказывался большой процент возвращавшихся обратно на родину. Обратный процесс объяснялся недостаточностью подготовки колонизационного фонда и отсутствием необходимых условий для приживаемости переселенцев. Значительное переселение в Сибирь и Казахстан, как и раньше, объяснялось массовым переводом местного населения на оседлость. Однако встречались мнения о том, что переселенческий процесс, главным образом самовольный, из-за примитивности хозяйственных приемов прибывших, лишь отталкивал местное население от оседания. «Одним из неотложных заданий национальной политики на окраинах СССР призван перевод кочевых и полукочевых народностей на оседлость, – сообщается в одном из сибирских отчетов конца 1920-х годов, - Это же мероприятие... включает в свой пятилетний перспективный план развития народного хозяйства..., но оно срывается опять же самовольными переселенцами... Эти «переселенцы» несут с собой экстенсивные формы хозяйствования и привычку брать у природы только то, что даётся без особых усилий с их стороны» [308, лл. 246, 322].

Массовые переселения, усиливающийся административно-хозяйственный гнёт непосредственным образом сказывались и на уровне смертности среди населения. Здесь нужно говорить и о причинах и последствиях голода, массовых потерях в ходе гражданской войны и террора, сложной эпидемиологической обстановке и уровне здравоохранения.

Следует вновь вспомнить и о проблеме злоупотребления алкоголем. Революция, события гражданской войны и первые годы советской власти фактически отменили действие «сухого» закона 1914 года. С одной стороны, шло преследование «самогонщиков», использующих в этих целях зерно,

активно реквизирувавшемуся в пользу государства. С другой, потребление алкоголя принимало самые разнузданные формы: «Начальник Советской милиции Боровского района... - сообщает архивный источник, - во время праздника Рождества напившись пьян, гонял по улицам Боровского и кричал разные недопустимые слова, возбудил население чтоб оно относилось недоверчиво к Советской власти, т.к. население поняло, что видно Советская власть запрещает пить самогонку только крестьянам. Праздник прошел хорошо, пьянства не было за исключением милиции...» [295, л. 3].

И если – обвинения в пьянстве, растрате казённого имущества, предложении взятки для административных работников советского времени наказывались переводом «...на оклад чернорабочего без лишения свободы и лишение избирательного права в течение одного года» [260]. То, членство в «контрреволюционных» партиях, зачастую становилось причиной для расстрелов [261].

Проблема пьянства, в этот переломный период отходит на второй план, заменяясь обсуждением сложной эпидемиологической ситуации, снабжения населения продовольствием и т.д. В годы гражданской войны информация о составе больных приводилась в виде сводок, из которых очень сложно определить общий и точный уровень эпидемий и смертности от разного рода болезней [200].

Дать объективную картину состояния медицины в начале 1920-х годов также не представляется возможным, так как катастрофическая смертность показывала её полную несостоятельность. Более того, медицинское обслуживание в эти годы исчезло из материалов отчетов, вероятно, исходя из политической целесообразности. Информация 1921 года представлялась в прессе как боевые сводки, а голодное состояние населения объяснялось как очередная заразная эпидемия: «...за 18.VII 1921 по губернии состояло 497 чел. Вновь заболело 190, выздоровело – умерло 33 и на 19.VII состоит 654» [207]. Данных о смертности и болезнях коренного населения в 1921 году не приводится, однако о катастрофичности его положения говорят рассуждения о преимущественном праве, «...согласно постановления всекиргизского совещания деятелей здравоохранения», поступления на медицинские факультеты для казахов [208]. Казахское население, как и прежде, лечилось «домашним способом». Кроме типичных эпидемий – оспы, холеры, весьма распространенной болезнью 1920-е годы среди казахов был туберкулез [308, л. 155].

Для борьбы с холерой и другими повальными эпидемическими заболеваниями в 1921 году через милицейские и медицинские органы предпринимался целый ряд активных действий по наведению санитарного порядка: очистка от мусора ярмарочных площадей, садов, улиц и дворов; запрет на открытую продажу в неприспособленных местах пищевых продуктов, анализ питьевой воды. Данные мероприятия имели лишь относительный успех, не повлияв в целом на «ужасающую картину» медицинского состояния региона. Но без этих действий ситуация могла выглядеть ещё более катастрофической [297, л. 1].

По данным Кустанайского губернского здравоохранения на период с 1 октября 1922 года по 1 октября 1923 года «...в губернии имеется 12 больниц, в том числе в городе 4 и в уездах 8 на 335 коек, и 29 фельдшерских пунктов. Все эти заведения обслуживают 8 врачей, 60 фельдшеров и 3 акушерки. Помощь при таком наличии медперсонала и врачебных заведений недостаточна, особенно ощутителен недостаток во врачах. Ещё до сих пор большинство больниц в уездах обслуживается фельдшерами. К привлечению врачей ГИК принимает меры и путем материального улучшения удалось пригласить 4 врачей. Слабость оказания помощи населению объясняется также недостатком медикаментов. ГИК, ассигновывая средства для заготовки медикаментов, ходатайствовал перед Центром. Центр присылал лекарств, но в очень ограниченном количестве. Отсутствие средств и вместе с тем медикаментов не давало возможности открыть в уездах аптеки. Всю губернию до сей поры обслуживает одна аптека. В настоящее время ведутся переговоры (вернее они продолжаются) о передаче аптеки на местные средства и ГИК полагает выделить средства для расширения аптечного дела. В целях пополнения акушерского состава, Губздрав полагает открыть курсы повивалок. Для непосредственной медицинской помощи киргизскому населению Губздрав разрабатывает проект организации подвижной амбулатории. Президиум ГИК дал принципиальное согласие на организацию подвижной амбулатории и расходы по содержанию ее вносит в местный бюджет...» [240, с. 34-35].

Частыми причинами смерти в революционный период становится неосторожное обращение с оружием, тем более, что практически всё население как взрослое, так и детское оказалось вооружённым. Об этом сообщают архивные материалы: «...вооружиться желали все способные носить оружие, ...крестьяне потребовали дать бумажку – разрешение самим отыскать оружие, и действительно, 3 человека разыскали столько оружия, что смогли вооружить целые отряды» [306, л. 44].

События революции и гражданской войны породили и такие явления как массовый «красный и белый террор». Северный Казахстан и прилегающие к нему регионы оказались в эпицентре подобных жесточайших явлений. «Белый террор» чаще всего рассматривался как борьба за наведение порядка, а карательные акции проводились «...за распространение ложных и провокационных слухов...» [201].

Для большинства городов и уездов Северного Казахстана - отнюдь не пустой звук массовые расстрелы партизан и мирных жителей – участников «антиколчаковских восстаний» в годы гражданской войны. Причём жертвами «белого» террора, по разным данным становились десятки тысяч человек, цифры, даже в случае их преувеличения, огромные [261; 296, л. 2].

Красный террор, чаще носил хаотичный характер. Как пишет газета «Новый путь» от 21 сентября 1918 года: «Красные запертые в Орске, неистовствуют. Идут массовые расстрелы. ...Красные, воспользовавшись суматохой, схватили и расстреляли во время пожара 38 человек, в числе них...и по недоразумению большевистский комиссар продовольствия Лобов...» [202].

«Красный террор», в форме самосуда также имел место: «Ревкомы осаждаются толпами арестованных крестьянами предателей по 100 и больше человек выдававших Жилиевских повстанцев и советских работников. Арестованные сами заранее были предусмотрительны и заказали себе гроба...» [296, л. 2].

В первые годы Советской власти крестьянство и часть казахского населения, возмущенные жестокой политикой «военного коммунизма», начинает складываться в так, называемое «зеленое» движение: «В некоторых волостях, как например в Чолаксайской и других наблюдалось появление вооружённых бандитских шаек, быстро ликвидировано Комдезертиром совместно с Уездной Советской Милицией» [295, л. 4]. Подобные выступления были характерны не только для Северо-казахстанского региона, но и всей страны. Первоначально движения находили сочувствие среди широких масс, даже самих «карающих органов». Но, вымещая злобу на советских работниках, осуществлявших режим продразвёрстки, они довольно часто расправлялись и с простым населением, поддерживающим новый режим. В результате, «зелёные» вскоре встали перед угрозой полного и тотального уничтожения. «Лишённые широкой поддержки – сообщает современный исследователь Духин Я.К., - и сочувствия, «народники» в начале марта 1921 г. при активном участии частей красной армии и чоновцев были ликвидированы» [342, с. 101].

На смену этим событиям пришел голод первой половины 1920-х годов, страшные последствия которого, непосредственно сказались на этнополитическом состоянии всего региона. Повсеместно на территории всего Казахстана только в 1920-е он унёс сотни тысяч жизней. Статистические данные о его размерах весьма противоречивы. Каждый из регионов Северного Казахстана выдвигает свои суждения по этому вопросу. Кустанайские краеведы останавливаются чаще всего на официальной цифре в 9% населения Кустанайского уезда – более 80 тысяч человек умерших и еще 20% пострадавших от голода, то есть приблизительно одна треть всего населения. Количество голодающих, по тем же сведениям, к концу 1921 года составляло 264.900 человек. Называлась в качестве официальной и цифра в 59% голодающих по губернии – 317.497 человек [63, с. 65, 68]. Как указывают исследователи Н.В. и А.Н. Алексеенко «...в отчете Кустанайского губернского экономического совещания Совету и Обороне на конец 1921 указывается 354.340 человек голодающих, а в отчете по КАССР – 192.340 человек» [45, с. 43-44]. Не менее значительно выглядят цифры и по другим регионам Северного Казахстана. К осени 1921 года сообщалось о 150 тысячах голодающих только по Петропавловскому уезду [53, с. 161-163]. К весне 1922 года в Акмолинской губернии было зарегистрировано 112 тысяч местных голодающих, а вместе с голодающими Поволжья их число возрастало до 250 тысяч [60, с. 53-54].

К первой половине 1922 года голод достиг максимальной интенсивности. Согласно сводкам ВЧК, повальный голод охватил жителей Поволжья, Крыма и еще семи губерний (Актюбинской, Воронежской, Екатеринбургской, Запорожской, Кустанайской, Омской и Ставропольской). От голода 1921—1922 годов пострадали 35 губерний с населением до 40 млн. человек. Голод

сказывался и на изменении питания местного и переселенческого населения. Одной из причин ухудшения питательного рациона в 1919-1920-х годах следует признать политику «военного коммунизма» и продразвёрстку, поставившую крестьянские и кочевые хозяйства на грань полного разорения. Летом 1920 года Челябинский губпродком практически запретил свободную торговлю мясной продукцией на рынках Кустанайского уезда, как главную причину срыва государственной развёрстки. На основании приказов и постановлений в уезде воспрещалось «...производить свободную продажу как на рынке, так и на дому крупного и мелкого рогатого скота, овец и свиней старше трёх месяцев, мясо и сало разных видов, а также и переработанную в колбасу» [282, л. 28].

Дореволюционный исследователь Л.Чермак отмечал, что крестьяне-переселенцы в Степном крае в начале XX века съедали в год 24 пуда муки и крупы, 21/2 пуда мяса и сала, 20 ведер молока на душу, не считая дичи и рыбы [17, с. 11]. В послевоенное время и с установлением Советской власти такие нормы оказались «неподъёмными» для всего населения региона по всем исключительно показателям.

В первой половине 1920-х годов, в связи с чередой голодных лет, можно обнаружить лишь обрывочные сведения об особенностях питания жителей Северного Казахстана. Так, Кустанайский губернский выставочный комитет провёл полное обследование 5 типов крестьянских хозяйств в 1922 году и представил подробный анализ его на Всероссийском сельскохозяйственном смотре. В отчёте делалось сравнение единоличного (отруб, крестьянская община, киргизское хозяйство) и коллективного (коммуна, артель). При общей скудности питания анализ доказывал преимущества коллективной системы: «Войтенко (единоличник – С.С.) употреблял в пищу в прошлом году (1922 – С.С.) суррогатов (курай (молодые побеги дудника – С.С.), просянка (просяную шелуху – С.С.) и пр.) 60 проц., молока 5 проц., овощей 5 проц., хлеба 30 проц. Коммуна – суррогатов уже только 30 проц., молока 10 проц., овощей 20 проц., хлеба 40 проц. Артель – суррогатов совсем не употребляла, молоко – 10 проц., овощей 30 проц., мясо – 10 проц., хлеб – 50 проц.» [242, с. 38-39]. В материале приводились сведения о состоянии огородов и пчеловодческого хозяйства. Однако, по данным общереспубликанского «Статистического вестника» того же 1923 года, сообщалось, что по Кустанайской губернии выращивалась озимая рожь, пшеница, ячмень, овёс, просо, гречиха, лён, подсолнух, картофель, а огородные культуры отсутствовали [343, с. 111]. Соответственно, питание было ужато до минимума. Официальные комиссии, создаваемые сети общественных столовых, попытки расширения посевных площадей, освобождение сельскохозяйственных кооперативов от налогов – в условиях жесточайшего голода помочь не могли. Отметим, что постановления губисполкома касались главным образом детского населения: «В целях улучшения питания детей, - сообщается в одном из апрельских приказов, - Уисполком согласно декрета... предлагает немедленно и никак не позже 7 апреля сего года (1921 – С.С.) организовать районные коллегии по организации общественного детского питания... Коллегии предлагается немедленно приступить к организации и открытию детских столовых, согласно прилагаемой при сем инструкции» [285,

л. 13]. Население региона оказывалось на грани самостоятельного выживания, власть же взяла на себя рекомендательные функции, что отмечено в резолюциях и постановлениях как на низовом, так и на республиканском уровнях: «Организовать на местах сбор суррогатов, издав инструкции о способе их приготовления. - заявлялось в решениях II Съезда Советов КАССР. - Наметить мероприятия по восстановлению хозяйств, пострадавших от джута и голода, оказывать поддержку как земледельческому, так и скотоводческому хозяйству, снабжая первое семенами и инвентарем, а второе скотом из закупленного государством. Одновременно принять меры к сохранению скота путем образования фуражного фонда и принять меры к перегону скота из голодных районов в более благополучные» [86, с. 16].

В июле 1921 года при ВЦИК создается комиссия помощи голодающим – Помгол. Деятельность её вскоре началась и на региональном уровне. Вслед за созданием в августе 1921 года губернской чрезвычайной комиссии, создаются районные, волостные, сельские и аульные комиссии. К декабрю 1921 года насчитывалось 8 районных, 75 волостных и 363 сельских и аульных комиссий. Выправить ситуацию Помгол оказался не в состоянии, констатируя ужасающие факты голодных лет: «Смертность увеличивается. – сообщается в протоколе кустанайского губернского съезда Помгола, проведённого в марте 1922 года, - Были случаи покушения на убийство детей, чтобы употребить их в пищу. Население настолько обессилело, что не в состоянии хоронить умерших в мёрзлую землю. Есть поселки, где насчитывается до 60 непогребённых трупов... Если случаи людоедства пока были исключением, то теперь постепенно усиливаются и в недалёком будущем войдут в систему. Настроение у населения самое отчаянное. Вследствие сильных холодов в последней трети апреля с сильным ветром и дождем, наступила гололедица. По сообщениям из Фёдоровского и Денисовского районов у киргизского населения погибло до 50% скота» [55, с. 97]. Случаи трупоедства и каннибализма в различных сводках и документах этого периода встречаются регулярно [301, л. 1].

Выполнять большинство постановлений по вопросам борьбы с голодом местная власть оказалась уже не в состоянии. Ситуацию усугубляли дополнительные сборы с уже голодающего населения «...самообложение, налог на скот, роскошь, сбор пожертвований, посылка в волости Красной повозки, сбор с базаров...» [281, л. 7об]. В результате, не обошлось и без поддержки «извне». Значительную помощь в организации питания оказывали иностранные общественные благотворительные фонды. 12 июля 1922 года в г. Кустанай прибыли представители организации «Общества друзей квакеров», приславших, в последствии, в районы губернии до 60 вагонов зерна [63, с. 67-68]. Активно действовала на территории губернии американская АРА – администрация американской помощи, возглавляемая будущим президентом США Г. Гувером. Большая часть северных областей Казахстана контролировалась Уфимской конторой АРА. Первоначально помощь оказывалась только детям до 14 лет, с весны 1922 года и взрослым. Вот как описывалось питание в столовой АРА в одном из поселков Северного Казахстана: «Голпятся дети, взрослые, беременные, кормилицы, часами стоят в

очереди, дожидаясь получения заветной карточки. В помещении столовки шум, гам, суета. Каша, белый хлеб, как долго это только снилось нашим ребятам, и вот, наконец, они с ложкой в руках у чашки с кашей. Многие не доедают своей порции, уносят с собой хлеб. Больным по удостоверению врача выдается на дом. Беременные и кормящие грудью получают в первую голову...» [206].

В прениях 3-го Кустанайского Съезда Советов (указана дата 4 сентября 1920 года, что выглядит удивительным и трудно объяснимым фактом, т.к. официальная деятельность АРА в Советской России началась лишь с осени 1921 года, при сопоставлении выясняется, что речь идет о данных 1922 года, вероятно здесь и далее в документе опечатки – С.С.) крайне активно обсуждались проблемы голода и деятельности благотворительных столовых АРА: «...Теперь ставится вопрос о закрытии столовых. Это преждевременно. Беднейшему населению по прежнему нужна помощь.... все заботы должны быть направлены на детей. Киргизские дети гибнут... В русских волостях есть столовые, а киргизским детям нет ничего. Губисполком не озаботился, чтобы «АРА» развернула свою деятельность среди киргиз» [88]. Случалось, что из-за сложностей в организации и произвола местных администраторов столовые не создавались вплоть до «особого разбирательства»: «Жители п. Давыденовского Александровской волости отказались устроить у себя детскую столовку «АРА» (на 200 детей и 85 беременных и кормящих матерей), заявив, что у них для этого нет ни хорошего помещения, ни времени, и что «вообще детям столовых не требуется» [206]. Уже к концу 1922 года число голодающих в Кустанайской губернии по официальным данным сократилось в пять раз – с 317 до 62 тысяч [337, с. 11].

Отношение к АРА и другим подобным организациям в настоящее время неоднозначное, но, безусловно, их деятельность спасла часть населения страны (в некоторых материалах указываются сотни тысяч, а то и миллионы спасённых) от повального голода. Уже к весне 1923 года в отчётных докладах по Кустанайской губернии о последствиях голода сообщалось, что «...в связи с укреплением крестьянских комитетов взаимопомощи, а также работы «АРА», голод по губернии далее пока не развивается, смертных случаев от голода... не зарегистрировано» [241, с. 37].

Для ликвидации последствий голода в сентябре 1922 года была создана специальная правительственная комиссия – Послеголод (последгол) – которая через органы губернского земельного управления и статистики, выясняла количество населения, «убыль его в голодный год, убыль скота и инвентаря, сокращение площади засева полей и прочие убытки, понесённые голодом» [240, с. 23]. Немногим от 1921 и 1922 года отличалась ситуация в последующем. Анализируя виды на урожай 1923 года, исследователь Альбанов сообщал, что «...Обычной нормой годового потребления хлеба для крестьянского населения принимается 16-18 пудов на душу. Ясно, что при неурожае настоящего года (1923 – С.С.), крестьянин ни в коем случае не сможет рассчитывать на нормальное потребление хлеба и должен будет снизить до минимума свои продовольственные потребности, восполняя недостаток хлеба другими продуктами питания или прибегая к употреблению

различных суррогатов. Мы берём в своих исчислениях минимально возможные нормы, принятые ЦСУ РСФСР, именно: для крестьянского населения земледельческих районов – в 9,6 пуда, для полуземледельческих районов 9 пудов и скотоводческих – 6 пудов. Ниже этих норм, как будто, нельзя идти. По отдельным губерниям взятые нормы выражаются следующими величинами: ...Кустанайской – 9,6 пуд., Тургайского района – 6 пудов...» [21, с. 104-105]. Величины продовольственной потребности сельского и городского населения значительно отличались. Нормы эти для городских жителей, по не совсем понятным причинам, были завышены от 2,4 до 4 пудов в среднем на человека (таблица 17).

Таблица 17 - Продовольственная потребность и норма потребления для сельского и городского населения Кустанайской губернии и Тургайского района по данным урожая 1923 года

Губернии и районы	Сельское население		Городское население		Общая продовольственная потребность сельского и городского населения (в пудах)
	Норма душевого потребления в пудах	Продовольственная потребность населения в пудах	Норма душевого потребления в пудах	Продовольственная потребность населения в пудах	
Кустанайская губерния	9,6	2689123	12	248172	2937295
Тургайский район	6,0	462360	10	8530	470890

Примечание - Составлено по данным: Статистический вестник. – Оренбург, 1923. – №2.– С. 104-105.

Несмотря на резкие расхождения в цифровых показателях таблицы 17, недостаток продовольственных ресурсов ощущался как для сельчан, так и горожан. При унификации средних показателей можно прийти к выводу о том, что потребность для Кустанайской губернии была одинаковой, тогда как в сельской местности Тургайского района этот недостаток выглядел угрожающе. Следует сказать и о том, что явно заниженные нормы потребления хлеба, также оказывались невыполнимыми, в разных регионах республики чуть ли не наполовину. В кочевых же районах типа Тургайского нормы были еще меньше, что в условиях резкого снижения поголовья скота свидетельствовало о постоянном «голодном» состоянии его населения [21, с. 107-108] (таблица 18).

Таблица 18 - Недостаток продовольствия у сельского и городского населения Кустанайской губернии и Тургайского района по данным урожая 1923 года.

Губернии и районы	Недостаток продовольствия (в пудах)	
	У сельского населения	У городского и сельского населения
Кустанайский	-243123	-345315
Тургайский район	-453360	-461890
Примечание - Составлено по данным: Статистический вестник. – Оренбург, 1923. – №2. – С. 104-105.		

Согласно данным таблицы 18, мы отмечаем, что жители Кустанайской губернии и Тургайского района переживали невероятный продовольственный кризис. При этом, что нормы потребления были взяты самые минимальные, а недостаток продовольствия был катастрофическим, говорилось о необходимости вывоза хлеба из-за пределов республики. Сельское население находилось вновь на уровне катастрофы, из которого оно не выходило вплоть до середины 1920-х годов. Да и говорить о дальнейшем благополучии можно лишь с определённой натяжкой.

Послеголод был ликвидирован в августе 1923 года, а взамен его создан комитет содействия крестьянскому хозяйству, который вёл активную работу по организации сельско-хозяйственного кредита и окончательному переводу казахского населения на «оседлость». Масштабы гибели «местного» и «пришлого» населения трудно оценить в настоящее время, однако, можно отметить, что отношение администрации к местному населению после 1921 года продолжало носить наставительный характер. Рацион питания и бытовые условия на уровне выживания населения всей страны станут типичными, вплоть до середины XX столетия и начала освоения целинных земель, что в свою очередь закончит обезличивание региона в этнополитическом состоянии.

Несмотря на то, что новое политическое руководство осознавало необходимость точного учета населения, первые переписные мероприятия - 1920 и 1923 годов не смогло восполнить пробелы предыдущих периодов. Со времени последней полной переписи прошло более 20 лет, деятельность статистических органов на местах лишь начала возобновляться. Важным обстоятельством стало отстранение от регистрации актов гражданского состояния духовенства, доверив всецело эту функцию Центральному Отделу записей актов гражданского состояния при Комиссариате Внутренних дел. Однако полного охвата естественного движения населения не получалось: «...до настоящего времени в КССР эта регистрация с грехом пополам ведется лишь в городах и в сельских местностях с некиргизским населением и, таким образом большая часть населения от означенного наблюдения совершенно ускользает; а затем и из тех местностей, где эта запись производится, данные естественного движения населения в статистические органы поступают крайне неравномерно и далеко не в полном объеме». – сообщалось в статистических

материалах при анализе городской переписи 1923 года [20, с. 82]. Состав городского населения в 1920-е годы часто носил приблизительный характер. Сравнительно точные данные начинают появляться лишь к середине 1920-х годов, в ходе ряда переписей. Кустанайское окружное статистическое бюро в сводке от 31 августа 1926 года сообщает: «... всего населения по городу Кустаная по городской переписи 1923 года с естественным приростом 1924 года и за первое полугодие 1925 года 22.323 человека. Из них мужского пола – 10.827 чел., женс[кого] пола – 11.596 чел. О социальном положении населения гор. Кустаная за настоящий год (1924-1925 – С.С.) сведений в окрстатбюро не имеется. Согласно городской переписи 1923 года, население города Кустаная по социальному положению разделяется так: крестьян – 9.303 чел., рабочих – 3.886 чел., служащих – 5.807 чел., красноармейцев – 48 чел., нетрудового элемента – 1.292 чел. и прочих 449 чел.» [292, л. 78].

Исследователи проблемы М.Х. Асылбеков и А.Б. Галиев ориентируясь на переписные материалы 1920-х годов (в том числе 10-процентные выборочные исследования), а также на данные Всесоюзной переписи населения 1926 года утверждают, что «...естественный прирост своей наибольшей величины достиг в 1923-1924 гг. Даже учитывая известное влияние аккумуляции возрастов, можно с уверенностью отметить факт компенсирующего роста рождаемости и снижения детской смертности после 1921 года» [44, с. 67].

Естественный прирост населения во многом зависел от природных и хозяйственных условий. Если брать в расчёт основные национальные группы, то у русского и казахского населения ведущего оседлый образ жизни уровень естественного прироста был приблизительно одинаков, у кочевых казахов он оказывался ниже. Допустим, в степной зоне, где казахское население наряду с кочевым образом жизни занималось земледелием, в том же Кустанайском уезде естественный прирост достигал 26,5 промилле, в Петропавловском уезде – 32,4 промилле. В среднем по республике естественный прирост у казахского населения в период с 1925 по 1927 год составил 20,6 ‰, тогда как у русского населения этот же показатель составил 30,6 ‰. Как отмечается исследователями проблемы, несмотря на последствия гражданской войны, голод 1921-1922 гг., уровень естественного прироста пришлого населения (русские, украинцы, белорусы) в 1924-1926 гг. в среднем превосходил средние показатели естественного прироста в европейской части СССР [44, с. 68-69].

Отметим также, что для первой половины 1920-х годов характерным явлением становится преобладание женского населения над мужским, как в общем числе жителей, так и в национальном разрезе. Следствием этого стали военные годы (события I Мировой и гражданской войн), национально-освободительное движение казахского населения и революции, сказавшиеся, в первую очередь на сокращении мужского населения. Переписные данные 1920 года показывали «...перевес женщин над мужчинами как в селах (50,4%), так и в городах (52,4%)». В городской переписи 1923 г. численный перевес женщин над мужчинами выразился в 51,4 % против 48,6. Особенно он коснулся переселенческого населения. У казахов – городских жителей складывалась обратная ситуация: «...в 1920 г. у них обнаружен перевес в составе городского

населения мужчин в 57,3%. В 1923 г. среди киргизского населения городов было мужчин 57,2%, женщин – 42,8%. Это преобладание мужчин в составе именно городского населения находит некоторое объяснение в кочевом образе жизни киргиз и мусульманской религии...» [25, с. 59-67].

Для более точного анализа сравним данные городских переписей 1920 и 1923 годов применительно к городам Северного Казахстана (таблица 19) [20, с. 85-86].

Таблица 19 - Население городов Северного Казахстана по данным переписей 1920 и 1923 годов.

Наименование городов	Количество населения по переписи 1920 года			Количество населения по переписи 1923 года		
	Мужчин	Женщин	Всего	мужчин	женщин	Всего
Кустанай	9101	11014	20115	9941	10759	20700
Павлодар	7259	7027	14286	9532	9533	19065
Петропавловск	16667	19267	35934	17437	18827	36264
Кокчетав	3825	4114	7939	5353	5099	10452
Акмолинск	5402	5480	10882	5374	5312	10686
Атбасар	2568	2821	5389	3191	3365	6556
Итого по Северному Казахстану	44822	49723	94545	50828	52895	103723
Итого по КАССР	191754	213168	404922	202364	219050	421414

Примечание - Составлено по данным: Мешков А.А. Горперепись КССР 1923 года. // Статистический вестник. – Б.м.: Орган Центр. стат. управ. КССР, 1923. №1. – С. 85-86.

Согласно данным таблицы 19, население практически всех городов за исключением Кокчетава уменьшилось по сравнению с дореволюционным периодом. Если в 1914 году население Кустанае по данным «Обзора Тургайской области» составляло 21.998 человек, то по данным 1920 и 1923 годов едва превысило 20-тысячный рубеж. Наибольшее снижение населения коснулось Петропавловска. Мы уже отмечали стремительный рост числа жителей города в первые годы Первой мировой войны – в 1915 году в Петропавловске, по данным «Обзора Акмолинской области» проживало 65.230 человек. Теперь же его население уменьшилось едва ли не в два раза. Явное превалирование женского населения над мужским в этих городах вполне можно объяснить событиями Гражданской войны и голода. Однако смущает в этих показателях то, что если число женщин в Кустанае в предвоенный период и в начале 1920-х годов вполне сопоставимо – в 1914 году их проживало 11.580, то для Петропавловска эти цифры выглядят едва ли не устрашающе – 35.701 женщин в 1915 году и 18.827 – в 1923 году. Интересно, что женское население Петропавловска уменьшалось даже на фоне общего роста населения в 1923 году по сравнению с 1920 годом. Феномен Кокчетава интересен по той причине, что его население по данным 1923 года выросло по сравнению с 1915

годом более чем в два раза: 10.452 человека против 4.509 соответственно. Кстати каких-то ясных объяснений этим процессам, кроме цифровых показателей увеличения или уменьшения населения как в общем, так и половом составе статистические материалы того периода не дают. Мы можем объяснить это активным уходом и смертями «голодных лет», в случае уменьшения населения, а также началом новой волны внутренних и внешних миграций населения, в случае его резкого увеличения (таблица 20) [20, с. 85-86].

Таблица 20 – Динамика роста населения городов Северного Казахстана по данным переписей 1920 и 1923 годов

Наименование городов	Мужчин		Женщин		Обоего пола	
	Абс. Числа	В %	Абс. Числа	В %	Абс. числа	В %
Кустанай	+840	9,2	-255	2,3	+585	2,9
Павлодар	+2273	31,3	2506	35,6	+4779	33,4
Петропавловск	+770	4,6	-440	2,3	+330	0,9
Кокчетав	+1528	39,9	985	23,9	+2513	31,2
Акмолинск	-28	0,5	-168	3,1	-196	1,8
Атбасар	+623	24,2	+544	19,3	+1167	21,6
Итого по Северному Казахстану	+6006	13,4	+3172	6,4	+9178	9,7
Итого по КАССР	+10610	5,5	5882	2,7	+16492	4,0

Примечание - Составлено по данным: Мешков А.А. Горперепись КССР 1923 года. // Статистический вестник. – Б.м.: Орган Центр. стат. управ. КССР, 1923. – №1. – С. 85-86.

По данным таблицы мы отмечаем стабильный рост населения городов Северного Казахстана. Лишь в г. Акмолинском его население несколько уменьшилось. Увеличение городского населения Кустаная и Петропавловска, в целом незначительное, отмечалось в основном за счёт роста мужского населения. Стремительный рост г. Кокчетав в этот период мы попытались объяснить резким усилением миграционных процессов, а Павлодара увеличением его экономического потенциала, что приводило к массовому притоку свободных рабочих рук. Отметим отсутствие в представленных данных сведений о г. Тургае, что объяснялось авторами статистических анализов городской переписи 1923 года тем, что она «...приурочена к переписи воинских частей» [20, с. 84]. Но этот недоучёт не может повлиять на общую демографическую ситуацию, поскольку население Тургая продолжало оставаться незначительным. Другой момент, на который сложно не обратить внимания – это стремительный рост городского населения Северного Казахстана на общереспубликанском уровне. Если средний рост населения городов и городских поселений всей республики составил в 1923 году по сравнению с 1920 годом 4%, то те же показатели североказахстанских городов составили 9,7%.

Мы имеем возможность более или менее достоверно проанализировать состав населения городов КАССР по данным городской переписи 1923 года (таблица 21) [25, с. 55-56].

Таблица 21 – Национальный состав городского населения КССР (1923 г.)

Националь-ности	Кустанай-ская губерния с 1 городом и 1 поселением городского типа	Семипала-тинская с 4 городами и 1 поселением городского типа	Акмолин-ская с 4 городами и 3 поселениями городского типа	Тургай-ский уезд с 1 городом	Вся КССР	%-ное отношение каждой национальной группы ко всему городскому населению
Русские	16411	77710	48174	233	308272	69,0
Татары	2608	14674	10851	110	62497	14,0
Казахи	356	18413	6836	488	39337	8,8
Украинцы	1019	5392	773	14	18979	4,3
Белорусы	8	3110	35	-	4373	1,0
Евреи	7	504	568	-	3633	0,8
Немцы	150	355	646	8	2236	0,5
Поляки	57	612	181	-	1811	0,4
Мордва	55	283	74	-	785	0,2
Зап.-Европ. Народности	38	573	212	-	1401	0,3
Средне-азиатские народности	20	695	373	-	1483	0,3
Прочие	56	592	180	-	1516	0,4
Итого	20785	122913	68903	853	446323	100

Примечание - Составлено по данным: Харлампович К. Национальный состав городов КССР по переписи 1923 года. // Статистический вестник. – Оренбург, 1925. – №5. - С. 55-56.

Подавляющая часть составлена русским населением. Эти сведения подтверждаются данными таблицы 21. Второй по количественному составу является татарская диаспора, что также вполне логично. Местное же население в городах представлено незначительно.

Даже после образования казахской автономии, удивительным выглядит факт того, что коренное население пополняло город не слишком значительно. В основном казахское население пополняло административный аппарат «необходимым» числом людей. Более половины – 57,2% казахов проживало в г. Тургае, но при малочисленности населения города эти цифры не меняют общую тенденцию. В целом за три межпереписных года – с 1920 по 1923 – коренное население в городах республики увеличилось с 7,2 до 8,8% [25, с. 57-

58]. Мы начинаем наблюдать процесс маргинализации казахского населения. Увеличиваясь в составе городского населения, оно будет продолжать уменьшаться общем проценте числа жителей республики и Северо-казахстанского региона.

Динамика роста городского населения Северного Казахстана будет отмечаться на протяжении всей первой половины 1920-х годов. Обратимся к данным Всесоюзной переписи населения 1926 года (таблица 22).

Таблица 22 - Наличное население городов Северного Казахстана по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года

Наименование городов	Мужчин	Женщин	Всего	В %% к переписи 1923 года
Кустанай	12067	13349	25416	123
Петропавловск	22960	24401	47361	132
Кокчетав	5338	5722	11060	106
Тургай	991	843	1834	215
Павлодар	8939	9003	17942	94
Акмолинск	6288	6493	12781	120
Итого	56583	59811	116394	

Примечание - Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. - М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. - С. 14.

Согласно данным таблицы 22, стремительный рост населения отмечался в г. Тургае – 215 % по отношению к данным 1923 года. В других городах увеличивалось не столь резко: Кустанае - 123% по сравнению с данными 1923 года, в Петропавловске –132%, в Кокчетаве –106% и в Акмолинске – 120%. Лишь в Павлодаре городское население снижается 94% по отношению к показателям 1923 года. Прирост городского населения во всех городах Северного Казахстана можно объяснить не только естественным движением населения, но и значительным перемещением в города сельчан. Женское население преобладает практически во всех городах, за исключением города Тургая. Объяснить эти показатели возможно резким уменьшением мужского населения в годы революционных событий, войн и голода начала 1920-х годов, когда происходил существенный отток населения из региона. В абсолютных цифрах наиболее населённым оказался город Петропавловск – 47.361 человек. Вторым по населённости оказался г. Кустанай – 25.416 жителей. Наименьшее число жителей проживало в г. Тургае. Население других северо-казахстанских городов (Кокчетав, Акмолинска, Павлодара) колеблется в пределах 11-18 тысяч человек.

Проследить динамику численности населения городов Северного Казахстана становится возможно при обращении к материалам как полных, так и промежуточных переписей. Мы возьмём за основу данные Первой всеобщей переписи населения 1897 года, промежуточных данных 1911 года, переписей

1920 и 1923 годов, а также Всесоюзной переписи населения 1926 года (Приложение С, Рисунок 2).

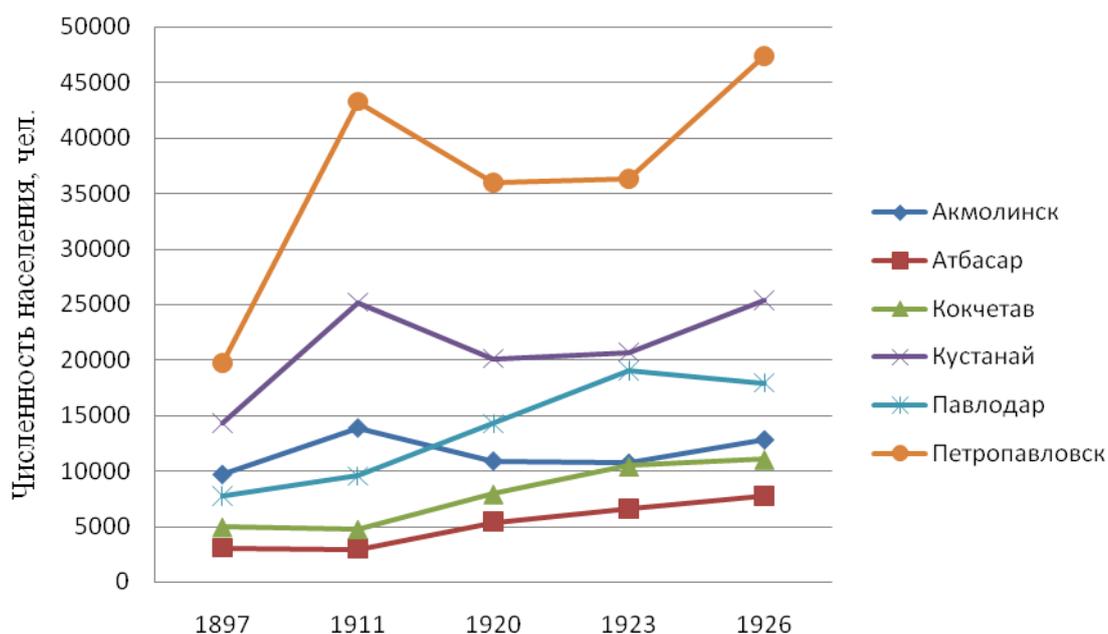

Рисунок 2 – Диаграмма. Динамика численности населения городов Северного Казахстана (1897-1926 гг.)

Примечание - Составлено по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXVII. Тургайская область. - СПб.: «Слово», 1904. – 150 с.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXI. Акмолинская область. - СПб.: «Слово», 1904. – 135 с.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXIV. Семипалатинская область. - СПб.: «Слово», 1905. – 148 с.; Азиатская Россия. Т.1. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – 578 с.; Мешков А.А. Горперепись КССР 1923 года. // Статистический вестник. – Б.м.: Орган Центр. стат. управ. КССР, 1923. №1. – С. 81-88. – С. 85-86. Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. - М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 14.

По данным диаграммы видна не только динамика роста населения всех городов Северного Казахстана, но и отмечен период демографического кризиса 1917-1922 гг. Особенно это заметно в отношении наиболее населённых городов – Петропавловска, Кустаная и Акмолинска. Их кривая по диаграмме почти полностью совпадает. У городов с меньшим числом жителей – Атбасара и Кокчетав – отмечается постепенный и устойчивый рост населения в начале 1920-х годов. И лишь в Павлодаре число жителей в 1926 году, снижается по сравнению с показателями 1923 года [343, с. 67].

Годы революционных событий стали переломными в истории изучаемой территории и всей страны. Точных же сведений о населённости уездов и

областей Северного Казахстана в годы революции и гражданской войны не сохранилось. Не хватало точных источников информации и даже простой бумаги, по поводу чего осенью 1919 года издавались указания о ее экономном использовании: «Военно-революционный комитет приказывает вам строго наблюдать по канцелярии, чтобы все бумаги, исходящие из учреждения, по возможности, писались бы на одной восьмой и одной четверти листа, т.к. в городе ощущается бумажный голод» [279, л. 9].

Показательными в этом смысле оказываются данные о численности населения Кустанайского уезда. По данным челябинской статистики население Кустанайского уезда в 1920 году составило 410.136 человек [305, лл. 1-1об]. Казахстанские статистики указывали совершенно иные цифры. Так, население Кустанайской губернии по данным городской переписи 1920 года составило 482416 человек [338, с. 60]. Следует сказать и о том, что по данным ряда переписей к началу 1920 годов резко снижается население земледельческих районов Кустанайской губернии (уезда): данные переписи 1917 года – 379.700 человек; данные выборочной переписи 1922 года – 275.175 человек

Причины резкого снижения населённости земледельческих регионов виделись в последствиях гражданской войны: «Одна часть людей непосредственно погибла в войне, другая – эмигрировала, третья – стала жертвой эпидемий». Резкому снижению населения способствовал и голод 1921-1922 годов – в Кустанайском уезде – это практически четверть всего населения, большинство из которых умерло на месте, «...а остальные, покинув свои хозяйства, отправились странствовать и, вероятно, в значительной части также ликвидировали свои счета с жизнью». – сообщает «Статистический вестник КАССР» за 1923 год [338, с. 65-66].

Несмотря на противоречивость сведений, сложность их подсчета, официальная статистика уже к 1923 году отмечала рост населения как отдельных губерний и районов, так и всего населения республики (таблица 23) [21, с. 104].

Таблица 23 - Численность населения губерний и районов КАССР (1923 г.)

Губернии и районы	Населения обоего пола		
	Сельского	Городского	Итого
Кустанайская	280117	20681	300798
Тургайский район	77060	853	77913
Акмолинская	912322	74091	986413
Семипалатинская	937056	126263	1063319
По КССР	3504708	458929	3963637
Примечание - Составлено по данным: Статистический вестник. – Оренбург, 1923. – №2.- С. 104.			

Данные таблицы 23 не позволяют нам с точностью определить население Северного Казахстана, поскольку мы используем данные по более обширным территориальным единицам – Акмолинской и Семипалатинской областям – части которых входили в пределы Центрального и Восточного Казахстана. С выделением экономического районирования районов Казахстана становится возможным точное выделение населения по региональному признаку. Такие подсчеты возможно провести по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года. В ней наряду с данными по губерниям, городам и уездам приводятся поволостные списки о составе населения. Мы имеем сведения о территориальном устройстве Северного Казахстана, применительно к его современным границам, что позволяет высчитать численность населения всего Северо-казахстанского региона (таблица 24) [49, с. 66-67].

Таблица 24 - Население Северного Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1926 года

Административно-территориальные единицы	Население		
	Мужчины	Женщины	Всего
Акмолинский уезд (в составе г. Акмолинска, Азатской, Акмолинской, Воровской, Еремейской, Еркиншилыкской, Ишимской, Калининской, Революционной, Сарысуйской, Троицкой волостей)	90287	85335	175622
Атбасарский уезд (в составе п. Атбасара, Атбасарской, Каракаинской, Пролетарской, Свободной, Советской, Социалистической, Тас-Уткульской волостей).	65541	63574	129115
Кокчетавский уезд (с г. Кокчетавом и всеми волостями)	181615	182024	363639
Петропавловский уезд (с г. Петропавловском и всеми волостями)	202281	205120	407401
Павлодарский уезд (с г. Павлодаром и всеми волостями)	153454	141185	294639
Тургайский уезд (с г. Тургаем и всеми волостями)	49812	44708	94520
Кустанайский округ (с г. Кустанаем и всеми волостями)	193436	195900	389336
Итого	936426	917846	1854272
Примечание - Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. - М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 134-147; Козина В.В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). Книга первая. – Алматы: Оркениет, 2000. – 144 с. – С. 66-67.			

Итак, согласно данным таблицы 24, совокупное население Северного Казахстана составило 1.854.272 человека, регион стал вторым по количеству жителей (после Южного Казахстана) в целом по стране. При этом казахское население составило лишь 718.581 человек (38,8% от общей численности

населения). Городское население составляло лишь 6,7% общей численности населения региона (124.139 чел.). Основная масса жителей продолжала проживать в сельской местности. По сравнению с данными Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в 1926 году число жителей региона в абсолютных цифрах увеличилось на 1.002.907 чел., т.е. на 118%.

События начала 1920-х годов, неурожайные годы привели к голоду и серьезным изменениям демографического состояния в Северо-казахстанском регионе. Данные в значительной степени расходятся и оперировать усреднёнными показателями, было бы не совсем верно. Все указанные цифры свидетельствуют лишь о масштабах голода. Голод сопровождался массовыми эпидемиями и, система здравоохранения оказалась не в состоянии с ними справиться. В свою очередь, мы высказываем предположение, что итоговые цифры и статистика потерь региона в голодные годы должны рассматриваться в строгой совокупности с предшествующими десятилетиями. Данные Всесоюзной переписи населения 1926 года указывают динамику роста как сельского, так и городского населения Северного Казахстана. При этих показателях процент казахского населения вновь понижается, что свидетельствует о начале массового переселения в Северный Казахстан из районов центральной России и Поволжья.

2.3 Межэтнические процессы в регионе и уровень образования населения

В сложные переходные периоды, допустим в годы гражданской войны, при смене политических режимов меняло свою социальную и практическую направленность образование.

Казахская интеллигенция в лице алашского движения видела главную образовательную функцию в усилении национальной политики. Уже в августе 1917 года ими предлагалось введение всеобщего обязательного обучения с обучением в первые два года «...только на родном языке». Учебные пособия на казахском языке, исходя из этой программы, «...должны печататься с соблюдением киргизского правописания, принятой газетой «Казак»». Обучение должно вестись в смешанных школах, по мнению алашцев, казахскими учителями, без отказа от религиозного образования [263, с. 57]. Такие меры, считалось, способны были спасти казахскую идентичность, которая в течении десятилетий теряла свое своеобразие как в хозяйственном, так и в культурном смысле. Данные проекты так и остались не реализованными, а диалог в дальнейшем велся с помощью компромиссов с новой политической властью.

После февральских и октябрьских событий 1917 года школьная система продолжала жить скорее по инерции, практически не изменяясь. Так, в конце лета 1918 большинство учебных заведений Северного Казахстана заявляли о приёмных экзаменах [203]. Правда, в связи с тяжёлым финансовым положением решался вопрос о продолжении существования того, или иного образовательного учреждения. По этим причинам в 1917 году прекратило своё существование реальное училище в г. Кустанае. В течение 1918 года при

участии органов местного самоуправления неоднократно собирались попечительские советы «по вопросу об изыскании средств» для ряда других учебных заведений [204]. Встал вопрос о дальнейшей деятельности Кустанайской женской гимназии, о чем сообщала местная пресса: «Никогда еще Кустанайская женская гимназия не была в таком тяжёлом положении как сейчас. Если и прошлому Попечительскому Совету гимназии приходилось изворачиваться, отыскивая средства для существования её, если в жизни этой гимназии и были моменты, когда не было уверенности в завтрашнем дне, то теперь положение стало совершенно невозможным. В кассе нет ни копейки, преподаватели совсем не получали жалованья за август, а за май, июнь и июль получили только в половинном размере, наступает пора занятий, но преподаватели не знают, найдутся ли средства на содержание гимназии. А средств требуется много. Годовой бюджет равняется почти 225000 руб. при 500 учащихся. Поддержка, которую получает гимназия от казны, земства и города мизерна – всего около 15000 руб., цифра слишком ничтожная в сравнении с бюджетом и потому не удивительно, что многие заговорили о возможном закрытии гимназии» [205]. В последние месяцы «колчаковского» режима на территории Кустанайского уезда земские органы, отвечавшие за местное образование, на основании циркуляров «дореволюционного правительства», поставили вопрос о квалификации педагогического состава. Предлагалось в течение августа 1919 года «...всем учащим не окончившим курсов специальных учебных заведений: 8 клас. педагогической жен. гимназии, учит. семинарии педагогических курсов и не выдержавших специального испытания на звание учителя – выдержать таковые...» [196]. Реализовать подобную программу и также планы кредитования народного образования не удалось, в связи с окончательным установлением Советской власти в Кустанае и уезде 19 августа 1919 года.

В условиях смены политических режимов, проблема организации школьного дела продолжала оставаться наиважнейшей. Теперь к собственно образовательному вопросу добавлялся и социальный – классовый фактор. В протоколе съезда председателей сельских, станичных, волостных и уездных ревкомов Челябинской губернии от 1-го октября 1919 года в выступлении председателя Кустанайского ревкома Дружицкого сообщалось о неудовлетворительной работе органов социального обеспечения, не знающего «...что такое дом ребенка, ясли, какую и как назначать помощь пострадавшим от контрреволюции». Сложности все те же – отсутствие финансов, учителей, площадей: «Самое великолепное помещение в г. Кустанае, 3-х этажное, с паровым отоплением, это тюрьма. – заявлял Дружицкий. - Ревком постановил: тюрьму отремонтировать и передать Отделу народного образования» [306, лл. 41, 43, 44].

Первая советская перепись 1920 года регистрировала население, считая грамотными всех, кто умел писать и читать на родном языке. Даже те, кто только что поступал в школу, учитывались как грамотные. Таким образом, на 1000 жителей Казахстана приходилось грамотных мужчин 191; женщин – 96;

обоего пола – 143. Число грамотных среди казахского населения было значительно ниже – 31 человек на одну тысячу жителей [262, с. 16].

Незначительные успехи в деле школьного образования объяснялись сложной политической обстановкой в тот период. Все категории учащихся, в условиях «военного времени» к октябрю 1920 года «дальнейшей отсрочкой для продолжения образования не пользуются и подлежат немедленной явке в Мобилизационный отдел для поступления на военную службу» [291, л. 10]. Неблагонадежные учителя, прежде замеченные в связях с «белогвардейцами» подвергались репрессиям [261], школьные учебники «прежнего режима» служили топливом. Школы представляли собой «...пустые грязные, холодные, с выбитыми стёклами сараи». В особенно ужасном состоянии находились аульные школы: «школьные здания аульных школ почти поголовно жилые помещения..., частью просто землянки, находящиеся в антисанитарных условиях. Аульные школы совершенно не имеют учебных пособий, мебели, книг, наглядных пособий. Детям приходилось упражняться в чтении и письме запросто, сидя на полу, вместо линованных тетрадей писать на случайных обрывках бумаги, совершенно случайно подвернувшимися под руку огрызками карандашей» [299, лл. 15, 17-17об].

Однако, официальные источники декларировали успехи в организации образовательного процесса. Сообщалось, что в течение 1920 года было открыто 20 школ второй ступени в Уральской и Тургайской областях, по окончании которых возможным становилось получение высшего образования, в том числе и для казахских детей. Всего же в течение 1919-1920 года было открыто 29 школ в Тургайском уезде, 15 – в Акмолинском и около 100 в Кустанайском уездах [35, с. 81-82]. Цифры не отражали истинного положения дел. На деле, многие дети не учились. Так, например, из 200 детей школьного возраста в п. Карасульском в 1920 году посещало занятия только 57. Причина этого - включение в трудовую деятельность 12-13 летних подростков; запреты на посещение школы в связи с отменой преподавания Закона Божьего; массовые эпидемии и отсутствие одежды. Ощущалась серьёзная нехватка учителей. К маю 1921 года Кустанайский Губотнаробраз разработал планы по открытию курсов по подготовке учителей, на которых предполагалось подготовить до 1000 учителей [318, с. 72-73]. В начале 1920-х годов в планах губернии было строительство 100 новых школ, однако голод помешал этим планам, и их общее количество сократилось до 43 [337, с. 42]. О строительстве новых учебных заведений пришлось забыть, в связи с полным отсутствием средств и полным обнищанием населения. «За время 1920 года народное образование пришло в полный упадок. – Сообщается в данных губисполкома. - Было задание построить в киргизских волостях по новой школе, однако для русских и киргизских поселков в деле народного образования ничего существенного сделать не удалось...» [87].

Казахи, в подавляющем большинстве оставались неграмотными: «По переписи 1920 года среди всех национальностей КССР грамотных было 14,3%, число же грамотных киргиз много меньше, опускаясь в некоторых губерниях до 1%. Только ряд чрезвычайных мер правительства КССР поднимет общий

культурный уровень населения края вообще и киргиз в частности...» [25, с. 67]. – утверждали статистические органы.

Несмотря на все усилия, школа работала с большим надрывом, немногочисленным учителям приходилось работать «...при условии почти полного отсутствия учебников и учебных пособий, в особенности бедны те школы, которые открыты на договорных с населением началах, т.к. они все время со стороны Наробраза ничем помочь в этом отношении не может за отсутствием средств». Всего в Кустанайской губернии к середине 1923 года школ 1 ступени - 181, школ 2 ступени – 3. Большинство из них финансировались из государственного и местного бюджета. 7 школ-коммун для беднейших детей киргиз, исключительно содержались на средства государства. Остальные - функционировали на договорных началах с сельскими обществами [241, с. 36-37]. К осени 1923 года все без исключения учебные заведения были переданы в местный бюджет. По утверждённым планам, губернский отдел народного образования «...исходя из наличия средств» должен был открыть «...106 школ 1 ст., 3 школы 2 ступени, 5 школ коммун для киргиз, 21 детдом, 1 с/х школу, 1 школу красных инвалидов, 30 библиотек, 16 школ ликвидации неграмотности, 6 клубов, 1 губсовпартшколу, 6 школ политграмоты, 1 музей, 3 дома крестьянина, 5 театров, 13 нардомов и 45 изб-читален». Даже такое резкое увеличение школ не могло решить вопрос «ликвидации безграмотности» в губернии. На это не хватало финансов, в связи с чем, Губоно вело агитацию об открытии 70 школ «на договорных началах». Шла «переквалификация» школьных работников, которые проходили через отборочные экспертные комиссии: «...в результате, - сообщается в отчетах о состоянии народного образования к началу 1923-1924 учебного года, большинство неподготовленного элемента было заменено; кроме того, этим летом 90 человек учащихся русских и киргиз прошли местные переподготовительные курсы и 32 человека Оренбургские курсы. И, наконец, открыт педагогический техникум, который явится рассадником красного учительства и нашей губернии. В отчётном году было произведено обследование всех школ и культурно-просветительских учреждений губернии. Оказалось, что всего по губернии вместе с договорными функционирует 219 школ 1 ст., 3 школы 2 ступ., 7 школ-коммун, 1 школа кр. Инвалидов, 49 библиотек, 31 школа ликвидации неграмотности, 7 клубов, 1 губсовпартшкола, 13 школ политграмоты, 1 музей, 2 агитпоста, 3 дома крестьянина, 6 театров, 13 нардомов, 82 читальни. Во всех школах учащихся «17000» и учащихся «326»» [240, с. 33]. Несмотря на значительное увеличение учебных заведений, обучение в них чаще всего носило лишь первоначальный характер. Образование начало значительную ориентацию в русскоязычном направлении, о чем свидетельствовало малое количество специализированных учебных заведений для казахского населения, в которых главным образом шла борьба с религиозным влиянием с наставляющим влиянием новой партийной идеологии.

Такая же ситуация сложилась повсеместно по всей республике, об это сообщала органы центральной и местной партийной власти. «Мы знаем, что представляют из себя пресловутые аульские школы, - сообщается в

дискуссионном листке «О работе среди киргиз» журнала «Коммунист» Семипалатинского Губкома РКП (б), - где учителем и воспитателем является мулла-священник – влияние которого на детскую душу было безраздельно... Коран должен быть выброшен из киргизской школы, также решительно, как это сделано с законом божьим в русской школе» [257, с. 93]. Усиливался партийный контроль над образованием, а казахским школам не хватало не только учителей и помещений, но и учебников на родном языке.

Вопросы образования теперь носили плановый характер, главное внимание уделялось количеству школ и учащихся, а не качеству их подготовки. Намеченные планы, в условиях сложившейся системы «штурмовщины» постоянно перевыполнялись. С другой стороны мы не можем не отметить факт того, что получение образования, в отличие от предшествующего дореволюционного периода становится более доступным, в процесс ликвидации безграмотности включается всё больше жителей страны. Уровень образованности, даже на первоначальном уровне, был катастрофическим. В 1923 году на 1 действующую школу приходилось 1.200 душ населения страны, казалось бы, цифра вполне достаточная. Однако, как сообщали официальные органы, учащиеся составляли лишь 35 процентов от всего числа детей школьного возраста или 6 процентов от общего числа всех неграмотных. И ситуацию не могло переломить ни агитация, ни приобретение новых учебников, ни культурно-просветительская работа. Население находилось, в связи с голодными годами, на уровне выживания и вопросы образованности нередко отходили на второй план, выдвигая на первый – вопросы хозяйственного переустройства. Кроме того, гражданская война и голод породили еще одну проблему – огромное количество беспризорных детей. К тому же 1923 году только в детских домах их насчитывалось около 3.000. Их образование и воспитание велось исключительно в трудовом направлении: «По отношению детей подростков в детдомах произведена организация трудового производства для использования этих подростков в производстве, для чего в детдомах оборудываются мастерские и образована детская трудовая коммуна в Урицком районе» [240, с. 34]. Трудовое воспитание становится главным фактором в борьбе с беспризорностью. Такие дети оказываются в открывающихся детских домах, которые попадают под опеку как со стороны организаций, так и простого населения: «...Проходит неделя беспризорного ребенка, - говорится в Отчете Бюро Кустанайского Губернского Комитета РКП (б) за ноябрь месяц 1923 года, - в которой самое активное участие принимают делегатки-домохозяйки по пошивке белья детским домам; сшито 500 штук» [246, с. 49].

Вопросам образования уделялось внимание и в других регионах Северного Казахстана. Отдел народного образования на территории Петропавловского уезда начал своё действие с ноября 1919 года. С 1919 по 1921 г. – Петропавловский уездный отдел народного образования (уоно), с апреля 1921 по 6 июля 1928 года – Акмолинский губоно. В конце декабря 1919 года при Петропавловском уоно была создана секция дошкольного воспитания, которая с 1 июля 1920 года была преобразована в самостоятельный подотдел. Первый

детский сад на 40 мест был открыт в Петропавловске в феврале 1920 года и назывался «детский сад-очаг №1». 16 мая 1920 года в Петропавловске были открыты 4 детские площадки: Центральная, Мусульманская, Подгорная, Железнодорожная. К концу 1921 года в 4 садах города воспитывалось 56 мальчиков и 115 девочек. В 1921-1925 гг. в школах и учебных пунктах обучалось 40 тысяч взрослых. За один только 1925-1926 учебный год учебные заведения закончили 9345 человек. На 1 июля 1926 года в Петропавловском уезде работали 96 пунктов ликбеза с охватом 1.561 человек [60, с. 97-99].

К 1926 году в Петропавловской губернии работало 787 школ с 51 тысячей учащихся, в т.ч. 228 казахских с 9 тысячами учеников. Были созданы 3 педагогических училища, сельскохозяйственный и лесной техникумы, развёртывалась сеть клубов, библиотек, изб-читален, красных юрт и уголков агитпропаганды [60, с. 54].

Павлодарский уездный отдел народного образования был образован в 1920 году. В 1920-1921 гг. рост школ в уезде был стремительным, и объяснялось это наличием запасов инвентаря, учебников и школьных принадлежностей. Как только в 1923 году школы уезда и города перешли на полное иждивение обслуживаемого населения, рост школьной сети резко упал. По данным архивных справок, в 1923 году в Павлодаре действовали пять русских школ первой ступени, одна школа второй ступени, одна киргизская школа с четырехгодичным образованием первой ступени, одна татарская школа с четырехгодичным образованием первой ступени и две татарско-казахские школы первой ступени. Согласно статистическим сведениям об уровне грамотности Павлодарского уезда на 1923-1924 гг. «...из 254381 человека, обоого пола, составлявших население г. Павлодара и уезда, грамотных числилось 32.924 человека, или 13%» [302, л. 140]. Главное внимание уделялось ликвидации повальной неграмотности, что выражалось в стихийной организации школ-ликбеза [303, лл. 1-2].

Несмотря на серьезные подвижки в школьном образовании, его уровень оставался условным, в том числе и для учительского контингента. Так для того, чтобы быть командированным на места с целью обучения учителей «политграмоте» в 1924 году достаточно было «...уметь бойко писать, читать на родном языке и знать четыре действия арифметики» [247, с. 21]. Сложности отмечались не только в отсутствии квалифицированных кадров, но и в недостаточности финансирования: «Учительство, несмотря на постановление Губисполкома, состоявшееся ее в октябре (1924 года – С.С.), до сих пор ещё не получило задолженной ему заработной платы а 1923-24 год. Кто-то не торопится урегулировать этот вопрос. В свою очередь и учительство «не торопится» проявить себя энергичным участием в общественной работе вообще...» - сообщалось в информации отдельных районов губернии. Для казахского населения наметилась новая тенденция, видевшаяся в ликвидации неграмотности женского населения, практически исключённого, в связи с особенностями традиционного жизненного уклада, из процесса обучения: «В киргизских волостях школьное и культурно-просветительское дело обстоит очень плохо: нет учебников, нет канцелярских принадлежностей. Обучаются

почти исключительно мальчики, девочки – как редкое исключение. На эту ненормальность, очевидно, не обращено, кем следует, должного внимания. Можно предполагать, что то же самое получится и в отношении взрослой киргизки при ликвидации неграмотности. А надо сказать, что киргизская женщина больше, чем русская, стремится к учению. Да и вообще надо сказать, что киргизка сильнее интересуется вопросами женского движения, чем русская» [248, с. 14]. Казахских женщин пытались ввести в активный политический процесс, пропагандируя идеи равноправия, как в общественной жизни, так и в политической среде: «В Советской Республике женщина равна мужчине... Киргизский ЦИК признал днем праздника освобождения киргизской женщины от калыма – 1 января» [232]. Создавались женские аул- и волисполкомы с обязательным участием женщин казашек. Образование и активное участие в политической жизни женского населения виделись как залог решения национального, хозяйственного и других вопросов. Данная работа видела в усиленной агитации аулов, о чем постоянно писали местные партийные издания: «Летний период более чем какой-либо благоприятный момент для работы среди киргизских женщин. Отделы работниц должны использовать этот момент кочевников и повести агитацию через ячейки за оседлый образ жизни, разъясняя закон об отмене калыма, а так-же все законы Соввласти об уравнивании в правах всех женщин...» [249, с. 44]. Женское население постепенно выходило из замкнутого круга строго патриархальных отношений. Вовлечению их в политический и образовательный процесс способствовало открытие детских садов, освобождавших часть времени не только на работу, но и учебу. Школьное образование продолжало испытывать сложности, как в целом, так и на местах. Анализируя положение дел в отдаленных населенных пунктах к концу 1924 года, местная пресса писала: «В центре волости (Павловской – С.С.) есть школа 4-хлетка, учеников в ней 100 человек, из них 89 русских, 56 мальчиков и 33 девочки, и 11 мальчиков киргиз. Учебных пособий почти нет. В прошлом году (1923 – С.С.) школа отоплением не была обеспечена и были случаи, что чернила замерзали в чернильницах... На этот год школа пока-что тоже отоплением не обеспечена. Волисполком никакой заботы о школе не проявлял и не оказывал никакого давления на школьно-хозяйственный совет, а последний работает скверно... ..в пос. Луговском, ...проведено собрание граждан... Крестьянина, между прочим, интересуется, - будет ли учитель. Школа в поселке есть и помещение школы прекрасное, есть обстановка, заготовлено отопление и помещение для учителя, но учителя нет и на неоднократные просьбы относительно учителя Губоно не отвечает» [250, с. 20-21]. Другой подобный источник сообщает: «В поселке (Светло-Джаркульском – С.С.) имеется школа с 75 учениками, находящаяся на государственном снабжении. Открылась школа ликвидации неграмотности, которую посещают, главным образом, женщины...» [251, с. 25].

Особое внимание в вопросах ликвидации неграмотности уделялось молодежи, через активную агитацию новой политической системы. Прохождение через систему молодежных объединений, получение начального образования, инструктаж по «линии партии» и вступление в ее ряды, теперь

становится залогом успешности в продвижении по бюрократической лестнице. В отчетах по работе губернского Бюро с молодежью отмечалось следующее: «...проведен персональный учет киргизской молодежи и русских, владеющих киргизским языком, для использования таковых на союзной работе среди киргизской молодежи. Закончен учет активного состава союза, по материалам ЦК РКСМ, начиная с секретарей сельских ячеек... ..По окончании политпроверки в городе, будут открыты 2 школы политграмоты и по одной на уезд. Экономико-правовая работа проводилась, главным образом, по борьбе с безработицей; зарегистрировано безработных 34 человека. Проведена проверка знаний учеников, работающих в мельничном производстве. Проверку прошли три ученика, из которых проведены во второй разряд 2 ученика, и 1 оставлен в 3 разряде. Конфликтов улажено 4 в пользу подростков» [246, с. 50]. Уровень грамотности всего населения Северного Казахстана по сравнению с дореволюционным периодом значительно вырос, но не стал всеобъемлющим явлением, поскольку среди грамотных в основном было распространено лишь первоначальное образование. Тем не менее, количественный рост числа грамотных к 1926 году на основании данных Всесоюзной переписи населения 1926 года был налицо (таблица 25).

Таблица 25 – Уровень грамотности в Северо-казахстанском регионе по данным Всеобщей переписи населения 1926 года.

Населенные территории	Всего населения	Грамотных	% грамотных	Грамотных женщин (%)	Грамотных казахов (%)
Кустанайский округ	389336	107459	27,6	31988 (16,3%)	29937 (24,3%)
г. Кустанай	25417	12645	49,8	5222 (41,4%)	213 (51,7%)
Тургайский уезд Актюбинской губернии	94520	8400	8,9	679 (1,5%)	Нет данных
г. Тургай	1836	876	47,7	252 (30%)	Нет данных
Акмолинская губерния	1211552	271001	22,4	72872 (12,1%)	44615 (10,4%)
Городское население Акмолинской губернии	80800	41847	51,8	18335 (44,0%)	2809 (30,9%)
Павлодарский уезд Семипалатинской губернии	294639	65490	22,2	17478 (12,4%)	17331 (10,7%)
г. Павлодар	17949	8907	49,6	3793 (42,1%)	790 (24,7%)

Примечание - Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 134-147.

Как видно из таблицы, доля грамотного населения в городах была более высокой. В городском населении отмечен наиболее высокий уровень грамотности среди женского населения. Доля грамотных среди казахов составляла в городах 25-30%. Грамотность сельского населения в округах и уездах Северного Казахстана колебалась в пределах 22-27 % от общего числа населения. Особняком выглядят данные по Тургайскому уезду почти целиком населенному казахами. Здесь общий процент грамотных составил всего 8,9%, а процент грамотных женщин лишь 1,5%.

Предшествующие годы развития региона, сказались на этническом составе его населения. Уже в начале 1920-х годов большинство регионов Северного Казахстана начинает относиться к районам с преобладанием пришлого населения. В условиях созданной в 1920 году национальной автономии это ставило сложные задачи межнационального сожительства. Теперь казахское население оказалось под угрозой не только экономической, но и языковой ассимиляции.

Внедрение в делопроизводство и повседневность государственного языка является одной из главных проблем современного казахстанского общества. Подобного же рода сложности испытывались в нашем регионе и при других политических режимах. Попытаемся рассмотреть данный вопрос через призму политических событий 1920-х годов.

В политической и административной неустроенности выделась главная причина неграмотности местного населения: «Киргизский аул является более отсталым в социальном и культурном отношении. Помимо деления на баев и бедняков, в дореволюционное время выдвинули особый слой торговцев, торговых посредников... Несмотря на наличие в ауле явно классовых противоречий, процесс сознательного расслоения аула в большинстве случаев выявляется чрезвычайно слабо. В аульных советах, волостных исполкомах зачастую сидят баи, их сынки и пр. Беднота до сих пор находится в кабале у байского элемента. ...Часть интеллигенции, отражая интересы социально крепких элементов, выдвигает на первый план свое националистическое понимание явлений общественной жизни» [252, с. 31-32]. Выход в сложившейся ситуации виделся Советам в пропаганде коммунистических идей, через литературу, переводимую на родной язык. Речь шла о выпуске марксистских произведений, активизации деятельности газет на казахском языке: «Надо принять все меры к организации будущего состава совпартшколы и уездных школ политграмоты, - отмечал один из лидеров партийной организации Кустанайского уезда Л. Паперный, - влить туда возможно большее количество киргиз, проявивших склонность учиться, тщательно разработать план преподавания киргизского языка и прочих предметов по-киргизски. ...Начинающую выходить киргизскую газету «Аул» надо превратить в киргизский культурный центр, сгруппировать вокруг неё все литературные и лекторские силы, помочь ей завоевать положение и авторитет, обрасти всякими культурными достижениями... » [253, с. 4].

Сложным оставался вопрос о грамотности большинства коренного населения края. Немногочисленная национальная интеллигенция не могла

удовлетворить интеллектуальные потребности жителей региона. Ликвидация безграмотности носила чаще всего декларативный характер, ориентированный на количественный, а не на качественное изменение ситуации. В итоге создавался вполне благополучный, ставший основой всей культурной политики раннего советского руководства «пропагандистский мираж». Допустим, в 1920 году предполагалось построить в киргизских волостях по новой школе, однако в связи с финансовыми проблемами решение этого вопроса было отложено на неопределённый срок [87]. Другой причиной слабой образованности, виделся кочевой, по большей части, образ жизни казахов. Перевод местных жителей на оседлость, по мнению советских политиков, был способен не только регламентировать жизнь местного населения и, отчасти решить проблему неграмотности. Чаще – это становилось еще одним из способов понукания: «... В аулах были представители райисполкомов, но их разъезды были только для «бишбармака»» [88].

По сути, практика формального и широкомасштабного введения в государственный оборот национальных языков стал одним из способов интернационализации советского общества. Этим объяснялась близость партии к проблемам этносов, составлявших новое государство. Не случайно, что в партийных резолюциях речь шла о «...правильном и планомерном введении киргизского языка в канцеляриях, широкой популяризации важнейших постановлений губернского центра» среди местного населения [88].

Доказательством этого становятся соображения губернских исполкомов с перспективным планом: «...через Киркомиссию при Орготделе усилить руководство местами в кирячейках. Обусловить выезд членов комиссии; как обязательство, иметь инструкторов из киргиз. Основными базисами внутрипартийной работы считать производственные ячейки, группирующие вокруг себя киргизских батраков» [254, с. 4].

Языковая пропаганда ставила своей основной задачей не культурное обогащение коренного этноса, а воспринималась как инструмент, способный идеологически воздействовать на массы казахского населения: «...Слабость партработы среди киргиз в аулах объясняется культурной отсталостью большинства киргиз-коммунистов, недостаточным вниманием к работе среди киргиз со стороны Укомов, отсутствием политического воспитания среди членов РКП(б) и РКСМ киргиз, неполным оформлением кирячеек и отсутствием достаточного кадра марксистски подготовленных кирработников. Вот почему совещание признает необходимым: 1) усилить рабочий аппарат Укомов киргизами; 2) приступить к ликвидации гражданской неграмотности среди членов РКП (б) и РКСМ на родном языке; 3) в уездных школах политграмоты организовать по возможности специальные киргизские отделения; 4) прохождение книжки Коваленко на киргизском языке считать обязательным; 5) принять меры к снабжению кирячеек кирлитературой;...7) при кирячейках организовать кружки самообразования на родном языке и т.д.» [224].

Несмотря на «усиленную работу» ощущалась нехватка людей в канцеляриях для ведения делопроизводства на казахском языке. Особенно

ситуация осложнилась с 22 ноября 1923 года, когда КирЦИК принял постановление о признании на территории КССР казахского и русского языков как государственных, о ведении делопроизводства в государственных, общественных учреждениях и организациях КССР наряду с русским и на казахском языке. Для решения вопроса повсеместно открывались курсы для русскоязычных служащих по изучению казахского языка и письменности. С другой стороны, активное привлечение к управленческим структурам казахского населения вызывало изменение положения служащих-татар, доселе считавшихся «незаменимыми» в вопросах делопроизводства [53, с. 184-187].

Проблема языка заменяла собой весьма актуальные проблемы того времени: голодные годы, неуспехи в политике и полную дискредитацию сельскохозяйственного комплекса. Взамен этого декларировались вполне демократические принципы ведения национальной политики в языковом вопросе: «...принимая во внимание, что киргизский и русский языки являются официальными языками КССР, признается необходимым введение киргизского языка во всех государственных учреждениях, одновременно с русским, причем основным языком на местах (в селах, аулах, волостях и судебных участках) считается язык большинства населения» [255, с. 60-61]. Отмечалось, что во всех киргизских волостях и аулах представители администрации должны быть знакомы с киргизским языком, грамотой и бытом, во всех уездных и губернских органах и органах внутренних дел вводился штат переводчиков. Причем инструкторский штаб становился основой партийной пропаганды на местах. Для достижения же более высоких постов в государственном механизме требовался переход к основному языку межнационального общения в советском обществе – русскому.

Вскоре такая политика, по сути переходная, в культурно-ассимиляционном плане начала давать свои результаты. Так, отчитываясь о состоянии вопроса использования казахского языка в Денисовском уезде Кустанайской губернии в 1924 году, некий Самсонов заявлял: «Делопроизводство в киргизских советских органах ведётся на киргизском языке. Сношения волисполкомов и аульных Советов с Уисполкомом и уездными отделами ведутся на киргизском языке. Следует отметить мнение некоторых уездных ответработников о том, что будто бы сами киргизы придают больше значение «кагазу» (бумажке), написанной на русском языке, считая таковую за «более действительную и существенную» [256, с. 13].

Кстати подобного рода политика обратным образом сказалась и на полиэтничности казахстанского общества. Допустим на вопрос крестьянина, живущего в казахском ауле и желающего изучить местный язык, он получает весьма странный ответ: «В лесу и без дров, так и вы товарищ. Живёте в киргизском ауле и не знаете, как бы вам научиться по-киргизски. Стоит только захотеть» [233]. В результате такого отношения казахский язык не стал в 1920-е годы языком повсеместного использования, лишь временно популяризовав отдельные постановления советской власти. Проблему пытались решить путем перевода письменного казахского языка на латинский шрифт, что увязывалось с будущими вопросами взаимодействия этносов Советского государства и в

рамках продвижения идей «мировой революции». Универсализации языка не получила дальнейшего развития, закончившись переводом на кириллицу.

Новый подход к национальному вопросу также предполагал интернационализацию сознания с зачастую формальным решением вопросов коренного населения. Несмотря на то, что количество этносов, проживающих в Северном Казахстане и прилегающих к нему регионах, исчислялось десятками, проблему представляли как вопрос взаимодействия русского и коренного населения.

На заседаниях губернских съездов Советов, начиная с 1920 года, регулярно поднимался вопрос об улучшении экономического положения казахского населения. Речь шла о привлечении казахов в работу местной и центральной администрации. Особо выделялся вопрос о наведении порядка на местах и привлечении местного населения в милицию. Отмечалось что. Итогом обсуждений нередко становились весьма пространные заявления (Шафета – С.С.): «Я не думаю здесь говорить о страданиях киргизской и русской бедноты. Я не буду говорить, и о том, сколько расстреляно человек: мы от этого уходим» [248]. Ситуация после окончания гражданской войны осложнялась еще и тем, что в среде недовольных новой властью, оказывалось достаточное количество казахов, нередко примыкавших к формированиям так называемой «зелёной армии» [342, с. 101]. Следует отметить, что местное казахское население зачастую оказывалось и главными жертвами бандитов.

Казахский аул в новых условиях продолжал самоуправляться, в чём советская власть видела его полную неустроенность, пытаясь бороться с засильем байского элемента на местах. Решение межнациональных противоречий губернской администрацией виделось в переводе на оседлость казахского населения. Однако подобное урегулирование экономических вопросов приводило к новым столкновениям между «местными и пришлыми»: «...С усилением процесса оседания киргизского населения и быстрым восстановлением и расширением посевной площади русского населения, эти конфликты и споры неизбежно должны учащаться и обостряться» [154, с. 36]. Перевод в оседлость киргизского населения порождал мифы и страхи в переселенческой среде. Массовый отъезд крестьянского населения в Россию и Украину объяснялся неурожайностью начала 1920-х годов, стремлением вернуться к себе на родину. Но часто слышались и другие мотивы: «Говорят, что скоро киргизы все равно отнимут землю» или «киргизы берут или требуют слишком высокую арендную плату» и т.д.» [154, с. 37].

Для решения конфликтных вопросов предлагалось использовать максимально земельные фонды. Причем, в поземельном устройстве власть часто занимала позицию стороннего наблюдателя, лишь отмечая факты трений между крестьянами-переселенцами и коренными жителями. Часто слышались жалобы типа «...если он киргиз, то нужно делать ему больше вреда, чтобы он-де знал нас русских» [225]. В ответ на подобные жалобы, в качестве «показательных примеров» происходило исключение из партии с формулировками типа «...за избиение киргиза» [234]. Нужно сказать, что в условиях подобного решения «национальных вопросов» за бортом оставались

другие национальности, населявшие регион. Сами губернские власти отмечали, что «...среди национальных меньшинств - немцев и украинцев и т.д. никакой работы не велось, да признаться, не только у нас, но и вообще по всей Кирреспублике на эту работу не было обращено никакого внимания» [256, с. 17].

Но самым важным являлось то, что решение самых важных вопросов, в том числе национальных происходило в городской местности, где действовали центральные органы власти. Коренное население, проживая в сельской местности, организовывалось лишь на местном уровне. У власти на эту проблему была своя точка зрения: «Степь живет своей особенной жизнью и патриархальный уклад жизни киргиза кочевника, его оторванность от остального мира и поголовная безграмотность создают то средостение, которое стоит пока непреодолимым препятствием к широкому проникновению в киргизские степи тех идей, которыми живёт пролетариат городов» [246, с. 92-93]. По данным переписи 1920 года казахское население в городах Кустанайской губернии составляло всего лишь 0,2 процента (55 человек), по данным 1923 года – 1,7 % (356 человек). В Акмолинской губернии в городах в 1920 году казахское население составило 7,3 % (3994 человека), а в 1923 году – 9,9% - (6836 человек). В среднем по КССР только русское население в городах составляло в 1923 году 69 %, а в большинстве регионов Северного Казахстана эта цифра приближалась к 80-90% [25, с. 56-57]. Подобная статистика может утверждать, что исполнительные органы в подавляющем большинстве были представлены русскоязычной массой, и вопрос об участии коренного населения в управлении Северо-казахстанским регионом и использовании в делопроизводстве казахского языка находился на уровне, чаще всего, вынужденного обсуждения. Ситуация особо не изменилась и последующие годы. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 года казахи в городах Северного Казахстана составили лишь 10,8% от общего количества проживающих (таблица 26).

Таблица 26 - Доля казахского населения (по родному языку) в городах Северного Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1926 года

Города	Всего городского населения	В том числе казахов	Процентное отношение казахов ко всему населению
Петропавловск	47357	2712	5,7
Кустанай	25417	412	1,6
Павлодар	17949	3196	17,8
Акмолинск	12781	4403	34,5
Кокчетав	11053	817	7,3
Тургай	1836	1109	60,4
Всего	116393	12649	10,9

Примечание - Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. - М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 134-147.

Как видно из таблицы казахское население в городах Северного Казахстана было малочисленно. Так, доля казахского населения среди жителей г. Кустаная составляла 1,6%, в городах Петропавловске и Кокчетаве этот показатель был также невысок – 5,7% и 7,3 % соответственно. В г. Павлодаре доля казахского населения составила 17,8%, в г. Акмолинске 34,5%. Лишь в г. Тургае казахи численно доминировали – 60,4%. Атбасар не учтён в этом списке, поскольку по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года отнесен к поселкам городского типа. Поскольку города являлись культурными и политическим центрами Северо-казахстанского региона, именно они выступали инициаторами экономического, языкового и культурного взаимодействия этносов.

К середине 1920-х годов в Северо-казахстанском регионе заметно снизился процент казахского населения, и выросла доля других этносов – в первую очередь русского и украинского населения (таблица 27, Приложение Т).

Таблица 27 - Население Северного Казахстана по Всесоюзной переписи населения 1926 года по полу, народности (на основании родного языка)

Национальности	Мужчин	Женщин	Всего	% от общего количества населения
Казахи	384171	334476	718647	38,76
Русские	302641	323690	626331	33,78
Украинцы	210333	219308	429641	23,17
Немцы	16050	16576	32626	1,76
Татары	11919	12870	24789	1,34
Мордва	4797	5259	10056	0,54
Белорусы	1764	1647	3411	0,18
Другие	4751	4020	8771	0,47
Всего населения	936426	917846	1854272	100

Примечание - Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 134-147

Как видно из таблицы 27 казахское население в Северо-казахстанском регионе теперь составляло 38,76 % от общего числа населения. Другими доминирующими национальными группами ставится украинская и русская – 33,78 % и 23,17 % соответственно. Из других национальностей следует отметить немцев и татар – 1,76% и 1,34% соответственно. Другие национальности были представлены незначительно, составив 1,19 % от числа всего населения региона. Тем не менее, мы отмечаем многонациональный характер формирования населения Северного Казахстана.

В городах Северного Казахстана начинается постепенный процесс языковой ассимиляции. Русский язык постепенно становится фактором социальной и политической успешности индивида, вне зависимости от его национальной принадлежности. Однако этот процесс пока еще не коснулся казахских аулов. Северный Казахстан становится полиэтничным обществом.

Этот процесс имел не только негативную сторону. Межнациональное взаимодействие заложило фундамент для формирования толерантности, характерной для современного казахстанского общества

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При изучении особенностей развития социально-демографических процессов в Северо-казахстанском регионе в конце XIX – первой четверти XX века на первый план выходит анализ типологии специфических социально-экономических и демографических условий.

Внутренняя колонизация страны была подготовлена серией административных реформ, окончательно закрепивших национальные окраины в пределах единого государственного пространства. Под переселение выделялись значительные земельные территории, что приводило к ограничению перемещений казахского населения и изменению его традиционного хозяйственного уклада. В этот период создавалась административная чересполосица в расселении основных этнических групп. Казахское население локализовалось в пределах аульных поселений. Переселенцы создавали новые населённые пункты, расселяясь внутри казахских волостей. Крупные населённые пункты получали законодательный статус городов и становились важнейшими центрами миграционного движения. Уезды и территории Северного Казахстана с самого начала рассматривались как аграрно-сырьевой хозяйственный регион, в связи с чем, особому учёту подвергались площади земель, пригодные для земледельческого освоения. Потребности и мнения местного населения при этом учитывались на формально-юридическом уровне.

Естественное движение населения Северо-казахстанского региона характеризовалось высоким уровнем рождаемости среди казахского и переселенческого населения на рубеже XIX – XX вв. Уровень смертности для переселенцев в первое десятилетие XX века будет более высоким, по сравнению с казахским населением, что объяснялось трудностями обустройства на новых местах, антисанитарными условиями проживания. Среди возрастных категорий наибольшая смертность была характерной для детского возраста, средняя продолжительность жизни также была не высока. Период революций и гражданской войны характеризуется как серьёзный демографический кризис, приведший к резкому снижению населения. В 1920-х характерным явлением станет снижение уровня рождаемости казахского населения, объяснявшегося последствиями хозяйственной трансформации коренного населения, голодом и нехваткой женского населения. Устойчивый рост казахского населения в дореволюционный период будет связан только с процессами естественного воспроизводства. В процентном отношении к общему числу жителей казахское население в уездах Северного Казахстана (за исключением Павлодарского уезда и Тургайского уезда, в котором подавляющее большинство населения останется казахским) снизится к началу Первой мировой войны средним на 30-40%.

С началом столыпинских аграрных реформ сложилась конкретная социально-демографическая ситуация, обусловившая в Северо-казахстанском регионе применение особых инструментов демографической политики. Население уездов Северного Казахстана увеличивалось на рубеже XIX – XX

веков за счет массового притока переселенцев. Здесь концентрировалась основная масса жителей Северо-Казахстанского региона. В сельской местности создавалась особая система управления с крестьянскими волостями и крестьянскими участками. В административном плане над казахскими волостями осуществляется двойной контроль: как со стороны местных администраторов, так и со стороны новых переселенческих властей. Миграция и механическое движение населения становятся с этого времени главным источником прироста населения. Переселенческий процесс носил как официальный, так и самовольный характер. Все этапы переселенческого движения имели свои особенности, и не уступали по размерам предыдущим. Как переселенческое, так и казахское население, несмотря на процесс оседания, было мобильным, мигрируя в пределах, как Северного Казахстана, так и всей страны. Каждая новая волна колонизационного освоения края оказала существенное влияние на количественные и качественные изменения состава населения.

В результате механического движения общее число жителей Северного Казахстана стремительно увеличивалось. Устойчивый рост казахского населения в дореволюционный период будет связан только с процессами естественного воспроизводства. В процентном отношении к общему числу жителей казахское население в уездах Северного Казахстана (за исключением Павлодарского уезда и Тургайского уезда, в котором подавляющее большинство населения останется казахским) снизится к началу Первой мировой войны средним на 30-40%. В Кокчетавском уезде Ақмолинской области казахское население к 1915 году будет составлять чуть более четверти от общего числа жителей.

Общее число жителей Северного Казахстана по данным Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 года составило 851.365 человек, к началу Первой мировой войны оно увеличится практически вдвое. Мигрирующее население в начале XX века начинает определять главные оценочные экономико-демографические показатели. Земледельческая культура и агрономическая пропаганда станут основой экономической политики значительной части Северо-казахстанского региона. Традиционные виды экономической жизнедеятельности казахского населения начнут вынужденно эволюционировать в сторону оседлости, предопределив его структурное изменение.

Процессы урбанизации в Северном Казахстане не носили ярко выраженного характера. Города Северного Казахстана формировались на рубеже XIX – XX столетий по моноэтническому признаку, становясь чаще всего транзитными центрами переселенческого движения, опорными пунктами крестьянской колонизации края. Городские поселения сформировали к этому времени самостоятельную систему самоуправления. Четко выделилась сословная структура городского населения, в которой главную роль играли мещане. Численность населения городов зависела от многих факторов: наличия земель, пригодных для активного ведения земледельческого хозяйства, транспортных развязок, способствующих развитию торговли, а также запасов

полезных ископаемых, способных превратить городские поселения в индустриальные центры. Правда, за исключением Петропавловска рост городского населения Северо-казахстанского региона был незначительным. Население Кустаная, Кокчетавы, Акмолинска и Павлодара в начале XX века оставалось стабильным. Такие же городские поселения как Тургай и Атбасар не по числу жителей не выходили за рамки 1500-2500 человек. Немногочисленные города становились центрами промышленного развития региона, носившего аграрный характер.

Переселение изменило не только хозяйственную сторону жизнедеятельности местного населения, но и окончательное соотношение национальностей в регионе. Северный Казахстан уже в начале XX века становится регионом с преобладанием русскоязычного населения. Эти процессы породили проблему межнационального общения. К началу XX века выделяются две этнические общности – казахи как коренные жители и в основной массе русские и украинские крестьяне-переселенцы. Межэтническое взаимодействие между этими категориями шло как на социально-политическом, хозяйственном, так и культурно-бытовом уровне. На официальном уровне обсуждались экономические, языковые и культурные вопросы. Допустим, в дореволюционный период уделялось внимание созданию системы национального образования. В конце XIX – начале XX века уровень грамотности основной части населения был чрезвычайно низок и зависел от принадлежности к этническим, социальным группам, отличался по половому признаку, вероисповеданию и месту жительства. Образовательный уровень казахского населения был самым низким среди основных этнических групп населения.

Низкий уровень здравоохранения был характерен для всего изучаемого периода. Отсутствие квалифицированных медицинских работников, антисанитарные условия проживания большей части населения Северного Казахстана были причиной высокого уровня смертности. Характерным явлением были массовые эпидемии оспы, холеры и т.д., усиливавшиеся в голодные годы, и высокая детская смертность. Уровень смертности и заболеваемости имели свои особенности в различных этнических группах – наследственные и типичные болезни, плохие бытовые условия, очаги возникновения эпидемий и т.д.

Период революций и гражданской войны характеризуется как серьёзный демографический кризис, приведший к резкому снижению населения, как по всему региону, так и в городском населении, что подтверждается данными городской переписи 1920 года. Этот временной отрезок сопровождался спорами по установлению новой политической системы и приведший к власти советское руководство. Политика новой власти в виде усиленной продразвёрстки и административного давления привело к массовому голоду значительной части Северного Казахстана в 1921-1922 годах. Устойчивый рост населения, во многом объясняется новой переселенческой волной, вполне сопоставимой по масштабам с миграционными процессами начала XX века. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 года население Северного

Казахстана превысило показатели довоенного периода. Удельный вес казахского населения за этот период сократился до 38,8%.

Города продолжают сохранять свой моноэтничный характер. Несмотря на регулярные постановления власти по «киргизскому вопросу», отсутствовал адаптационный механизм для активного поселения в городах казахов. Казахское население еще сохраняло традиционную кочевую культуру. Переходившее на оседлость под административным давлением, оно вынуждено было осваивать в короткий промежуток времени оседло-земледельческую экономическую культуру. Данный процесс сопровождался высокой смертностью и дальнейшими откочевками.

Несмотря на серьезный демографический кризис революционного периода, гражданской войны и голода начала 1920-х годов, согласно материалам переписи 1923 года и, главным образом, Всесоюзной переписи 1926 года мы отмечаем устойчивую тенденцию роста населения Северо-казахстанского региона. Эти показатели объясняются массовым притоком жителей центральных районов России и логичным продолжением переселенческого движения рубежа XIX - XX столетий. Население Северного Казахстана составило по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года 1.854.272 человека, регион стал вторым по количеству жителей (после Южного Казахстана) в целом по стране.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Новое десятилетие – новый экономический подъем – новые возможности Казахстана. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана // Индустриальная Караганда. – 2010. – № 11.
- 2 Осипов В. Одна страна – одна судьба. // Казахстанская правда. – 2010. – № 111-112.
- 2 Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на XVI сессии Ассамблеи народа Казахстана // Страна и мир. – 2010. - № 42.
- 4 Качоровский К. Переселенцы в азиатской России // Записки Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. – Омск, 1893. – Кн. 16. – Вып. 1 – 34 с.
- 5 Михайлов В. Киргизские степи Акмолинской области (по обследованиям ветеринарных врачей). Кушмурунская волость // Записки Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. – Омск, 1893. – Кн. 16. – Вып. 1 – 20 с.
- 6 Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки Зап.-Сибирского ОИРГО.– Омск, 1895. – Кн. 18. – Вып. 2. – 66 с.
- 7 Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского Отдела ИРГО. – Тверь, 1902. – Вып. 17. – 497 с.
- 8 Статистический очерк промышленности и торговли в Акмолинской области за 1880-1894 гг. / составил Секретарь Омской Контрольной Палаты Н. Коншин. – Омск: Изд. Акм. Об. Стат. Комитета, 1896. – 45 с.
- 9 Кауфман А.А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1897. – 345 с.
- 10 Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. / Под ред.: В.П. Семенова – Тянь-Шанскаго. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена., 1903. – Т.18. – 477 с.
- 11 Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. – СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1914. – Т.1. – 578 с.
- 12 Акмолинская область. Составил А. Митаревский. – третье (сокращенное) издание. – Полтава, 1912. – 256 с.
- 13 Кокоулин П. Ход переселения, водворения и хозяйственного устройства переселенцев в Тургайской области // Вопросы колонизации: под ред. О.А. Шкапского. – СПб., 1907. – 1906. – № 1. – С. 208-221.
- 14 Скалов Б. Необходимость организации в колонизируемых районах опытных станций и полей // Вопросы колонизации: под ред. О.А. Шкапского. – СПб.: Издание А.В. Успенского, 1907. – 1906. – № 1. – С. 138-148.
- 15 Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // Вопросы колонизации: под ред. О.А. Шкапского. – СПб.: Издание А.В. Успенского, 1907. – 1906. – № 1. – С. 53-104.
- 16 Чермак Л. Переселенцы в Степном крае // Сибирские вопросы. – СПб., 1908. – № 3-4. – С. 23-30.

- 17 Чермак Л. Переселенцы в Степном крае (окончание) // Сибирские вопросы. – СПб., 1908. – № 5. – С. 4-17.
- 18 Россия. Энциклопедический словарь / издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1898. – 918 с.
- 19 Донич А.Н. Народонаселение Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. – Кызыл-Орда: Госплан КазССР, 1928. – № 11-12. – С. 27-56.
- 20 Мешков А.А. Горперепись КССР 1923 года // Статистический вестник. – Б.м.: Орган Центр. стат. управ. КССР, 1923. – № 1. – С. 81-88.
- 21 Альбанов Н.А. Урожай 1923 года // Статистический вестник. – Оренбург, 1923. – № 2. – С. 94-116.
- 22 Альбанов Н.А. Виды на урожай 1925 года // Статистический вестник. – Оренбург, 1925. – № 5. – С. 68-76.
- 23 Войтова А.Ф. Полугодовой обзор вольных цен по КССР // Статистический вестник. – Оренбург, 1923. – № 2. – С. 86-93.
- 24 Волков М. Численность рабочих и служащих в фабрично-заводских предприятиях КССР на 1 июля 1923 года // Статистический вестник. – Оренбург, 1923. – № 2. – С. 70-85.
- 25 Харлампович К. Национальный состав городов КССР по переписи 1923 года // Статистический вестник. – Оренбург, 1925. – № 5. – С. 55-67.
- 26 Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870-1914 гг.). – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. – 112 с.
- 27 Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. - 1917 г.). – М.: Наука, 1986. – 242 с.
- 28 Галиев А.Б. Население Казахстана в конце восстановительного периода: численность, национальный, социально-профессиональный состав: автореф. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1979. – 23 с.
- 29 Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения КазССР (национальный аспект). – Алма-Ата: Казахстан, 1987. – 152 с.
- 30 Никифоров И.Д. Городское население Казахстана (1917-1939 гг./ Базанова Ф.Н. – Алма-Ата, 1988. – 24 с.
- 31 Татимов М.Б. Развитие народонаселения и демографическая политика (социально-философские аспекты системного изучения и комплексной разработки). – Алма-Ата: Наука, 1978. – 143 с.
- 32 Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. – М.: Наука КазССР, 1989. – 125 с.
- 33 Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX – начале XX в.: 1867-1907. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 411 с.
- 34 Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 536 с.
- 35 Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К.Н. История крестьянства Советского Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1985. – Т. 1. – 247 с.
- 36 Нусупбеков А.Н. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917-1940 гг.). – Алма-Ата: Наука, 1966. – 243 с.

- 37 Туманшин К.М. История развития Петропавловска и его уезда (1861-1917 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1960. – 24 с.
- 38 Залманов И.П. Северо-Казахстанская область в период установления власти Советов и гражданской войны // Северо-Казахстанская область в 1917-1957 гг.: сборник статей. – Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1957. – 155 с.
- 39 Горвиц Б.Г. Северо-Казахстанская область в годы мирного социалистического строительства (1921-1941 гг.) // Северо-Казахстанская область в 1917-1957 гг.: сборник статей. – Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1957. – 155 с.
- 40 Дубицкий А. Акмола – город славный. – Акмолинск, 1959. – 127 с.
- 41 Малёхоньков В.Г., Толстых З.П. Возникновение города Кустаная. – Кустанай, 1959. – 46 с.
- 42 Куприн Г.А. Кустанай. Историко-информационный путеводитель. – Алма-Ата: Изд. «Казахстан», 1979. – 80 с.
- 43 Кустанай: вчера, сегодня, завтра. – Алма-Ата: Казахстан, 1979. – 248 с.
- 44 Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980 гг.). – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – 192 с.
- 45 Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997). – Усть-Каменогорск: РВКПО «Полиграфия», 1999. – 159 с.
- 46 Алексеенко Н.В. Статистические источники по демографии Казахстана. – Усть-Каменогорск: ОАО "Шығыс Баспа", 1999. – 115 с.
- 47 История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане. – Алматы: Агентство РК по статистике, 1998. – 102 с.
- 48 Сдыков М.Н. Население Западного Казахстана (1897-1989 гг.). – Алматы: Ғылым, 1995. – 220 с.
- 49 Козина В.В. Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.). – Алматы: Өркениет, 2000. – Кн. 1. – 144 с.
- 50 Козина В.В. Население Центрального Казахстана (Методология. Историография. Источники.). – Алматы: Өркениет, 2001. – 88 с.
- 51 Масанов Н.Э. и др. История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 608 с.
- 52 Козина В.В. Демографическая история Казахстана (конец XIX – начало XXI вв.): учеб. пособие. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. – 130 с.
- 53 Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. – Алматы: Казахстан, 1993. – 392 с.
- 54 Не оборвется связь времен. Исторический очерк о Денисовском районе. / ответ. ред. П.М. Черныш. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2003. – 421с.
- 55 Черныш П.М. Наш отчий край Карабалык. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2004. – 448 с.
- 56 Черныш П.М. Есть такая земля – Камысты. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2006. – 508 с.
- 57 Черныш П.М. Очерки истории Кустанайской области. – Костанай: Костанайский печатный двор, 1995. – 250 с.

58 Кузембайулы А., Абиль Е.А. Костанайская область: становление региональной истории // «Алаш. Желтоқсан. Теуелсіздік»: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной Дню Независимости Республики Казахстан. – Костанай, 2010. – 178 б.

59 Костанайская область. Энциклопедия. – Алматы: Изд. «Арыс», 2006 – 736 с.

60 Северо-Казахстанская область. Энциклопедия. – Алматы: Издательство «Арыс», 2004. – 672 с.

61 Павлодарское Прииртышье. Энциклопедия. – Павлодар, 2003. – 652 с.

62 Костанайская область: прошлое и настоящее: в 2 ч. / под ред. И.К. Тернового. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2003. – Ч. 1. – 409 с.

63 Костанайская область: прошлое и настоящее: в 2 ч. / под ред. И.К. Тернового. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2007 – Ч. 2. – 508 с.

64 Абуев К.К. Кокшетау. Исторические очерки. – Кокшетау, 1997. – 232 с.

65 Кабульдинов З.Е. История Астаны: учебное пособие для учащихся. – Астана: Арман-ПВ, 2007. – 200 с.

66 Уалиева С.К. Семейно-брачные отношения в Казахстане в конце XIX – первой четверти XX века (по материалам переписей 1897, 1926 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Усть-Каменогорск, 2003. – 30 с.

67 Ерманов А.Ж. Социально-экономическое развитие Павлодарского уезда во второй половине XIX – начале XX века: автореф. ...канд. ист. наук. – Караганда, 1999. – 31 с.

68 Жаркенова А.М. Население Казахстана по Первой всеобщей переписи 1897 г. (демографический анализ: автореф. ...канд. ист. наук. – Алматы, 2002. – 31 с.

69 Мамырханова А.М. Казахское население между переписями 1897 – 1926 гг.: автореф. ...канд. ист. наук. – Алматы 1996. – 25 с.

70 Абилов К. Ж. История становления и развития предпринимательства в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. ...докт. ист. наук.. – Караганда, 2006. – 45 с.

71 Мамытова С.Н. История развития предпринимательства в Прииртышье во второй половине XIX – начале XX века: автореф. ...канд. ист. наук. – Павлодар, 2004. – 24 с.

72 Алпысбаева Г.А. Акмола, Целиноград, Астана: Исторический путь становления и развития: автореф. ...докт. ист. наук. - Караганда, 2009. – 52 с.

73 Виноградов Н.Б., Елисеева В.Н., Лушников А.В. и др. Очерки истории Челябинской области. – Челябинск: Юж.-Урал.кн. изд-во, 1991. – Ч. I. – 192 с.

74 Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. – М.: ИЦ «Россия молодая», 1994. – 216 с.

75 Аманжолова Д. Казахская автономия: от замысла националов к самоопределению по-советски. // «Kazakh Autonomy: From the Nationalist's Plan to the Soviet Self-Determination» by Dina Amanzholova Source: Acta Slavica Iaponica (Acta Slavica Iaponica), issue: 21 / 2004, pages: 115-143. Режим доступа: www.cceol.com.

76 Малышева М.П. Национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана (1919-1922 гг.). – Семипалатинск: Семипалатинский государственный университет имени Шакарима, 1999. – 266 с.

77 Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. – М.: Книга и бизнес, 1998. – 624 с.

78 Гончаров Ю.М., Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул: Аз Бука, 2004. – 206 с.

79 Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII-XX вв.) // Международная научная конференция, посвященная 175-летию образования Омской области: тезисы докладов и сообщений. – Омск: Омский госуниверситет, 1998. – 224 с.

80 Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность // Тезисы докладов и сообщений V Международной научной конференции / под ред. Р.М. Жумашева, А.П. Толочко. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского, 2007. – 260 с.

81 Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность // Тезисы докладов и сообщений VI Международной научной конференции, посвященной 35-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и 70-летию Костанайского государственного педагогического института / под ред. А.П. Толочко, А. Кузембайулы. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского, 2009. – 265 с.

82 Толочко А.П. Омск в истории русско-казахских экономических, культурных и общественных связей (конец XIX – начало XX в.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – 176 с.

83 Регионы Казахстана, 2007. Статистический сборник. / Под ред. А.Е. Мешимбаевой. – Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 2007. – 464 с.

84 Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. – Омск: Типография А.К. Демидова, 1893. – 209 с.

85 Инструкция по внутринадельному землеустройству в Тургайской области. – Оренбург: Тургайская областная типография, 1913.- 145 с.

86 Резолюции и постановления II Съезда Советов КССР. 4-10 октября 1921 г. – Оренбург, 1921. – 26 с.

87 Бюллетень 3-го Кустанайского Съезда Советов. – 1920 (опечатка – 1922 год). – №1. – 3 сентября.

88 Бюллетень 3-го Кустанайского Съезда Советов. – 1920 (опечатка – 1922 год). – №2. – 4 сентября.

89 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. / Департамент гос. зем. имуществ. – Воронеж: Типо-Литография В.И. Исаева, 1903. – Т. 5. – 784 с.

90 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. / Департамент

гос. зем. имуществ. – Воронеж: Типо-Литография В.И. Исаева, 1903. – Т. 4. – 296 с.

91 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. / Департамент гос. зем. имуществ. – Чернигов: Типография Т. М. Веселой, 1909. – Т. 3, ч. 2. – 183 с.

92 Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. – Чернигов: Типография Т. М. Веселой, 1908. – Т. 12. – 495 с.

93 Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Петропавловский уезд. Повторное исследование 1908 года. / Переселенческое управление Главного Управления Землеустройства и Земледелия. – СПб., 1910. – Т. 3. – 393 с.

94 Цабель Л. Отчет о народном здравии в переселенческом Тургайско-Уральском районе за 1907 год. // Отчет по Тургайско-Уральскому переселенческому району за 1907 г. – Издание переселенческого управления / составил заведывающий районом кол. ассес. Л. Цабель. – СПб., 1908. – Вып. 43 – 284 с.

95 Статистические материалы по анкетному обследованию переселенческих хозяйств в Степном крае (Акмолинской и Семипалатинской областях) за 1909 год. – Омск: Тип. К.И. Демидовой, 1911. – 100 с.

96 Статистические материалы по подворному обследованию переселенческих хозяйств 9-ти типичных поселков (4 Кокчетавского и 5 Петропавловского уездов) Акмолинской области за 1910 год. / Издание Акмолинского переселенческого района – Омск: Тип. Штаба Омск. воен. окр., 1911. – 118 с.

97 Отчет Львовского опытного поля (Тургайской обл. Кустанайского уезда). Выпуск I. Организация и работы в 1912 и 1913 г. – Екатеринбург: Тип. бывш. Вельц, 1915. – 89 с.

98 Описание геоботанических условий северных, северо-западных волостей Кустанайского уезда. Кенаральской, Мендыгаринской, Чубарской, Аятской, Джилкуарской и Дамбарской. Издание переселенческой организации Тургайско-Уральского района. – Оренбург: Тип. Тургайского Областного Правления, 1910. – 106 с.

99 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД / под ред. Н.А. Тройницкого. Население империи по переписи 28-го января 1897 года. По уездам. – СПб.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1897. – Вып. 1. – 36 с.

100 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: «Слово», 1904. – Т. LXXXVII. – 150 с.

101 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: «Слово», 1904. – Т. LXXXI. – 135 с.

102 Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: «Слово», 1905. – Т. LXXXIV. – 148 с.

103 Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. - М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – Т. VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. – 256 с.

104 Обзор Тургайской области за 1884 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1885.

105 Обзор Тургайской области за 1885 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1886.

106 Обзор Тургайской области за 1886 года. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1887.

107 Обзор Тургайской области за 1888 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1889.

108 Обзор Тургайской области за 1889 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1890.

109 Обзор Тургайской области за 1890 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1891.

110 Обзор Тургайской области за 1891 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1892.

111 Обзор Тургайской области за 1892 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1893.

112 Обзор Тургайской области за 1893 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1894.

113 Обзор Тургайской области за 1894 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1895.

114 Обзор Тургайской области за 1895 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1896.

115 Обзор Тургайской области за 1897 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1898.

116 Обзор Тургайской области за 1899 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1901.

- 117 Обзор Тургайской области за 1900 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1902.
- 118 Обзор Тургайской области за 1903 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1905.
- 119 Обзор Тургайской области за 1904 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1905.
- 120 Обзор Тургайской области за 1906 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1907.
- 121 Обзор Тургайской области за 1908 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1909.
- 122 Обзор Тургайской области за 1909 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1910.
- 123 Обзор Тургайской области за 1910 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1911.
- 124 Обзор Тургайской области за 1911 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1912. – 172 с.
- 125 Обзор Тургайской области за 1912 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Тип. Тург. Обл. Правления, 1913. – 225 с.
- 126 Обзор Тургайской области за 1913 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Электро-Тип. Тург. Обл. Правления, 1914. – 204 с.
- 127 Обзор Тургайской области за 1914 год. / Издание Тургайского Областного Статистического Комитета. – Оренбург: Электро-Типография Тург. Обл. Правления, 1915. – 234 с.
- 128 Обзор Акмолинской области за 1881 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. – Омск: Тип. Акмол. Обл. Правления, 1882. – 72 с.
- 129 Обзор Акмолинской области за 1882 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. – Омск: Тип. Акмол. Обл. Правления, 1883. – 73 с.
- 130 Обзор Акмолинской области за 1883 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. – Омск: Тип. Акмол. Обл. Правления, 1884. – 65 с.
- 131 Обзор Акмолинской области за 1891 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. – Омск: Тип. Акмол. Обл. Правления, 1892. – 85 с.

147 Обзор Семипалатинской области за 1906 год. – Семипалатинск: Типография Областного правления, 1907. – 155 с.

148 Обзор Семипалатинской области за 1910 год. – Семипалатинск: Типография Областного правления, 1912. – 151 с.

149 Памятная книжка и Адрес-Календарь Акмолинской области за 1909 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. Под редакцией Секретаря Статистического Комитета Н. Домнина – Омск: Типография Омского Областного Правления, 1909. – 249 с.

150 Памятная книжка и Адрес-Календарь Акмолинской области за 1912 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. Под редакцией Секретаря Комитета В.С. Недашковского – Омск: Акмолинская Областная Типография, 1912. – 444 с.

151 Памятная книжка Акмолинской области за 1915 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. – Омск: Областная Типография, 1915. – 158 с.

152 Памятная книжка Акмолинской области за 1916 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. Составлена Секретарем Комитета М.Н. Соболевым – Омск: Областная Типография, 1916. – 240 с.

153 Краткий обзор Степного края, Тургайской области и Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний в сельскохозяйственном отношении. 1904 год. Летний и осенний периоды. – СПб.: Электро-Типография Н.Я. Стойковой, 1905. – Выпуск XVI. – 188 с.

154 Хозяйственное развитие Киргизской Советской Социалистической Республики. Отчетный обзор Киргизского Экономического Совещания за 1923 и 1924 гг. – Оренбург: 1-я Гос. типо-литог. Оренполиграф, 1924. – 293 с.

155 Материалы Челябинского губернского статистического бюро. Сельское хозяйство Челябинской губернии в 1916, 1920 и 1921 г. – Челябинск: Объединенная типография ГСНХ, 1921. – Вып. №1. – 68 с.

156 Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. – СПб. Издание товарищества «Общественная польза», – 1894. – 452 с.

157 Коншин Н. От Павлодара до Каркаралинска. Путевые наброски. // Толочко А.П. Омск в истории русско-казахских экономических, культурных и общественных связей (конец XIX – начало XX в.). – Омск, Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – С. 129-154.

158 Кауфман А.А. По новым местам. – СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1905. – 354 с.

159 Трегубов А.Л. По новым местам. – СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1913. – 383 с.

160 Киргизская Степная газета. – 1895. – № 19.

161 Жапанов К. Вести из степи. По поводу партийных беспорядков // Киргизская Степная газета. – 1895. – № 20.

162 По поводу ранних браков у киргиз // Киргизская Степная газета. – 1895. – № 20.

163 Киргизская степная газета (1888-1902 гг.). – Алматы: Ғылым, 1994. – 816 с.

- 164 Добросмыслов А. Заметка о земледелии в Тургайской области // Тургайская газета. – 1896. – № 37.
- 165 Оренбургский листок. – 1899. – № 3.
- 166 Хроника. Зверское убийство 28 марта // Степные отголоски. – 1910. – № 1.
- 167 Смерть от неосторожного обращения с ружьем // Степные отголоски. – 1910. – № 1.
- 168 г. Кустанай, 13 апреля 1914 г. К киргизскому вопросу // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 3.
- 169 Известия за неделю (столичная почта). Устройство киргиз // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 4.
- 170 Городская жизнь // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 1.
- 171 Тайны городского хозяйства // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 28.
- 172 Ужгин. Очередной вопрос // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 5.
- 173 Из Павловской и Валерьяновской волостей // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 3.
- 174 Год труда // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 1.
- 175 Хроника. Борьба с кобылкой // Кустанайское Степное Хозяйство – 1914. – № 3.
- 176 Хроника. Обороты Кустанайской дороги // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 3.
- 177 Кустарное и ремесленное производства // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 2.
- 178 Шванк В. Элеваторный вопрос // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 10.
- 179 Электричество // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 28.
- 180 Берестов П. Погода и урожай // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 28.
- 181 Ярмарка // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 28.
- 182 Поляк. Корреспонденция. Пос. Семиозерный Кустан. у. // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 2.
- 183 К борьбе с пьянством // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 2.
- 184 Кооперация и пьянство // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 4.
- 185 Отрадное явление // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 5.
- 186 Городская хроника // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 5.
- 187 Хроника. Тоже санитария // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 3.
- 188 Насаждение культуры в п. Озерном, Кустан. у. // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 7.
- 189 Мальский. К вопросу о животноводстве // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 3.

- 190 Хроника. Движение переселенцев // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 3.
- 191 Воровской промысел // Кустанайское Степное Хозяйство. – 1914. – № 4.
- 192 Всесвятское // Приишимье. – Петропавловск, 1915. – № 18.
- 193 Как поднять хозяйство переселенцев? // Степная речь. – Омск, 1911. – № 8.
- 194 С. Ильинское (Ишимск. у.). Вопросы продовольствия // Степная речь. – Петропавловск, 1917. – № 30.
- 195 Петропавловский съезд крестьянских депутатов (25 мая) // Степная речь. – Петропавловск, 1917. – № 139.
- 196 Для сведения учащихся // Земский вестник. – 1919. – № 24.
- 197 Помощь беженцам // Новый путь. – 1918. – № 30.
- 198 Новый путь. – 1918. – № 35.
- 199 Объявление // Новый путь. – 1918. – № 42.
- 200 Объявления // Новый путь. – 1918. – № 38.
- 201 Приказ по гарнизону г. Кустаная № 50 от 1 сентября 1918 года // Новый путь. – 1918. – № 33.
- 202 По нашему краю (г. Орск) // Новый путь. – 1918. – № 41.
- 203 Новый путь. – 1918. – № 34.
- 204 Объявления // Новый путь. – 1918. – № 36.
- 205 Степаненко М. О местной женской гимназии // Новый путь. – 1918. – № 35.
- 206 Берковский К. Голод в губернии и борьба с ним // Степь. – 1922. – июль. – 4.
- 207 Ход эпидемии // Степная газета. – 1921. – № 20.
- 208 В Кирг. Крае // Степная газета. – 1921. – № 20.
- 209 Тем-ский. Точка в котор... // Красная степь. – 1924. – № 29.
- 210 Красная степь. – 1923. – № 55.
- 211 Агроном Симановский. Доброе начало // Красная степь. – 1924. – № 29.
- 212 Дейн Т. О сельскохозяйственном кредите // Красная степь. – 1923. – № 55.
- 213 Ф.Б. Машина крестьянину и киргизу // Красная степь. – 1924. – № 3.
- 214 Скоробогатов П. Обработка пашни под яровую пшеницу // Красная степь. – 1924. – № 29.
- 215 Тем-ский. Принуждение или убеждение. // Красная степь. – 1924. – № 20.
- 216 Красная степь. – 1924. – № 3.
- 217 Берестин. Новые формы работы Бирж Труда // Красная степь. – 1924. – № 81.
- 218 Бронфер. Эти благодарят Советскую власть // Красная степь. – 1923. – № 48.
- 219 Бронфер. Эти – плачутся на самих себя // Красная степь. – 1923. – № 48.

- 220 Ч.М. Бедноту обделили // Красная степь. – 1923. – № 55.
- 221 Ч.М. Долой саботажника // Красная степь. – 1923. – № 55.
- 222 Завгородний З.С. Фальшивые голодбеженцы // Красная степь. – 1923. – № 61.
- 223 К сведению переселенцев // Красная степь. – 1923. – № 48.
- 224 О ближайшей работе среди киргиз // Красная степь. – 1923. – № 101.
- 225 Киргиз обижают // Красная степь. – 1924. – № 64.
- 226 Баррикадин. Прав ли агроном Дружинин? // Степной крестьянин. – 1924. – № 41.
- 227 Феклистов Л. Как предохранить озимь от вымерзания (Совет опытника) // Степной крестьянин. – 1924. – № 32.
- 228 Деревянко Ф. Наш союзник – агроном // Степной крестьянин. – 1925. – № 25.
- 229 Даешь трактор! // Степной крестьянин. – 1924. – № 23.
- 230 На смену сохе и лошади. Идет трактор // Степной крестьянин. – 1924. – № 27.
- 231 К-т. Я. О переселении // Степной крестьянин. – 1924. – № 37.
- 232 Степной крестьянин. – 1924. – № 43.
- 233 Соболев А. На крестьянские вопросы и жалобы // Степной крестьянин. – 1924. – № 39.
- 234 Степной крестьянин. – 1925. – № 87.
- 235 Задорожный. Положение сельского хозяйства и промышленности в губернии // Известия Кустанайского губернского комитета РКП (б). – 1922. – № 12. – С. 24-25.
- 236 Паперный Л. Наше сельское хозяйство и положение крестьянства // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 15. – С. 7-9.
- 237 Т. Д-га. Восстановление и развитие сельского хозяйства и наши задачи // Известия Кустанайского комитета РКП. – 1923. – № 19. – С. 11-19.
- 238 Ужгин С. Работа среди киргиз // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 17. – С. 15-20.
- 239 Бак Я. Учет опыта широких крестьянских конференций // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 15. – С. 29-34.
- 240 Год работы. Краткое изложение работы Губисполкома за время с 1 октября 22-го года по 1 октября 23-го года // Известия Кустанайского губернского комитета РКП. – 1923. – № 18. – С. 19-37.
- 241 Отчет Бюро Кустанайского Губернского комитета РКП (б) за март месяц 1923 года // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 15. – С. 35-41.
- 242 Т.Д. Всероссийский с.-хоз. смотр и наше участие в нём // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 17. – С. 36-41.

243 Лебедев Г. Как организовать «уголок агропропаганды»? // Известия. Двухнедельник Кустанайского губернского комитета РКП (б). – 1924. – № 25. – С. 58-62.

244 Кооператор. Кооперативное строительство // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 17. – С. 28-36.

245 О ценах на хлеб (вниманию агитаторов в деревне) // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 17. – С. 20.

246 Отчет Бюро Кустанайского Губернского Комитета РКП(б) за ноябрь месяц 1923 года // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 20. – С. 44-53.

247 Постановления губернского совещания зав. АПО Укомов РКП(б) // Известия Кустанайского губернского комитета РКП (б). – 1924. – № 23. – 13 августа. – С. 16-22.

248 Самсонов. На местах. По Денисовскому району // Известия Кустанайского губернского комитета РКП (б). – 1924. – № 26. – С. 12-18.

249 «Тезисы» по работе отделов работниц в Кустанайской губернии // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 15. – С. 43-45.

250 Редько В. По Павловской волости // Известия Кустанайского губернского комитета РКП (б). – 1924. – № 26. – С. 18-22.

251 Шефство железнодорожников // Известия Кустанайского губернского комитета РКП (б). – 1924. – № 26. – С. 24-26.

252 Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 16. – 79 с.

253 Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 17. – 53 с.

254 Соображения о работе на ближайший период орготдела, утвержденном пленумом губкома 25-30 августа 1922 года // Известия Кустанайского Губкома РКП (б). – 1922. – № 12. – С. 24-25.

255 Резолюция по докладу о реализации постановления XII партийного съезда и 14 совещания при ЦК по национальному вопросу // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1923. – № 19. – С. 26.

256 Отчет о работе бюро Губкома РКП (б) // Известия Кустанайского губернского исполнительного комитета РКП. – 1924. – № 22. – С. 14-17.

257 Феоктистов Н. Дискуссионный листок. О работе среди киргиз // Коммунист. Ежемесячный журнал Семипалатинского Губкома РКП (б). – 1923. – № 1. – С. 92-95.

258 Охрана труда малолетних // Советская правда. – Челябинск, 1919. – № 6.

259 Кирса В. По губернии. Работа Кустанайского уездного Совнархоза // Советская правда. – Челябинск, 1919. – № 7.

260 Наш суд // Советская правда. – Челябинск, 1919. – № 7.

261 Наш суд // Советская правда. – Челябинск, 1919. – № 6.

262 Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921-1925 гг.). Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Изд. Академии наук Каз. ССР, 1962. – 594 с.

263 Алаш-Орда: Сборник документов / сост. Н. Мартыненко. – Алма-Ата: Малое издательство «Айкап», 1992 г. – 192 стр.

264 Народное образование на территории Кустанайской области (1918-1936 гг.). Сборник документов / сост. Алексеенко М.А., Бондаренко М.А., Орманова Б.К. – Костанай: Кустанайский печатный двор, 2000. – 65 с.

265 Кустанайский уезд 1917-1919 гг. Сборник документов / сост. Бондаренко М.А., Бурякова В.И., Яремин Ю.В. Костанай: Костанайский печатный двор, 2003. – 154 с.

266 Из истории города Костаная (к 125-летию города). Сборник материалов и документов / сост. Здоровец Н.И., Карпухина А.А. Савченко Л.П. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2004. – 128 с.

267 Из истории города Костаная: Сборник документов и материалов. Костанай: ТОО «Костанайполиграфия», 2009. – 720 с.

268 ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 4310.

269 ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 3821.

270 ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 1600.

271 ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 1768.

272 ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 3797.

273 ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 1543.

274 ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 3830.

275 ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 3476.

276 ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 418.

277 ЦГА РК. Ф. И-25. Оп. 1. Д. 3761.

278 ЦГА РК. Ф. 393. Оп.1. Д. 97.

279 ГАКО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1.

280 ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 3.

281 ГАКО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 63.

282 ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 42.

283 ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 52.

284 ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 74.

285 ГАКО. Ф. Р-237. Оп. 1. Д. 14.

286 ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 17.

287 ГАКО. Ф. 389. Оп. 1. Д. 1.

288 ГАКО. Ф. 389. Оп. 1. Д. 12.

289 ГАКО. Ф. 529. Оп. 1. Д. 10.

290 ГАКО. Ф. 531. Оп. 1. Д. 1.

291 ГАКО. Ф. 620. Оп. 2. Д. 2.

292 ГАКО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 38.

293 ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 10.

294 ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 15.

295 ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 6.

296 ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 4.

- 297 ГАКО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 40.
- 298 ГАСКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55.
- 299 ГАСКО. Ф. 254. Оп. 1. Д. 6.
- 300 ГАСКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 6.
- 301 ГАСКО. Ф. 2558. Оп. 3. Д. 176.
- 302 ГАПО. Ф-81. Оп. 1. Д. 2.
- 303 ГАПО. Ф.-146. Оп. 1. Д. 1.
- 304 ОГАЧО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 101.
- 305 ОГАЧО. Ф. Р-363. Оп. 1. Д. 75.
- 306 ОГАЧО. Р-363. Оп. 1. Д. 3.
- 307 ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 84.
- 308 ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 85.
- 309 РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 183.
- 310 РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1370.
- 311 РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 34.
- 312 Некоторые сведения из истории г. Кустаная. Воспоминание З.П. Толстых от 2.ХІІ – 1939 года // Рукописный фонд Костанайского областного историко-краеведческого музея. № 25.
- 313 Сибирские письма. Устькаменогорск. // Сибирские вопросы. – СПб., 1909. – № 6. – С. 32-34.
- 314 Национальная политика России: история и современность. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. – 680 с.
- 315 Духин Я.К. Экспедиция Ф.А. Щербины в контексте решения земельного вопроса в районах Степного края // Вестник Костанайского государственного педагогического института. – 2005. – № 1. – С. 105-110.
- 316 Козлова О. Кустанайская дума: дела и делишки // Костанайские новости. – 1998. – июнь. – 23.
- 317 Естественно-исторический очерк 2-й Наурзумской волости Тургайского уезда и области. – Оренбург: Тип. Ф. Яковлева, 1911. – 117 с.
- 318 Карасу: идеи, люди, события. Очерки истории Карасуского района Кустанайской области Республики Казахстан. – Кустанай, 1993. – (рукопись).
- 319 Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Повторное исследование 1910 года. Под руков. А.В. Переплетчикова. Семипалатинская обл. Павлодарский уезд. – СПб., 1913. – 351 с.
- 320 Черныш П. Забытые голодоморы // Кустанайские новости. – 1995. – октябрь. – 17.
- 321 Черников В.С. Крестьянская колонизация Северного Казахстана в конце ХІХ – начале ХХ в. и ее социально-экономические последствия: автореф. ...канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1966. – 32 с.
- 322 Истомина Н.К. Сибирь и переселенцы. – Харьков: Изд. харьковского общества распространения в народе грамотности, 1892. – 64 с.
- 323 Бунге Н.Х. Загробные заметки // «Река Времен (Книга истории и культуры)». – М.: «Река времен» - «Эллис Лак», 1995. – Кн. 1. – С. 198-254.

- 324 Новиков К. «Убедительно прошу разрешить мне аборт» // Коммерсант-власть. – 2008. – № 3. – С. 62-68.
- 325 Познанский В. Первый казахский врач // Ленинский путь. – 1967. – ноябрь. – 5.
- 326 Зверев В.А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления): учебное пособие. – Новосибирск: НГПИ, 1988. – 218 с.
- 327 Ус Л.Б. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по организации переселений. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века: сборник научных статей / ответственный редактор – д.и.н. Д.Я. Резун. – Новосибирск, 2004. Режим доступа: <http://history.nsc.ru/kapital/project/kotel/015.html>
- 328 Естественно-исторический очерк 1-й Наурзумской волости Тургайского уезда и волости. – Оренбург: Тип. Ф. Яковлева, 1911. – 93 с.
- 329 Царские законы 1886 и 1891 г. и усиление колониальной власти в Казахстане // Вестник КазГУ. Серия историческая. – 2000. – № 2. – С. 39-44.
- 330 Сибирские письма. Кустанай (жизнь-копейка) // Сибирские вопросы. – СПб., 1909. – № 46-47. – С. 52.
- 331 Владимирский В. К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние // Отчет о деятельности Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества за 1898 год. – Омск, 1902. – С. 22-27.
- 332 К-в. Переселенческое «способие» // Сибирские вопросы. – СПб., 1909. – № 3. – С. 12-17.
- 333 Сельско-Хозяйственный Обзор за 1917 год. Весна. Акмолинский Переселенческий Район. Статистический Отдел. – Омск: Электротипография «Печатное Искусство», 1917. – Вып. XIII. Ч. 2. – 38 с.
- 334 Алексеенко М. С миру по нитке // Костанайские новости. – 1998. – июнь. – 23.
- 335 Журнал заседания Чрезвычайного Собрания гласных Кустанайского уездного Земства. – 1919. – март. – 15-21.
- 336 Базанова Ф.Н. Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 – декабрь 1936 гг.) – Алма-Ата: Изд. Арх. Упр. МВД КазССР, 1959. – 285 с.
- 337 Макушин Н.П. Кустанайская губерния в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.); Кустанайский государственный педагогический институт, 1959 // Рукописный отдел Костанайского областного историко-краеведческого музея. – № 182.
- 338 Захаров А. Экономический очерк Западной Киргизии // Статистический вестник. – Оренбург, 1923. – № 2. – С. 60-69.
- 339 Волков М.Н. Промышленность Западной Киргизии (по данным промышленной переписи 1920 года) // Статистический вестник. – Б.м.: Орган Центр. Стат. Управ. КССР, 1923. – № 1. – С. 17-47.
- 340 Либерова Д. Безработица в КССР в 1922 году // Статистический вестник. – Б.м.: Орган Центр. Стат. Управ. КССР, 1923. – № 1. – С. 68-73.

341 Тургайский областной съезд Советов. Оренбург, 21 марта - 3 апреля 1918 г: протоколы / под ред. и со вступ. ст. Н. Тимофеева. – Алма-Ата: Каз. краев. изд-во, 1936. –146 с.

342 Духин Я.К. Карасульская волость: конец гражданской войны // Вестник Костанайского государственного педагогического института. – 2008. – № 2. – С. 96-102.

343 Алдабергенов Қ.М., Мананбаев Ж.И. Павлодар облысы халқы санының өсу динамикасы мен этникалық және элеуметтік құрамы // Саясат – Policy. – 2010. – № 4. – С. 67-72.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Динамика численности населения г. Петропавловска (1882-1915 гг.)

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1882	6203	5622	11825
1883	6952	6290	13242
1890	8380	8400	16780
1894	-	-	18122
1895	-	-	18966
1897	10095	9593	19688
1898	10764	10621	21385
1902	15122	14532	29654
1905	15272	16613	31885
1907	18727	19244	37971
1909	21459	21789	43248
1910	21504	21744	43248
1911	21633	21760	43393
1912	20225	21314	41539
1913	20601	21739	42340
1914	24146	25929	50075
1915	29529	35701	65230

Примечание - Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1882 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1883. – 73 с.; Обзор Акмолинской области за 1883 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1884. – 65 с.; Обзор Акмолинской области за 1891 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1892. – 85 с.; Обзор Акмолинской области за 1894 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1896. – 123 с.; Обзор Акмолинской области за 1895 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1897. – 127 с.; Обзор Акмолинской области за 1897 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1898; Обзор Акмолинской области за 1898 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1900. – 127 с.; Обзор Акмолинской области за 1902 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1903 – 76 с.; Обзор Акмолинской области за 1905 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1906. – 73 с.; Обзор Акмолинской области за 1907 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. – 100 с.; Обзор Акмолинской области за 1909 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1910. – 82 с.; Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1911. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1911 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1912. – 142 с.; Обзор Акмолинской области за 1912 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1913. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1914. – 140 с.; Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1917. – 142 с.; Памятная книжка Акмолинской области за 1916 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. Составлена Секретарем Комитета М.Н. Соболевым – Омск: Областная Типография, 1916. – 240 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Динамика численности населения г. Кокчетавы (1883-1915 гг.)

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1883 (станция)	2806	2727	5533
1894	-	-	4003
1895	-	-	4550
1897	2576	2386	4962
1898	2094	2038	4132
1902	2605	2399	5004
1905	2413	2361	4774
1907	2656	2528	5184
1909	2178	2094	4272
1910	2426	2348	4774
1911	2482	2353	4835
1912	2356	2378	4734
1913	2531	2507	5038
1914	2322	2465	4787
1915	2088	2421	4509

Примечание - Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1883 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1884. – 65 с.; Обзор Акмолинской области за 1891 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1892. – 85 с.; Обзор Акмолинской области за 1894 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1896. – 123 с.; Обзор Акмолинской области за 1895 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1897. – 127 с.; Обзор Акмолинской области за 1897 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1898; Обзор Акмолинской области за 1898 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1900. – 127 с.; Обзор Акмолинской области за 1902 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1903 – 76 с.; Обзор Акмолинской области за 1905 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1906. – 73 с.; Обзор Акмолинской области за 1907 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. – 100 с.; Обзор Акмолинской области за 1909 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1910. – 82 с.; Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1911. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1911 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1912. – 142 с.; Обзор Акмолинской области за 1912 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1913. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1914. – 140 с.; Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1917. – 142 с.; Памятная книжка Акмолинской области за 1916 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. Составлена Секретарем Комитета М.Н. Соболевым – Омск: Областная Типография, 1916. – 240 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Динамика численности населения г. Акмолинска (1882-1915 гг.)

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1882	1984	1624	3608
1883 (город и станция)	2656	2151	4807
1894	-	-	7075
1895	-	-	6558
1897	5075	4613	9688
1898	4394	4107	8501
1902	4664	4460	9124
1905	5366	4680	10046
1907	5989	5504	11493
1909	6803	6841	13644
1910	6964	6878	13842
1911	7430	7435	14865
1912	8383	8028	16411
1913	8478	8103	16581
1914	9693	9047	18740
1915	7299	7041	14340

Примечание - Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1882 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1883. – 73 с.; Обзор Акмолинской области за 1883 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1884. – 65 с.; Обзор Акмолинской области за 1891 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1892. – 85 с.; Обзор Акмолинской области за 1894 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1896. – 123 с.; Обзор Акмолинской области за 1895 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1897. – 127 с.; Обзор Акмолинской области за 1897 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1898; Обзор Акмолинской области за 1898 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1900. – 127 с.; Обзор Акмолинской области за 1902 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1903 – 76 с.; Обзор Акмолинской области за 1905 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1906. – 73 с.; Обзор Акмолинской области за 1907 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. – 100 с.; Обзор Акмолинской области за 1909 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1910. – 82 с.; Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1911. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1911 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1912. – 142 с.; Обзор Акмолинской области за 1912 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1913. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1914. – 140 с.; Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1917. – 142 с.; Памятная книжка Акмолинской области за 1916 год. / Издание Акмолинского Областного Статистического Комитета. Составлена Секретарем Комитета М.Н. Соболевым – Омск: Областная Типография, 1916. – 240 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Динамика численности населения г. Кустаная (1884-1914 гг.)

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1884	2781	2945	5726
1885	3886	3439	7325
1886	6720	7375	14095
1888	8028	8747	16775
1889	9202	9055	18257
1890	14708	13903	28611
1891	12486	11712	24198
1892	10842	10711	21553
1893	6705	6562	13267
1894	8110	8075	16185
1895	8500	8283	16783
1897	7106	7169	14275
1899	8520	8049	16569
1900	8269	7906	16175
1903	10537	9979	20516
1904	10618	10069	20687
1905	10696	10157	20853
1906	10974	10375	21349
1907	10953	11534	22487
1908	11695	10669	22364
1909	11862	11067	22929
1910	13040	12180	25220
1911	13980	13037	27017
1912	14903	13396	28299
1913	13199	11766	24965
1914	10418	11580	21998

Примечание - Составлено по данным: Обзор Тургайской области за 1884 год. – Оренбург, 1885; Обзор Тургайской области за 1885 год. – Оренбург, 1886; Обзор Тургайской области за 1886 года. – Оренбург, 1887; Обзор Тургайской области за 1888 год. – Оренбург, 1889; Обзор Тургайской области за 1889 год. – Оренбург, 1890; Обзор Тургайской области за 1890 год. – Оренбург, 1891; Обзор Тургайской области за 1891 год. – Оренбург, 1892; Обзор Тургайской области за 1892 год. – Оренбург, 1893; Обзор Тургайской области за 1893 год. – Оренбург, 1894; Обзор Тургайской области за 1894 год. – Оренбург, 1895; Обзор Тургайской области за 1895 год. – Оренбург, 1896; Обзор Тургайской области за 1897 год. – Оренбург, 1898; Обзор Тургайской области за 1900 год. – Оренбург, 1902; Обзор Тургайской области за 1903 год. – Оренбург, 1905; Обзор Тургайской области за 1904 год. – Оренбург, 1905; Обзор Тургайской области за 1906 год. – Оренбург, 1907; Обзор Тургайской области за 1908 год. – Оренбург, 1909; Обзор Тургайской области за 1909 год. – Оренбург, 1910; Обзор Тургайской области за 1910 год. – Оренбург, 1911; Обзор Тургайской области за 1911 год. – Оренбург, 1912; Обзор Тургайской области за 1913 год. – Оренбург, 1914; Обзор Тургайской области за 1914 год. – Оренбург, 1915.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Динамика численности населения г. Тургая (1890-1914 гг.)

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1890	343	272	615
1891	362	218	580
1892	394	225	619
1893	381	202	583
1894	302	205	507
1895	313	213	526
1899	519	339	858
1904	577	437	1014
1908	520	375	895
1909	530	381	911
1910	911	746	1657
1911	754	642	1396
1912	706	538	1244
1913	708	540	1248
1914	685	531	1216

Примечание - Составлено по данным: Обзор Тургайской области за 1890 год. – Оренбург, 1891; Обзор Тургайской области за 1891 год. – Оренбург, 1892; Обзор Тургайской области за 1892 год. – Оренбург, 1893; Обзор Тургайской области за 1893 год. – Оренбург, 1894; Обзор Тургайской области за 1894 год. – Оренбург, 1895; Обзор Тургайской области за 1895 год. – Оренбург, 1896; Обзор Тургайской области за 1897 год. – Оренбург, 1898; Обзор Тургайской области за 1904 год. – Оренбург, 1905; Обзор Тургайской области за 1908 год. - Оренбург, 1909; Обзор Тургайской области за 1909 год. – Оренбург, 1910; Обзор Тургайской области за 1910 год. – Оренбург, 1911; Обзор Тургайской области за 1911 год. - Оренбург, 1912; Обзор Тургайской области за 1913 год. – Оренбург, 1914; Обзор Тургайской области за 1914 год. – Оренбург, 1915.

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Динамика численности населения г. Атбасара (1883-1915 гг.)

Год	Мужчин	Женщин	Всего
1883 (станция)	806	669	1475
1891 (станция)	1027	895	1922
1894	1065	993	2058
1895	-	-	2682
1898	1368	1240	2608
1902	1050	1041	2091
1905	1089	1077	2166
1907	1386	1321	2707
1909	1423	1401	2824
1910	1521	1452	2973
1911	1955	1805	3760
1912	1591	1480	3071
1913	1623	1519	3142
1915	1984	1790	3774

Примечание - Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1883 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1884. - 65 с.; Обзор Акмолинской области за 1891 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1892. - 85 с.; Обзор Акмолинской области за 1894 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1896. - 123 с.; Обзор Акмолинской области за 1895 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1897. - 127 с.; Обзор Акмолинской области за 1898 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1900. - 127 с.; Обзор Акмолинской области за 1902 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1903 - 76 с.; Обзор Акмолинской области за 1905 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1906. - 73 с.; Обзор Акмолинской области за 1907 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. - 100 с.; Обзор Акмолинской области за 1909 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1910. - 82 с.; Обзор Акмолинской области за 1910 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1911. - 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1911 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1912. - 142 с.; Обзор Акмолинской области за 1912 год. - Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1913. - 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1913 год. - Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1914. - 140 с.; Обзор Акмолинской области за 1915 год. - Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1917. - 142 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Динамика численности населения Кустанайского уезда (1891-1914 гг.)

Год	Казахское население	Переселенческое население	Всего
1891	109240	24198	133438
1892	109818	21553	131371
1893	102725	22481	125206
1894	105017	25226	130243
1895	106087	26087	132174
1897	117680	34876	152556
1899	115096	35286	150382
1904	121979	83349	205328
1908	134951	111558	246509
1909	137377	126462	263839
1910	139121	137772	276893
1911	143115	161821	304936
1912	148958	184524	333482
1913	151203	194481	345684
1914	153126	200468	353594

Примечание - Составлено по данным: Обзор Тургайской области за 1891 год. – Оренбург, 1892; Обзор Тургайской области за 1892 год. – Оренбург, 1893; Обзор Тургайской области за 1893 год. – Оренбург, 1894; Обзор Тургайской области за 1894 год. – Оренбург, 1895; Обзор Тургайской области за 1895 год. – Оренбург, 1896; Обзор Тургайской области за 1897 год. – Оренбург, 1898; Обзор Тургайской области за 1899 год. – Оренбург, 1900; Обзор Тургайской области за 1904 год. – Оренбург, 1905; Обзор Тургайской области за 1908 год. - Оренбург, 1909; Обзор Тургайской области за 1909 год. – Оренбург, 1910; Обзор Тургайской области за 1910 год. – Оренбург, 1911; Обзор Тургайской области за 1911 год. - Оренбург, 1912; Обзор Тургайской области за 1913 год. – Оренбург, 1914; Обзор Тургайской области за 1914 год. – Оренбург, 1915.

ПРИЛОЖЕНИЕ К

Динамика численности населения Тургайского уезда (1893-1914 гг.)

Год	Казахское население	Переселенческое население	Всего
1893	74400	39	74439
1894	75826	39	75865
1895	77048	39	77087
1899	87203	31	87234
1904	84663	434	85097
1908	94637	752	95389
1909	95706	771	96477
1910	99507	945	100452
1911	100800	1074	101874
1913	103653	1169	104822
1914	105576	1792	107368

Примечание - Составлено по данным: Обзор Тургайской области за 1893 год. – Оренбург, 1894; Обзор Тургайской области за 1894 год. – Оренбург, 1895; Обзор Тургайской области за 1895 год. – Оренбург, 1896; Обзор Тургайской области за 1897 год. – Оренбург, 1898; Обзор Тургайской области за 1899 год. – Оренбург, 1900; Обзор Тургайской области за 1904 год. – Оренбург, 1905; Обзор Тургайской области за 1908 год. – Оренбург, 1909; Обзор Тургайской области за 1909 год. – Оренбург, 1910; Обзор Тургайской области за 1910 год. – Оренбург, 1911; Обзор Тургайской области за 1911 год. – Оренбург, 1912; Обзор Тургайской области за 1913 год. – Оренбург, 1914; Обзор Тургайской области за 1914 год. – Оренбург, 1915.

ПРИЛОЖЕНИЕ Л

Динамика численности населения уездов Акмолинской области (1882-1915 гг.)

Годы	Население по уездам			
	Акмолинский	Атбасарский	Кокчетавский	Петропавловский
1882	126018	64501	92143	101287
1883	124896	63526	94047	100383
1894	145829	81222	116145	117833
1895	155247	76693	123610	131596
1902	221742	99058	187162	190937
1907	250927	118727	215243	217124
1909	283843	132681	260953	272341
1910	290504	145474	289702	236643
1911	326463	150796	331359	291602
1912	336658	152558	335938	293989
1913	324931	153416	344203	251469
1915	322462	163701	354950	267926

Примечание - Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1882 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1883. – 73 с.; Обзор Акмолинской области за 1883 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1884. – 65 с.; Обзор Акмолинской области за 1894 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1896. – 123 с.; Обзор Акмолинской области за 1895 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1897. – 127 с.; Обзор Акмолинской области за 1902 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1903 – 76 с.; Обзор Акмолинской области за 1907 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. – 100 с.; Обзор Акмолинской области за 1909 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1910. – 82 с.; Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1911. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1911 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1912. – 142 с.; Обзор Акмолинской области за 1912 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1913. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1914. – 140 с.; Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1917. – 142 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ М

Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения Акмолинского уезда (с г. Акмолинском) (1882-1915 гг.)

Год	Родилось	Умерло	Прирост	Коэффициент естественного прироста, в промилле	Всего населения
1882	2634	2157	+477	3,79	126018
1883	2665	2277	+388	3,06	126778
1891	3305	2279	+1026	7,36	139480
1894	3869	2458	+1411	9,67	145859
1902	5117	2714	+2403	10,84	221742
1907	7955	4796	+3159	12,59	250927
1909	9005	5021	+3984	14,04	283843
1910	11104	7609	+3495	11,21	311888
1911	12129	6105	+6024	18,45	326463
1912	12145	6115	+6030	17,91	336658
1913	12239	6273	+5966	17,47	341512
1915	8758	5024	+3734	11,09	336802

Примечание - Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1881 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1882; Обзор Акмолинской области за 1882 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1883; Обзор Акмолинской области за 1883 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1884. – 65 с.; Обзор Акмолинской области за 1891 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1892. – 85 с.; Обзор Акмолинской области за 1894 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1896. – 123 с.; Обзор Акмолинской области за 1902 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1903 – 76 с.; Обзор Акмолинской области за 1905 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1906. – 73 с.; Обзор Акмолинской области за 1907 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. – 100 с.; Обзор Акмолинской области за 1909 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1910. – 82 с.; Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1911. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1911 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1912. – 142 с.; Обзор Акмолинской области за 1912 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1913. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1914. – 140 с.; Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1917. – 142 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ Н

Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения
Атбасарского уезда (с г. Атбасаром) (1902-1915 гг.)

Год	Родилось	Умерло	Прирост	Коэффициент естественного прироста, в промилле	Всего населения
1902	2878	1464	+1414	14,26	99158
1907	3917	2212	+1705	14,36	118727
1909	5079	2595	+2484	18,71	132731
1910	6720	4741	+1979	12,77	154929
1911	6428	4890	+1538	10,20	150796
1912	6436	4902	+1534	10,06	152558
1913	6534	4898	+1636	10,45	156558
1915	6833	4148	+2685	16,03	167475

Примечание - Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1902 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1903 – 76 с.; Обзор Акмолинской области за 1905 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1906. – 73 с.; Обзор Акмолинской области за 1907 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. – 100 с.; Обзор Акмолинской области за 1909 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1910. – 82 с.; Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1911. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1911 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1912. – 142 с.; Обзор Акмолинской области за 1912 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1913. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1914. – 140 с.; Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1917. – 142 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ П

Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения Петропавловского уезда (с г. Петропавловском) (1882-1915 гг.)

Год	Родилось	Умерло	Прирост	Коэффициент естественного прироста, в промилле	Всего населения
1882	3720	3305	+415	4,10	101287
1883	3676	4804	-1128	-11,24	100383
1891	3690	3672	+18	0,16	115023
1894	4382	3303	+1079	9,16	117833
1902	8290	4720	+3570	18,70	190937
1907	8427	5275	+3152	14,52	217124
1909	9392	5551	+3841	14,10	272341
1910	12934	8711	+4223	14,22	296956
1911	13558	9003	+4555	15,62	291602
1912	13584	9021	+4563	15,52	293989
1913	13625	9055	+4570	15,55	293809
1915	13754	10280	+3474	10,43	333156

Примечание - Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1882 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1883; Обзор Акмолинской области за 1883 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1884. – 65 с.; Обзор Акмолинской области за 1891 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1892. – 85 с.; Обзор Акмолинской области за 1894 год. - Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1896. – 123 с.; Обзор Акмолинской области за 1902 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1903 – 76 с.; Обзор Акмолинской области за 1905 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1906. – 73 с.; Обзор Акмолинской области за 1907 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. – 100 с.; Обзор Акмолинской области за 1909 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1910. – 82 с.; Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1911. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1911 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1912. – 142 с.; Обзор Акмолинской области за 1912 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1913. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1914. – 140 с.; Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1917. – 142 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ Р

Динамика рождаемости, смертности и естественного прироста населения Кокчетавского уезда (с г. Кокчетавом) (1902-1915 гг.)

Год	Родилось	Умерло	Прирост	Коэффициент естественного прироста, в промилле	Всего населения
1902	8641	4483	+4158	22,22	187162
1907	12001	6139	+5862	27,23	215243
1909	13222	6185	+7037	26,97	260953
1910	17137	9887	+7250	22,99	315308
1911	15893	8647	+7246	21,87	331359
1912	15923	8686	+7237	21,54	335938
1913	15972	8754	+7218	20,67	349241
1915	16693	10202	+6491	18,06	359459

Примечание - Составлено по данным: Обзор Акмолинской области за 1902 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1903 – 76 с.; Обзор Акмолинской области за 1905 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1906. – 73 с.; Обзор Акмолинской области за 1907 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. – 100 с.; Обзор Акмолинской области за 1909 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1910. – 82 с.; Обзор Акмолинской области за 1910 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1911. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1911 год. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1912. – 142 с.; Обзор Акмолинской области за 1912 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1913. – 116 с.; Обзор Акмолинской области за 1913 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1914. – 140 с.; Обзор Акмолинской области за 1915 год. – Омск: Эл.-типогр. Акм. Областного Правления, 1917. – 142 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ С

Динамика численности населения городов Северного Казахстана (1897-1926 гг.)

Города	1897 год	1911 год	1920 год	1923 год	1926 год
Акмолинск	9688	13842	10882	10686	12781
Атбасар	3038	2973	5389	6556	7746
Кокчетав	4962	4774	7939	10452	11053
Кустанай	14275	25220	20115	20700	25417
Павлодар	7738	9549	14286	19065	17949
Петропавловск	19688	43248	35934	36264	47357
Тургай	896	1656	-	-	1836

Примечание - Составлено по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXVII. Тургайская область. - СПб.: «Слово», 1904. – 150 с.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXI. Акмолинская область. - СПб.: «Слово», 1904. – 135 с.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального стат.комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXIV. Семипалатинская область. - СПб.: «Слово», 1905. – 148 с.; Азиатская Россия. Т.1. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – 578 с.; Мешков А.А. Горперепись КССР 1923 года. // Статистический вестник. – Б.м.: Орган Центр. стат. управ. КССР, 1923. №1. – С. 85-86; Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. - М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 14.

ПРИЛОЖЕНИЕ Т

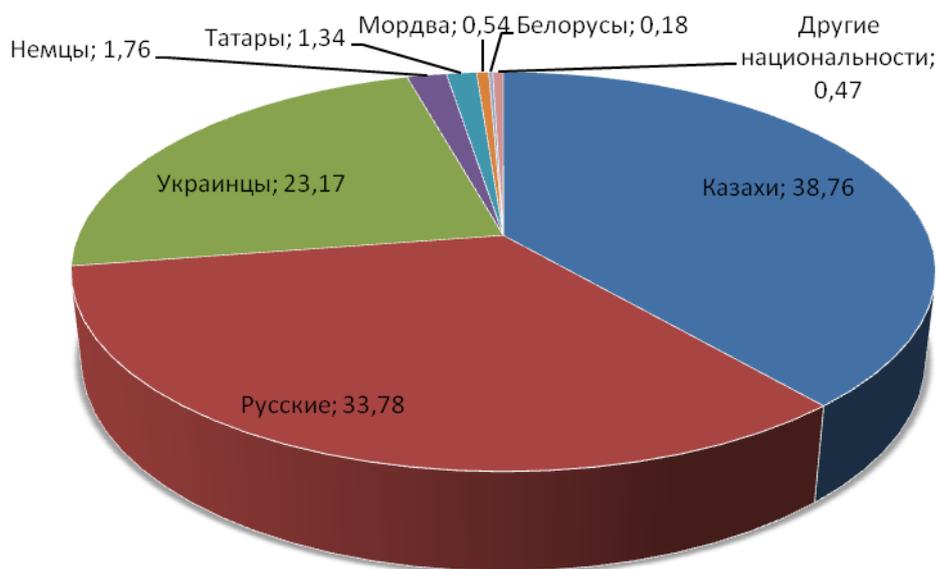

Рисунок - Национальная структура населения Северного Казахстана по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года (в %).

Примечание - Составлено по данным: Всесоюзная перепись населения 1926 года: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Том VIII: Казахская АССР. Киргизская АССР. – С. 134-147.